Герои Великой Отечественной

Фронтовые мемуары Победителей

КОМАНДИР Т-34

Николай Борисов

НА ТАНКЕ ДО ПОБЕДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К 70-летию Великой Победы. Уникальные воспоминания командира Т-34, отвоевавшего на передовой более года, – для танкиста это был огромный срок, ведь танковые части зачастую дрались буквально «до последней машины»: их отводили в тыл на переформирование лишь после потери всей бронетехники. Автор 5 раз горел в подбитых «тридцатьчетверках», но и сам сжег более дюжины немецких танков, а уничтоженные орудия, автомобили, огневые точки и живую силу противника «даже не считали».

- Николай Борисов
  -
  - Слово от автора
  - Довоенная жизнь
  - Начало войны
  - 1-е Горьковское
  - Выпуск и запасной полк
  - Дорога на фронт
  - Горький урок
  - Родина измены не прощает
  - Успех на перекрестке
  - Особое задание
  - Повезло
  - Ранение
  - Баку
  - Эмма
  - Я дома
  - Снова в строю
  - Сердца моего боль
  - Опасности со всех сторон
  - Боевой счет
  - «Рабочая лошадка»
  - Победа
  - Про выпивку
  - О наградах
  - Самый главный вопрос
  - Мама, помолись за меня
  - Где же вы теперь, друзья-однополчане?
  - Через три страны…
  - «Чамадан»
  - Проигравшие
  - Фронтовой быт

    - Послевоенная жизнь
    - Тягостные думы
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

Николай Борисов
Командир Т-34. На танке до Победы

В коллаже на переплете использована фотография: Иван Денисенко/РИА Новости.

В оформлении переплета также использована фотография из архива автора.

В оформлении переплета использован элемент дизайна: Felix Lipov/Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Борисов Н.Ф., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Слово от автора

Как известно, прошлое не возвращается. Оно превращается в воспоминание, в нагромождение минувших событий, мыслей, чувств, расположенных безо всякого порядка. Время уже не властно над памятью. У памяти свои законы…

Валентин Катаев

Давно собирался кое-что вспомнить и написать о войне, как она виделась безусому лейтенанту, но все отвлекали дела, заботы. А потом как-то на досуге глянул на календарь и обнаружил череду различных дат, годовщин, юбилеев – государственных и семейных. Да еще каких! 65-летие, 75-ти, 85-ти. Понял, что отступать больше некуда! Пришлось засучить рукава…

Многое уже подзабылось, поэтому для начала пересмотрел имеющиеся архивные документы. Затем проштудировал мемуары ветеранов 1-й гвардейской танковой армии и 4-го гвардейского танкового Кантемировского корпуса, в которых прошел настоящую школу побеждать. Сразу вспомнилось многое.

В своих зарисовках я постарался передать впечатления о самых разных событиях, пережитых в войну. О тяжелых боях и победах, о трудностях и лишениях, о веселом и грустном, и все же мои воспоминания прежде всего о людях. О боевых товарищах, с которыми меня свела фронтовая судьба. Именно им я посвящаю эти строки.

Довоенная жизнь

Родился я 3 ноября 1924 года в селе Барское-Татарово Вязниковского района тогда Ивановской, а ныне Владимирской области.

По тем временам семья у нас считалась не самая большая, родители и нас четверо: старшая сестра Александра, 1910 г. р., Сергей, 1915 г. р., я и самый младший Володя, 1929 г. р.

Если говорить о жизни до коллективизации, то можно сказать, что мы хорошо жили. Даже взаймы давали. Во времена НЭПа отец с мужиками скинулись и купили молотилочку. Быстро обмолачивали свое, а потом помогали другим. Сколько земли имели, не знаю, но хозяйство было крепкое. Корову держали, лошадь, поросеночка, несколько овец, курочек, ну и имели при доме огород в 40 соток и сад. И сам дом был очень приличный – деревянный сруб. Внизу погребок, где соленья хранили. Приличный двор, баня своя на участке. В общем, все прелести для хорошей жизни у нас имелись, и, сравнивая с другими, я уже понимал, что на общем фоне мы весьма прилично живем. Корова есть, значит, и молочко имеется. Если теленочка зарезали, половину себе, половину продали. Хотя и налоги высокие платили, но нормально жили. А потом у нас организовали колхоз «Путь Ильича» и все, что полагается, мы отдали: лошадку, корову.

Коллективизацию у нас стали проводить где-то в 30-м году, мне уже шесть лет было, поэтому я помню отдельные картиночки. Как собирались собрания, как проводилась агитация. Вот только отец у нас как крепенький середнячок особого желания вступать в колхоз не имел. Но обстановка так сложилась, что людям ясно дали понять. Если нет – что-то другое будет… На все наше большое село, тогда порядка ста домов было, у нас раскулачили, насколько я помню, три семьи. Отец возмущался: «Ну, какие они кулаки?» Просто работящие, зажиточные крестьяне, которые категорически отказались вступать в колхоз, то есть ни за что пострадали. Но их куда-то выслали, и в одном из их домов правление колхоза расположили, а в другом избу-читальню.

А в соседней деревне жила семья сестры моей мамы, так их раскулачили и отправили на Урал. Справедливо, несправедливо, я деталей до сих пор не знаю, но семья у них была довольно-таки мощная. Имели две лошадки и три коровы, а из шестерых детей – пятеро сыновей. И когда их раскулачили и выслали, вот тут отец уже окончательно все понял – придется вступать.

А когда вступил, его назначили бригадиром полеводческой бригады, потому что он выделялся способностями и физической

силой. Два года отец бригадирил, а потом произошел такой инцидент. Один из его подопечных отказался выполнять порученную работу, и отец его начал «воспитывать», поддал ему под одно место. В результате тот пишет заявление в правление и отца начинают там по полной чехвостить.

Понятно, он стоял на своем: «выполнял обязанности, а как иначе бездельников и тунеядцев воспитывать?» Долго все это длилось, и, в конце концов, ему объявили строгий выговор. Но он тоже, как говорится, закусил удила и пошел на принцип: «Не буду больше бригадиром!» Его не снимают, но и он на работу не выходит. В общем, скандал длился продолжительное время, его все уговаривали, стращали, пока он не написал заявление: «В соответствии со статьей такой-то устава сельхозартели прошу меня исключить из состава…» А в это время его младший брат был военкомом нашего района, и он как-то помог. Доказал, что отец прав и требования устава нужно выполнять. И только тогда отца отпустили. Он устроился ездовым и всю жизнь проработал в артелях в нашем поселке Мстера. А мы с Володей и мамой числились колхозниками. Я, например, начал работать в колхозе практически с двенадцати лет. Как каникулы – я непременно в колхозе.

Отец о новой власти старался плохого не говорить. Но когда с мужиками хорошо заложат, высказывал, было дело. Не то что критиковал власть, но, допустим, так мог выразиться: «Были же времена, когда мука была отличная. Из нее пирог высокий получался, как полагается. А сейчас мука совсем не та.» Но он понимал, когда и что можно говорить. Тем более его брат находился на руководящей работе, и отец понимал, что нельзя его подвести. Он вообще был мудрый мужик, много всего повидал в жизни.

Дело в том, что наш поселок еще чуть ли не с XVIII века специализировался на изготовлении икон, и там работала художественная школа по иконописи. Но ведь эти иконы надо было продавать. Так отец, еще будучи подростком, вместе со взрослыми ездил ими торговать в Тверскую, Псковскую, Новгородскую, Санкт-Петербургскую губернии, даже за Урал ездили с разными приключениями.

А в армии он служил в Подольском полку, который формировался в Шуе, и дослужился до унтер-офицера. Бывало, хвалился: «Это не то что нынешние сержанты! Командира полка мы почти не видели, так что это мы были настоящими начальниками!» И когда немножко выпьет, любил команды подавать: «На построение!» А голос у него был приличный. В детстве даже в церковном хоре пел. Рассказывал кое-что и про

фронт.

Например, как попал в плен в Брусиловском прорыве. И очень по-доброму вспоминал работу у хозяина в Австро-Венгрии. Он у него по хозяйству работал и в лавке за прилавком стоял. Но, вспоминая это время, всякий раз сокрушался: «Вон Иван Алексеевич в плену выучил немецкий язык и сейчас в школе преподает. Этим хам-хам, хам-хам деньги зарабатывает. А я по-прежнему горбом да руками… Надо было тоже учить, да дураком был.»

Привез из плена бритву, которой брился до самой смерти. А прожил он 90 лет. Точил, налаживал и приговаривал: «Лучшего мне и не нужно!» И привез свой крест «За заслуги». Я его спрашивал: «Как же ты его сохранил-то в плену?» – «Подшивал в одежду и никому не говорил». Этот крест долго у нас в шкатулочке хранился, но потом и он, и мой осколочек, который я отдал матери, куда-то задевались.

У нас в селе стояла Никольская церковь. Очень красивая, величественная, чуть ли не XVII века постройки. Так я помню, что арестовали священника. Куда-то пропал, но семья осталась. Но через месяц или два отец Василий вдруг вернулся и с год, наверное, еще побыл. К тому времени храм уже закрыли, но он чего-то там пытался. По великим праздникам ходил по селу, никому не навязывался, но если его просили, заходил в дом и проводил обряды. Помню, он к нам так на Пасху зашел, но я с перепугу спрятался под стол. Выманили меня только с помощью конфетки и положенный ритуал состоялся.

Но через год он опять пропал, и на этот раз навсегда… Причем в этот раз вместе с семьей, а там же трое ребятишек. Соседи рассказывали, что их забрали ночью на «воронке».

Еще хорошо помню, как с нашей церкви колокола сбрасывали. Мне уже было лет 10–11, когда прошел слух – сегодня будут снимать. Собрался народ, в основном пожилые бабульки. Ну и мы, пацаны, конечно, тут как тут.

Приехали чужаки, и, видимо, они уже опыт имели, потому что умело принялись за дело. Сначала маленькие колокола сбросили. Потом спустили большой, а он в дверной проем не проходит. Начали выбивать кирпичи, но это же не нынешняя кладка, там словно железо, поэтому задержались еще на сутки. И когда упал большой колокол, от него откололся большой кусок. Бабки и так все это время причитали, а тут просто стали проклинать этих «антихристов». Все ближе и ближе подходили к ним. Но те ничего не отвечали. Молча все проделали, погрузили на свои подводы и увезли.

Родители восприняли это очень тяжело. Отец, может, и не

такой верующий был, не помню, чтобы молитвы читал, но часто крестился и по великим праздникам ходил в церковь. А вот мама у нас была очень набожная женщина. Постоянно перед едой молилась, перед сном. Лампадочку зажигала, крестилась, молилась. Но этой темы мы почти не касались и нас особенно не приучали. Хотя все мы, конечно, крещеные, но вот крестик я не носил и ни одной молитвы не знал. Но в церковь ходил. По большим праздникам мы обязательно всей семьей ходили. До сих пор отлично помню, какой аромат ладана стоял в нашей церкви, где какие иконы находились. Ну и все праздники у нас справляли, как полагается. Готовили все самое лучшее, понятно, что у нас в сердце отложилось ощущение праздника. Мужички собирались. Отца я в жизни пьяным не видел, но выпить он любил. А по такому поводу, как говорится, не грех и выпить и закусить.

Отец с матерью все посты соблюдали. Отец, правда, иногда бурчал маме: «Я скоро ноги таскать не буду…» А она ему так выговаривала: «Ты сам подумай. Столько лет прожил, но никакими болезнями не болел, в больнице не лежал. Тебя Бог бережет!» – и он соглашался.

Когда подошел срок, родители собрали меня в школу. Конечно, никакого портфеля не было, обыкновенная холщовая сумка через плечо. Собрались у школы, ждем, но что-то никого нет. Двери в школу открыты, в классах вроде все готово, но учителей почему-то не видно. Мы тут, конечно, бегаем, веселимся, ждем звонка. Потом смотрим, с поселка идут трое: мужчина в возрасте и две девочки. Прошли в школу – сразу звонок дали. А школа у нас бывшая церковно-приходская: два класса, комната для труда и коридор. Нас всех построили, и состоялось представление: «Вот для 1-го и 3-го класса учительница такая-то. А 2-й и 4-й в соседнем классе. Учительница такая-то».

Дома спрашивают: «Что там у вас за учительница?» – «Да девочки какие-то пришли». – «Что вы голову морочите, какие еще девочки?» Потом выясняется. Эти девочки окончили 7-й класс, за лето прошли краткосрочные курсы, и их запустили на самостоятельную работу к нам в глубинку. Вероятно, для эксперимента. Но ясно же, что вышло горе, а не обучение. Кто хочет приходит, кто хочет, уходит… А весной эти девочки и сами загуляли, убежали из школы, и мы остались сиротами.

Им на смену прислали двух женщин, они попытались привести нас в норму, но ничего не вышло. Поэтому было принято решение – всех оставить на второй год. Вот так я оказался второгодником.

А на следующий год еще же подошел 1-й класс, детишек-то

много было, и теперь за каждой партой сидели по четверо. Кто на коленках, кто сбоку. А учителями прислали семейную пару. Возрастные муж с женой – Тихомировы Елена Никифоровна и Николай Петрович. Взяли они нас в шоры и в течение первой четверти привели к норме.

Четыре класса закончил, пошел в семилетку в поселок. Там две школы работало. Средняя – 11-я и семилетка – 12-я. Ясно, что все ближайшие деревни в эту семилетку. А поселковых в среднюю – привилегия. Тут мы стали понимать, что вроде мы и одинаковые, но не совсем. Там и условия получше, а мы в пяти разных зданиях.

Учился я хорошо, но не отличник. После 7-го класса большинство наших сельских пошли работать, а учиться дальше осталось всего пять человек. В том числе и я. Мама у нас почти неграмотная была, но мудрая женщина, и она сказала решающее слово: «Колька, ты учись! Впереди только так можно по-настоящему в жизни устроиться! А мы и без твоих рук обойдемся!»

И когда я школу оканчивал, думал, что пойду учиться в сельскохозяйственный институт. То ли на агронома, то ли еще на кого-то. Как-то мы побывали в гостях у дяди, а они как раз приехали с отдыха на юге и привезли немного фруктов: груши крупные, виноград. И почему-то у меня появилась мысль – займусь виноградарством.

Начало войны

Летом 1941 года я, как всегда в каникулы, работал в колхозе. В те дни картошку, что ли, окучивали. А председатель был разумный мужичок, и он нам говорил так: «С утра по холодку поработаете, а днем отдохнете. В футбол поиграете. А после обеда еще пару часиков поработаете». И вот прихожу к полудню домой, а мама мне и говорит: «Коля, по радио сказали, что в 12 часов будет важное сообщение!» В селе тогда электричества еще не было, но радио уже провели, и у нас дома эта черная тарелка на стене висела. Прослушал выступление Молотова, и концовку его запомнил на всю жизнь – «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Лично для меня весть о войне оказалась неожиданной. Правда, когда старший брат Сергей встречался с отцом, то я слышал, как они поговаривали: «Обстановка какая-то сложная, неспокойная. Не исключено, что может быть и война…» Такие разговорчики были, но в силу возраста я их не особенно воспринимал.

Многие ветераны вспоминают, что молодежь чуть ли не с радостью восприняла начало войны. Не скажу, что я с радостью воспринял эту новость, но у меня была твердая уверенность, что мы с ними быстро справимся. Мы же все были воспитаны на фильме «Чапаев», мечтали стать командирами, и я думал вначале, что мы их эге-ге-гей как погоним… Хотя отец постоянно говорил: «Немцы не дураки, не то что мы. Нас пока тут раскачают, тогда мы чего-то можем, а у немцев точный расчет. Я их хорошо знаю!» Тем не менее он тоже был убежден в Победе: «Германия же маленькая, а мы вон какая махина.» Но когда пошли похоронки и когда всех мужиков зачистили, тут, конечно, стало тревожно.

Но патриотизм был большой. Помню, в школе карту повесили, отмечали на ней флажками продвижение войск, а они все ближе и ближе к нам. И лишь когда немцев под Москвой разгромили, тут уже пришла уверенность – точно победим!

Впрочем, обсуждать неудачи начального периода войны было особо некому. Потому что более грамотными и активными были мужчины, но их всех подчистую загребли в армию. А среди женщин я таких обсуждений не слышал. Но вначале, конечно, настроение было неважное.

Все лето до призыва я отработал, даже бригадиром назначили, и председатель колхоза Анатолий Иванович Беляков уговаривал меня бросить школу и работать в колхозе. Но

родители сказали однозначно: «До 1 сентября хорошо поработай, а потом учиться надо!» И осенью я пошел в 9-й класс.

Но проучились с месяц, наверное, а в октябре 41-го последовало распоряжение – построить вокруг поселка противотанковый ров. И всех учеников, начиная с 7-х классов и старше, бросили на рытье этого рва.

Копали мы его недели две. Ребята копают, а девочки по кухне. В перерыв выскакиваем, картошки поели и опять за работу. Он же шириной пять метров, глубиной три, а в длину три с лишним километра.

И на всем протяжении люди, люди, люди… Потом на фронте мне такой ров встретился раз в Польше, но там уже я понял, как его преодолевать.

Эвакуированных в нашем селе не было. А вот наш поселок по тем временам считался большим, 11–12 тысяч жителей, и туда эвакуированных много приехало, и сразу два госпиталя открыли. Один обустроили в школе, а другой – в здании художественной школы.

Знаю, что среди эвакуированных было много москвичей и ленинградцев. Например, в поселковую больницу прибыл врач из Ленинграда. Я слышал разговоры, что хирург он был исключительный. Очень его хвалили. И тихонько добавляли: «Еврей». У нас же евреев совсем не было, их и не видел никто. Я его потом видел пару раз. Возрастной уже, и без ноги, на протезе ходил. Насколько я знаю, он так и остался жить в Мстере до конца жизни.

К моему уходу в армию двое наших односельчан уже вернулись после ранений домой. Кое-чего о фронте они, конечно, рассказывали, но не очень уж. Все-таки это совсем другое время было. Не то что сейчас, когда абсолютно все можно сказать. Тогда все-таки народ жил под контролем. И доносили друг на друга. Обстановка ужасная была, чего там говорить.

Повестку я получил в день нашего престольного праздника Покрова – 14 октября. А вот мои одногодки, которые родились в начале года, были призваны раньше, и некоторые из них успели попасть под Сталинград.

Мама подсуетилась и вызвала меня с занятий: «Собираться надо!» Хотя уже заранее все было готово. Мама, конечно, плакала, а отец как мужчина бодрился и меня вдохновлял: «Смотри там, науку познавай по-настоящему…» Но особых разговоров не было. И так ясно, какая обстановка. Обнялись, расцеловались, мама перекрестила, и вперед.

Отец попросил телегу в колхозе, и после обеда прибыли мы в район. Только вошел в военкомат, представился, а на меня сразу:

«Почему так поздно?» Прошел медицинскую комиссию, а на мандатной мне говорят:

– Будем рекомендовать тебя в танковое училище. Возражения есть?

– Нет!

Так я оказался в группе из пяти человек, которую направили в это училище.

Познакомились. Один из них оказался мой однофамилец – Борисов.

– Откуда ты?

Земляк и однокашник Алексей Черепенин

– С города.

Грязнов и Петров тоже были с Вязников. А четвертый говорит:

– А я с Мстеры!

Я пригляделся, а он невзрачный какой-то, худенький, но его лицо показалось мне знакомым:

– А мы с тобой случаем не учились вместе?

И оказалось, что он в нашей школе окончил 10-й класс в 42-м году. Так я познакомился с Алексеем Черепениным:

– Очень хорошо, что землячок. Будем держаться вместе!

1-е Горьковское

Училище стояло в Гороховецких лагерях, и ехать нам было недалеко. Ночью нас посадили на поезд, и уже через три часа прибыли на станцию Ильино. Вышли, глубокая ночь… Расспросили, где танковое училище, и уже к рассвету оказались на месте.

Назначение именно в танковое училище меня не радовало и не огорчало. Я по жизни всегда плыл по течению. Что судьба предлагала – надо брать, и без всяких!

Надо сказать, что 1-е Горьковское танковое училище это в прошлом Борисовское автомотоциклетное, но в июле 41-го его перебросили в Гороховецкие лагеря и уже здесь переделали в чисто танковое. По танковому профилю мы были всего второй набор.

Условия, надо прямо сказать, были спартанские. Кругом лес, солидные сосны, местами ольха. Местность пересеченная – песок, болота, но у нас только штаб, клуб, два учебных корпуса и офицерская столовая находились в деревянных постройках, а все остальное в землянках.

Сами землянки просто огромные – в каждой две роты по 125 курсантов. Разделены перегородкой, но все слышно. И ясное дело – все было рассчитано по минимуму. Нары двухъярусные, печурка – вот, пожалуй, и вся нехитрая обстановка.

Рядом небольшая ленинская комнатка и каптерка. Недалеко землянка командования батальона, рядом землянка-столовая. В 20 метрах умывальник, рядом колодец. Дальше небольшой строевой плац и спортивный городок. А метров за 300 озеро Инженерное. На берегу его – баня. И войск кругом видимо-невидимо! Как мы сами шутили – «кругом одни сосны, песок да солдаты».

Наша 4-я курсантская рота состояла из 120 курсантов. В основном ребята были из ближней округи: из Горького, из Тульской, Ивановской областей. Семьдесят пять процентов вроде меня – 17—18-летние юноши, остальные бывшие солдаты в возрасте до 30 лет. Большинство комсомольцы и 7 коммунистов. Были среди нас и 12 человек, которые уже успели повоевать. А трое из них даже имели правительственные награды.

Втягивание началось очень быстро. Курс молодого бойца прошли за несколько дней, потом завели нас в баню. Помыли, постригли, переодели, а мы смеялись, не узнавали друг друга. Все как одинаковые…

На головы выдали буденовки. Поношенные, но постиранные.

Шинель длинная, но протертая до невозможности. Если присмотреться, основание вроде есть, но самой шерсти уже нет. Обмундирование выдали еще довоенное, темное – танковое, но такое же заношенное, как и шинели. Помню, уже через неделю у меня коленки на штанах треснули, и я их ремонтировал до самой весны.

Учебный процесс начался 1 ноября. Распорядок дня был очень жесткий. Подъем в 6.00, физзарядка с километровым кроссом в течение часа. В зависимости от температуры воздуха занимаемся с открытым торсом, в рубашке или в гимнастерке. В столовую шли строевым шагом с песней по большому кругу.

Плановые занятия – десять часов и два часа самоподготовки. Кроме спецзанятий в течение недели два часа строевой и три часа физической подготовки. Перемещения во время занятий только бегом. К каким-либо хозяйственным работам нас почти не привлекали, зато плановое обслуживание техники в любую погоду. И по воскресеньям скучать не давали. Чистили пешие тропы и дороги от снега, парки, складские территории. Участвовали в различных соревнованиях и лыжных гонках. Побывал четыре-пять раз в нарядах, большая часть в карауле. В общем, к фронтовым условиям нас готовили в максимально приближенных условиях. Большие нагрузки да к тому же зима, так что постоянно хотелось спать и чем-либо подкрепиться.

Кормили нас хоть и калорийно, по 9-й курсантской норме, но нам молодым, здоровым и с большими нагрузками на свежем воздухе, конечно, не хватало. Поначалу, пока не привыкли, трудновато пришлось. Как и все, мечтал попасть в наряд по кухне, потому что только там можно было дополнительно поесть. Но по очереди взвод туда попадал всего раз в два месяца. И все-таки постепенно втянулись и перезимовали без особых потерь. Я, например, даже санчасть не посещал, а, например, Алеша Черепенин там дважды побывал.

Полагаю, нас во всех смыслах хорошо подготовили к должности командира танка и взводного командира. Наши преподаватели – настоящие профессионалы и отличные методисты учили тому, что было необходимо на войне. Основной упор делался на изучение матчасти, вооружения, стрельбы, вождения, тактики.

Остальное – постольку-поскольку. Строевая подготовка, например, всего два часа в неделю. Всего пару раз постреляли из винтовки Мосина и из пистолета. Это так, чтобы немножко знать, главное – хорошо изучить танковое дело. Поэтому к концу обучения все хорошо ориентировались на местности, уверенно стреляли из танкового оружия, могли водить автомобили и танки.

Со знанием дела обслуживали технику. Все стремились учиться хорошо, никого не отчисляли. К тому же у нас была такая традиция – тот, кто получил двойку, должен целый день носить клин затвора, а он тяжеленький…

Всех курсантов готовили исключительно на танк Т-34. Конечно, вначале досконально изучили матчасть, а потом довелось и пострелять из него три раза. Два раза вспомогательными снарядами во время учебы, и уже штатным на экзамене. А наводил я в училище до трех часов.

Вождение у нас преподавал капитан Ершов. Вроде как хороший, но уж больно горячий, нервный, все чего-то суетился. И только так материл нас, особенно тех, кто не справляется. Но мы не держали на него зла – видно, родился такой шебутной.

А потом я как-то встретил выпускника конца 44-го года, расспросил его, и среди прочего он мне рассказывает: «Ершов погиб!» Оказывается, он там на занятиях как обычно бегал, суетился по-всякому, а курсант его не заметил и задавил.

У нас подобных несчастных случаев не было, но танковое дело без таких казусов не обходится. Всякие мелочи обязательно случались. Как-то тренировали посадку и высадку, я быстро заскочил, но люк упал мне прямо на голову. Очнулся под деревом, на меня льют холодную воду. Взводный спрашивает: «Помнишь?» – «Чего ж не помнить? Люком по башке бабахнуло…» – «Это тебе наука, чтобы лучше помнить танковое дело. Надо ловчее работать!»

Второй раз уже после войны, когда ротным был. Где-то на пень наскочили, и приложился так, что без памяти в госпитале оказался. Сотрясение мозга. Потом как-то тренировались, и три пальца люком прихватило. Но без таких казусов танкист не танкист.

И многих других преподавателей до сих пор хорошо помню. Начальник училища – полковник Николаев. Запомнилось, как на торжественном собрании по случаю 23 февраля мы его увидели при наградах и в только что введенных погонах. И сами стали мечтать о золотых погонах. Но ребята постарше нас осаживали: «Какие тебе золотые погоны? Полевые получишь, а золотые только после войны. Если доживешь, конечно.»

Помню, командир нашего 1-го курсантского батальона – капитан Бурдин. Командир роты – старший лейтенант Худалеев. Отличные строевики, спортсмены – в общем, офицеры, достойные подражания. Правда, надо сказать, что из преподавателей почти никто не воевал. Только ротный, да и то он воевал еще на озере Хасан. Иногда вечером он приходил и кое-чего нам рассказывал. Но зато теорию они нам хорошо дали.

Вот, казалось бы, второстепенный предмет топография, но до того мне нравилось, как нам его преподает старший лейтенант, забыл, к сожалению, фамилию, что я стал очень добросовестно эту науку изучать. Ведь непонятно, в какой местности на фронте окажешься, а нужно заранее быть готовым ко всему. Если река на карте, то по ней надо сразу уметь определить ширину и глубину, чтобы знать, можем ли ее форсировать. Казалось бы, мелочь, но от таких «мелочей» зависит то, как ты спланируешь бой и соответственно его исход. Хотя если совсем честно сказать, то мы на фронте карту видели лишь изредка. Даже взводным их не давали, да и ротным лишь изредка.

И, конечно, особенно хорошо запомнил нашего взводного – лейтенанта Хижнякова, ведь он проводил с нами фактически все время: от подъема и до отбоя. Рослый, спортивный, настоящий строевик, правда тоже без опыта войны. И старшину нашего отлично запомнил. Очень строгий. Ну, прямо очень. Но с ним мне удалось «подружиться».

Как-то через полгода учебы нам вдруг объявляют: «Кто из дома привезет нужные инструменты: топор, пилу, в этом роде, получит три дня отпуска». Я руку и поднял. Нужные инструменты собрал, но отец же опытный вояка, и он меня спрашивает: «А как у вас старшина?» – «Очень строгий!» – «Ну, вот что, передашь ему от меня подарок!» – и дает мне бутылочку спирта.

Вернулся, все гостинцы, что привез, сразу с взводом сели и съели, а бутылочку я старшине незаметно передал, и отношение сразу поменялось. Он же распределял наряды, и мог отправить либо в холодину на склад ГСМ или посыльным по штабу. Тут, я, конечно, стал получать «хорошие» наряды. Ребята даже косо поглядывать стали. А потом еще мама как-то раз приезжала и привезла уже два подарочка – один старшине и один взводному.

А вот в увольнительные ходить было некуда. Ближайшая железнодорожная станция Ильино находилась в пятнадцати километрах, а город Дзержинск в двадцати пяти. А о том, чтобы поехать в Горький, даже не мечтали. За девять месяцев, проведенных в училище, я там побывал всего два раза.

Как-то раз зимой меня направили в Горький на окружные соревнования по лыжам. Дело в том, что еще в начале войны, когда с фронта пошли тревожные новости, я для себя сделал вывод: «Дело-то затягивается, тут достанется и тебе, Коля… А потому надо готовиться!» И я стал усиленно работать над собой. Зимой каждый день на лыжах ходил. Летом, если ходил плавать, то не по-детски, а надо было взять рубеж – проплыть полкилометра по реке. Поэтому я был готов к войне – и морально, и физически. Очень хорошо кроссы бегал, а на лыжах работал в

пределах 1-го разряда и считался в училище одним из лучших лыжников. На занятиях помкомвзвода бывало, просил: «Тащи отстающих!» И того, кто начинает отставать, берешь под руку и тянешь за собой.

И летом съездил как-то раз. В июне 43-го немцы повадились бомбить Горький. А у нас за зиму в землянках столько клопов развелось, что не передать. Спать невозможно, словно тебя крапивой кто-то постоянно жарит. Дальше терпеть было просто невозможно, и решили от них избавиться.

В конце июня выбрали деньки с хорошей погодой, и нас с матрасами под сосны. А в землянки какие-то шашки покидали, чтобы потравить этих кровососов. И когда мы там под соснами спали, вдруг в полночь нарастает гул. Гудит-гудит, чувствуется, солидная группировочка летит. Потом стало пропадать, но через час со стороны Горького угу-угу-угу и зарево. Все повскакивали, но тут и так все ясно.

На вторую ночь то же самое. На третью звук уже поменьше. На четвертую еще меньше. Видать, наши подтянули дополнительные силы. Ведь каждый день они прилетали в одно и то же время, буквально минута в минуту, и наши уже знали, когда их ждать. В общем, так продолжалось шесть дней подряд. А среди нас было немало горьковчан, и они, конечно, очень волновались за родных. Как только бомбежки прекратились, они собрались и пошли к командиру батальона с просьбой отпустить их в город, узнать, как там родные. Начальство пошло им навстречу.

А у меня приятель был из Горького, и он мне предложил: «Коля, поедем со мной! Если что, поможешь». А мне же интересно, я такого огромного города и в глаза не видывал. Любопытно посмотреть на такую махину. И он за меня попросил, а старшина, вероятно, не смог отказать. Видать сработала та бутылочка…

С его родителями, а жили они в Автозаводском районе, все оказалось в порядке. Но видели мы и кварталы, которые начисто разбомбили. Много людей погибло. Автозаводу тоже перепало. Рассказывали, что несколько цехов вывели из строя.

Его родители пригласили нас поужинать. Но угощать-то нечем, ведь не ждали нас. И мы с ними покушали какой-то супец. Но он сильно отдавал карболкой. А я привык, что у нас дома и в училище вода отличная, а тут прямо запах такой. Но отказаться вроде неудобно, пришлось съесть. Потом его спрашиваю: «Чем так воняет?» – «Так воду-то берут с Оки, а там ее обезвреживают какими-то химикатами».

Но зато я тогда, можно сказать, по-настоящему побывал в

Горьком. В первый раз познакомился с таким большим городом. Увидел Волгу, пароходы, трамваи и многое другое.

По рассказам некоторых моих сослуживцев я знаю, что в училищах или запасных полках попадались такие командиры, которые всячески стремились задержаться в тылу и не попасть на фронт. Но у нас все было с точностью наоборот! Я знаю, что многие наши преподаватели просились на фронт, но их не отпускали. А просились они, потому что жили немногим лучше нашего. Я, например, лично видел, в каких условиях жил мой взводный, потому как несколько раз носил ему с кухни ужин. Он жил в землянке вместе с командиром 4-го взвода лейтенантом Матвеевым и говорил мне так: «Борисов, приди вечером, за ужином сходишь! А то у нас силы нет туда идти…» Понятное дело, пока туда сходишь, обратно, а как увидишь этот ужин, только раздражаешься. Тыловой-то харч не очень-то мощный был, а он же рослый мужик, спортивный.

Помню, пришел первый раз в офицерскую столовую, талоны их отдал, смотрю, повариха что-то там кинула ложками. Что-то думаю, маловато. Подвинул котелки к себе, смотрю, а там пустяк. А повариха увидела: «Ты чего там рассматриваешь?» – «Так вроде маловато, а лейтенант-то у нас рослый.» – «Где лейтенанта котелок? Давай сюда его!» – и еще ложку бросила туда.

Приношу им, они лежат на топчанах. Матвеев посмотрел: «Слушай, а чего у тебя каши больше?» А тот шутя и говорит: «Так надо своего ординарца посылать.» Вот так пошутили, но я понял, что им тоже несладко. Поэтому, когда несколько раз ходил, то всякий раз просил для них добавки. Когда добавляли, когда нет: «Чего ты тут, слушай, попрошайничаешь?» – «Так я не для себя.»

И среди курсантов такого, чтобы кто-то стремился увильнуть от фронта, я не помню. Таких откровенных трусов у нас не было, просто попадались, можно сказать, случайные люди. Вот в нашей роте, например, учились два курсанта: Шухман и Бухман. Не родственники, но похожи как одна капля. Оба киевляне, эвакуированные в Горький. Как звать, не помню, а рождения скорее всего 1924 года. Дружить я с ними не дружил, только иногда перебрасывался фразами. Помню, про Киев их что-то спрашивал, тут они сразу оживлялись и начинали вспоминать хорошую жизнь.

Оба спокойные, тихие, даже немножко забитые, они ничем не выделялись. С теорией вроде справлялись хорошо, но как только доходило до практики, вот тут они еле-еле выходили на тройку. Строевая подготовка, физическая им не давались. Бывало, на занятиях на морозе стоим, чтобы согреться, прыгаем плечо в плечо, дурачимся, а они стоят, сопли текут. Так ребята

баловались, под зад им дадут, они в сугроб падают и лежат. Сами выбраться не могут. И ребята спрашивали их: «А как же вы на фронте?» Но их дальнейшей судьбы я не знаю. Помню лишь, что училище они окончили, как и все получили звание младших лейтенантов, и за танками поехали вроде в Нижний Тагил.

Поскольку я по природе своей человек общительный, быстро схожусь с людьми, то у меня со всеми сложились хорошие отношения, и появилось несколько друзей. Даже среди ребят постарше. Например, был такой Андрей Шолохов из Тулы, но даже не знаю, куда он попал и что с ним. Просто так сложилось, что как разъехались, так связь и потеряли.

И даже не представляю, сколько ребят выжило из нашего выпуска. Таких данных у меня нет, потому что потом я ни с кем не переписывался, а встречал всего несколько человек с нашего курса.

Первая встреча состоялась, когда я пробыл на фронте всего неделю-две. На Украине мы освободили какую-то деревню. Встали, и тут я слышу, что в ручей заехал мотоцикл разведчиков и застрял. И мат… А слышу голос-то знакомый, и вспоминаю, где я его уже слышал.

В училище был случай. Как-то зимой после дежурства 4-го взвода на кухне обнаружилось, что пропало сало. Там были такие большие пласты американского сала. Весь взвод построили, и так и так, никто не признается. Потом какой-то офицер заметил, что собаки, которые обычно трутся у кухни, дерутся неподалеку. Разогнал их и увидел, что они дрались из-за куска сала. В конце концов, двое признались. Друзья из Тулы. Оказалось, что они один такой пласт украли, спрятали его в снегу, но собаки нашли раньше.

За такое дело им светил трибунал, но через пару дней их помиловали – разжаловали в солдаты и отправили на фронт. В общем, этот на мотоцикле оказался один из них. Я к нему иду, а он на меня смотрит: «Узнаешь?!» Я улыбаюсь: «А как же. Бывший курсант 1-го Горьковского танкового училища, бандит и разбойник Кузьменков!» Он засмеялся. Обнялись, разговорились, и он спрашивает: «Давно на фронте?» – «Всего две недели». – «А ну, привыкай, давай. А я уже здесь боевой!» А еще, когда он распахнул телогрейку, я заметил у него на груди два ордена Красной Звезды. Он оказался старшим на этих двух мотоциклах, и я ему предложил: «Давай танком вытащим тебя!» – «Нет, что-то повредить можем. Давай лучше с твоими ребятами вытолкнем его». Когда помогли вытолкнуть, я его спрашиваю: «Куда же вы вперед идете? Там же немцы!» – «Ничего. Задача поставлена, так что нужно узнать, где они». Они уехали, и больше я его не видел.

Вторая встреча. Поселок Липовец на Украине. Стоим, вдруг из тыла появляется танк. Весь в грязи, без крыльев – под бомбежку попал. И едут в сторону немцев. Я танкистов спрашиваю: «Вы куда?» – «Вот, везем командира в санбат». Я к нему, а это оказался мой сокурсник Никольский. Голова перемотана – пострадал при бомбежке. Нагнулся к нему: «Никольский, Борисова помнишь?» – «Помню…» – «Так вот, тебя твои ребята не в ту сторону везут!» – «Ты уж их направь куда нужно.» Показал направление, и они уехали.

И третий случай. Как-то в наше расположение заехал какой-то генерал. Но он на бронетранспортере с другими офицерами удалились куда-то в сторону, а сопровождающий танк остался. А я среди танкистов всегда искал своих однокашников. Подошел к этому танку: «Где командир?» – «Да вон!» Подхожу, точно, командир не просто мой однокашник, а парень из моей роты, но другого взвода. Фамилию, правда, сейчас уже не вспомню. Туда-сюда, разговорились, и я ему в шутку говорю: «Так ты пристроился при генерале, что ли?!» – «Не пристроился, а охраняю командование нашей армии». Оказывается, это был член военного совета армии генерал Попель [1]. И рассказывает: «Ну, очень беспокойный и ответственный генерал. Вот чего он сюда приехал? Соседи у вас чехословацкая бригада, и он приехал встретиться с их командиром». Потом спрашивает: «Ну что, горел уже?» – «Было дело…» – «А я не знаю этого». – «Ну, может еще повезет.» И все на этом. Больше на фронте никого не встречал, а нас ведь на курсе училось 475 человек.

А после войны, в начале декабря, перед самым отпуском, встречаю капитана, который мне показался знакомым. И вспоминаю, что когда меня в училище назначили посыльным по штабу, то он там был лейтенантом, начальником штаба – тогда они еще назывались адъютантами. Фамилию даже вспомнил – Миронов. Подхожу, представился: «Вы в свое время были адъютантом штаба в 1-м Горьковском?» – «Точно!» И он мне рассказал, что училище расформировали, и его направили начальником штаба танкового батальона в соседний полк. Вот и все, что я знаю про своих однокашников.

Выпуск и запасной полк

Вначале предполагалось, что мы будем учиться семь месяцев. Но ближе к лету, когда обстановка на фронтах изменилась в лучшую сторону, срок обучения нам продлили: «Будете учиться девять месяцев и месяц практики!»

С наступлением лета занятия проходили преимущественно в поле, на полигоне и танкодроме. По всему чувствовалось: приближается конец учебы. Тут мы уже окрепли и почувствовали, что скоро станем командирами. То одного назначат командиром взвода, то другого, и каждый вырабатывал в себе не только командирский голос, но и характер.

А в августе последовало распоряжение пройти производственную практику на знаменитом 112-м заводе в Горьком. В течение месяца мы поработали на всех производственных участках по сбору танка. На этом заводе, кстати, не конвейер работал, а собирали танки поштучно. По 12 машин в день. Конечно, для нас это стало большой школой. То, что теоретически знали, это одно дело. А тут мы все сами прощупали, глубоко изучили, да еще прочувствовали, в каком положении рабочие трудятся…

Нам готовили отдельно, но мы часто оставались на час-два сверхурочно. За это нам благодарность – тарелочка супчика. Мастера там в основном – пожилые люди, мастеровые. Несколько раз видел и директора завода по фамилии Рубинчик[2]. Уже в 70-х, наверное, годах я однажды поехал в командировку в Москву и оказался в одном купе с Ефимом Эммануиловичем. И когда выяснилось, что я служу с его сыном в одной дивизии и мы с ним добрые приятели, а его самого с войны помню, старик совсем разволновался. Такие вещи начал рассказывать. Рассказывал, например, как однажды его Сталин вызвал в Москву: «Товарищ Рубинчик, надо бы добавить танков…» В общем, до трех утра беседовали.

А в сентябре мы сдавали госэкзамены. Я только по марксистско-ленинской подготовке получил «хорошо», а все остальное сдал на «отлично», поэтому был аттестован на должность командира танкового взвода. Получили офицерское обмундирование, и 27 сентября 1943 года батальон в 12 часов дня выстроился на строевом плацу. Зачитали приказ о присвоении всем первичного офицерского звания «младший лейтенант», прошли поротно торжественным маршем. А в 15.00 под вековыми соснами у офицерской столовой состоялся торжественный обед с «наркомовскими» ста граммами водки. Были выступления от

командования и выпускников.

Расставались с друзьями и однокашниками по-мужски скупо, слегка обнявшись. Все понимали, что встретиться в последующем вряд ли удастся. Но о дальнейшей судьбе особо не задумывались.

В течение двух-трех дней всех распределили в команды по 20–30 человек и отправляли либо сразу в действующую армию, либо в запасные танковые полки: в Свердловск, Горький и Нижний Тагил. Я же получил назначение в команду из 30 человек, которую направили в 3-ю запасную танковую бригаду. По просьбе Леши Черепенина прихватил и его в эту команду. А в последующем взял в свой взвод командиром танка.

В состав бригады входили два учебных полка. 9-й стоял во Владимире, а наш 10-й дислоцировался в Большом Козино, что в пяти километрах от Горького. В районе автозавода стоял еще один полк, он готовил самоходчиков, но мы с ними не пересекались, поэтому ничего сказать о них не могу. Вообще в Горьком и Гороховецких лагерях располагалась мощная танковая группировочка. Там работало целых три танковых училища, да еще три учебных полка по подготовке специалистов. Мотоциклетный полк по подготовке младших специалистов, полк по подготовке на иностранные машины и полк по подготовке на самоходки.

Наш 10-й учебный полк состоял из трех батальонов. Один чисто офицерский. Второй специалисты – сержанты и солдаты из запасных и учебных полков, а в третьем формировались маршевые роты на фронт. И дней 20, наверное, я провел в этом офицерском батальоне.

Занимались там в основном учебой и совершенствованием знаний, но оставалось время и для отдыха. Вот в это время я уже частенько бывал в Горьком. С друзьями собирались и ездили туда. Побывал тогда и в оперном театре, и в драматическом, в нескольких музеях. Все это было для меня ново и интересно. Что интересно, казалось бы, война, полуголодное время, но в театрах всегда были аншлаги.

Но в этом полку плохо кормили. И плохо, это еще ничего не сказать. Мало того что 7-я норма сама по себе скудная, так ведь еще и с кухни и налево и направо уходило… В супчике бульончик вроде мясной, но крупинки пшена можно было легко сосчитать. И беспрерывно тушеная капуста. Три раза в день. В ней полагалось быть колбаске американской, но повара ее так ловко резали, что нам никак не удавалось ее обнаружить.

В запасном полку нам полагался оклад 500 рублей, а на черном рынке буханка стоила 300, так что хлеб покупать было невыгодно. Решили, что гораздо лучше покупать картофельные

лепешечки. А когда узнали цены в Горьком, ахнули – дорого. Но кто-то прознал, что на рынке в Балахне эти лепешки в два раза дешевле, поэтому ездили за ними аж туда.

Наконец, дней через 20 стали формироваться маршевые роты. Танковая рота это 10 танков – 40 человек. Кроме них еще командир роты и его заместитель по технической части, то есть всего 42 человека. Ротным был назначен капитан Долгов, уже бывалый офицер, он в основном и организовывал нам учебу. Изучали боевые порядки: боевая линия, углом вперед, углом назад, уступом вправо, как делать перестроения. А коль танков нет, ходили пешими по танковому. Но поскольку Долгов сам горьковчанин и у него жена с двумя детьми жили в городе, то он понятно стремился к ним. До обеда командовал, но потом уезжал, а вместо себя, как командира 1-го взвода, оставлял меня.

Я же старался оправдать доверие, проявлял усердие и ревностно следил, чтобы ребята не бегали в самоволки. Ну, понятное дело, они все равно бегали, но я довоспитывался до того, что как-то проснулся, а сапог моих нет. Начали искать, но не для того их крали, чтоб мы нашли. И узнали, кто их украл, только после двух месяцев боев на фронте.

А уже октябрь заканчивался, холода, а я без обуви. Тогда командир принял такое решение – одного из солдат оставлял дежурить в землянке, а я надевал его сапоги. Но это же не выход, надо что-то решать. Ясно, нужно идти к кладовщикам, наверняка у них есть что-то, но придется заплатить. Бесплатное все кончилось. Бесплатно даже на фронте нельзя получить.

Захожу на склад, так и так, говорю.

– Ну, вы знаете, у нас нового ничего нет, только поношенное. Но более-менее подобрать можно.

– Сколько?

– 400.

– У меня денег нет, но получка скоро.

– Ладно, 300.

И за 300 рублей он мне выдал поношенные сапоги. Но подметка оторвалась уже через две недели, и пришлось веревкой привязывать… Спасло только то, что когда в ноябре нас начали собирать на фронт, то выдали зимний комплект обмундирования. Тут уже я валенки получил, все как полагается.

Что еще запомнилось. 3 ноября у меня день рождения, и я попросился у ротного съездить домой. Он отпустил. Выхожу на шоссе Горький – Москва, а там пост стоит – регулировщицы. Девчата с американскими карабинами. Объяснил ситуацию, и они меня посадили на «Студебеккер». А погода. Сырой снег идет крупный, а в кабине тепло, сразу в сон клонит.

Дома родители мне немного продуктов подкинули, в том числе и килограмма два пшенной крупы. И когда вернулся, то, что привез, сразу с ребятами разложили. 12 офицеров – ясно же, что махнули сразу. А Черепенину говорю: «Алеша, я крупы привез. Давай как-нибудь каши сварим».

Удалились однажды, налили полкотелка воды, но крупы много засыпали. Готовить-то не умели. Вода кипит, крупа уже вываливаться стала, но еще не готова. Отсыпали, отсыпали в котелок, потом доваривали. Тут уже поняли, надо какой-то расчет делать. Вот так вот и жили. А потом сформировали экипажи – и на фронт.

Дорога на фронт

Я помню свой первый экипаж и последний. А в промежутках было много разных людей, и особенно в памяти они не остались. Но первый экипаж помню отлично.

Механик-водитель – Андрей Савин. Сибирский богатырь под два метра ростом, лет 35. Надежный мужик, спокойный, рассудительный. Он еще на гражданке водителем работал, поэтому технику хорошо знал. Потом я его не разыскивал, но думаю, он остался жив, потому что еще в феврале 44-го лично отправлял его учиться на танкового техника в училище.

Радист-пулеметчик – Борис Петин. Совсем молодой парнишка откуда-то с Урала. Он был младше меня на год и попал в армию сразу после школы, поэтому особенного жизненного опыта не имел. Но как член экипажа – добросовестный. Связь обеспечивал нормально. Вроде бы кто-то мне рассказывал, что он остался жив.

Заряжающий – Кондратьев, тоже молодой парнишка после школы. Насколько я помню, он выбыл по ранению в начале 44-го. Вот этим составом мы долго продержались, почти два месяца в боях, а так обычно неделя-две… Поэтому крепко сдружились, и жизнь у нас шла веселая, бодрая. Тем более мы трое одного возраста, все комсомольцы, холостяки. Только Савин был женат.

Наконец, определили день, когда будем получать технику. Выдвинулись на завод и трое суток принимали машины. Все скурпулезно, по описи.

Потом танки с завода выгнали и совершили марш на полигончик за 25 километров, и на фоне тактического учения должны были отстреляться. Вот тут мы впервые хоть немножко почувствовали, что такое бой. Заслужили оценку «хорошо».

Потом заехали на склады, получили полный боекомплект вооружения, заправились горючим и совершили марш на погрузочную площадку в Горький. Станция Сталинская, что в трех километрах от пассажирского вокзала. Но там платформа торцовая, и загонять танки нам не доверили. Только заводские испытатели могли это быстро проделать. Одно дело сбоку, а с торца – это значит надо гнать машину через все 20 вагонов эшелона. Заезжают и на второй скорости мчатся, только на стыках платформ немного притормаживают. Настоящие асы, ничего не скажешь. А дальше мы должны были закрепить танки, это тоже целая наука. И все это быстро, потому что подгоняют – время!

Да, а по дороге на погрузку у Черепенина сломался танк. Причем до станции оставалось всего полкилометра. Когда

подошли, его машины нет. Но он послал вдогонку своего члена экипажа сообщить, что у него что-то с двигателем, и нам вместо него сразу подключили совершенно неизвестный экипаж из резерва. И встретились мы с Алешей только в 48-м году. Одновременно приехали в отпуск на родину. Оказывается, он сразу после войны поступил на инженерный факультет Академии химзащиты. И как он мне рассказывал, у них, как приехали на фронт в первый заход, танки забрали и всю маршевую роту отправили обратно. В общем, стал воевать только с весны 44-го. Заслужил орден[3].

А затем мы встретились только в августе 86-го. Причем совершенно случайно Я приехал домой сестру хоронить. На автостанции в Вязниках стою, ожидаю такси. Что-то долго ждали его, смотрю, группа мужичков стоит. Их пять человек, тоже на Мстеру. И слышу среди них знакомый голос давнишний. Прислушался, так вроде Черепенин в этой компании стоит. Но сомнения, конечно, есть. Тут я вспомнил, что у него на ухе была такая природная сережечка. Зашел с одной стороны, нет. С другой посмотрел – есть. Ну, ясно…

Сразу ему говорю:

– Ну, Леша, здравствуй!

Он разворачивается:

– Здорово! А ты кто такой?

– Ты чего, уже и земляков своих не узнаешь? И про 1-е Горьковское танковое забыл?!

Вот тут он, как про училище услышал:

– Коля, неужели это ты?

– Да.

Он так помахал головой, посмотрел на меня:

– А ты довольно-таки браво выглядишь.

– Зато ты все время сутулый был, вот и согнулся раньше времени.

Обнялись, поговорили немножко. Оказывается, он после Химакадемии прослужил до самой отставки 32 года и ушел в запас подполковником. Двое детей, живет в Новосибирске и приехал на родину кого-то навестить. Вот такое совпадение…

Я попросил мужиков уступить очередь: «Мы с другом сорок лет не виделись», – но никто не уступил. Обменялись адресами. Стали переписываться. Я всегда поздравлял его по праздникам. Но в очередной год поздравления от него нет. На второй то же самое, значит…

В общем, погрузили в срок 21 машину – это штатный танковый батальон. Затем еще прицепили четыре пульмановских больших вагона. В одном запчасти, брезент и прочее. В двух – по

роте.

Затем построение, короткий митинг, заняли места в вагонах, длинный протяжный гудок, и эшелон пошел на запад в нужном мне направлении. Через мои родные места. Уже на подъезде к Вязникам я стоял и смотрел. Через 30 километров моя родная станция – Мстера. Вот тут мне как-то грустно стало, много чего пробежало в памяти.

В дороге мы провели 21 сутки. Запомнилась четкая работа дорожной службы ВОСО. Эшелоны шли вплотную один за другим. Один со станции уходит, на его место сразу второй заезжает. С фронта то же самое. Своими глазами увидели разруху, бедноту нашу.

За время движения никаких происшествий не случилось. Даже не бомбили ни разу. Только пару раз кто-то отставал от эшелона, но быстро нагонял. На печке в вагоне помещались одновременно всего три котелка, поэтому готовили на ней круглые сутки и принимали пищу по мере готовности. По очереди несли службу по охране эшелона.

Наконец, утром прибыли в место назначения – станция Бровары под самым Киевом. Там и узнали, в какой части нам предстоит воевать. 40-я гвардейская танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии.

Нас встречал командир бригады Веденичев, кто-то еще из офицеров, и среди них командир батальона. До этого в бригадах было по два батальона, а тут ввели новое положение, и мы стали 3-м батальоном в бригаде. 5-я рота. Командир батальона представился – капитан Пинский. Начальник штаба – старший лейтенант Теневицкий. Замполита и зампотеха уже не вспомню. Комбат сел на первую машину, отдал приказ на марш и поехали… Это уже декабрь шел.

В пределах недели находились в этом районе, а потом получили приказ выдвигаться на передовую. Совершили марш километров на 60, по понтонному мосту в центре Киева форсировали Днепр, прошли по окраине города и вышли на разбитую дорогу. Вот где-то здесь по дороге на фронт случился памятный эпизод.

На привалах что делают в первую очередь? Проверяют технику. И вот на одном привале быстро все проверили, доложили начальству, как вдруг где-то недалеко затрынькала гитара. Потрынькала-потрынькала, а после этого довольно-таки приятный мужской голос запевает песню «Темная ночь». Кто кувалдами стучал, кто что, но все мигом всё побросали и стали слушать. Вся колонна замерла. И голос хороший, и сама песня такая трогательная. Правда, мы тогда и не знали ее, но кто-то

вспомнил, что есть такой фильм и в нем эта песня. В общем, допел он, и опять тишина воцарилась. Но, кто пел, мы так и не увидели. А в конце войны ко мне в роту попал «парень с гитарой», я потом обязательно о нем расскажу.

В конце концов, прибыли в какую-то деревню, где пробыли двое суток. На третий день поднимают по тревоге в пять утра и устраивают небольшой митинг. Накоротке его провели, но я до сих пор вспоминаю момент, как нам объявили: «Сегодня 1-й Украинский фронт переходит в решительное наступление по освобождению Правобережной Украины!» И только митинг закончился, до нас донеслась мощная канонада, которая длилась два часа. Это было 24 декабря 1943 года…

Колонной пошли вперед и только к вечеру вышли к передовым позициям, откуда началось наступление. Там, конечно, никакого снега нет – все перемешано, только черная земля кругом. А проезжая дальше, видели и отдельные сгоревшие танки, и убитые кое-где валяются. Вот так постепенно врастали в боевую обстановку. Но в бой мы вступили только через двое суток. Впереди шли другие части, а мы, видимо, должны были войти в прорыв. Как я уже после узнал, мы должны были освободить Бердичев.

Горький урок

До сих пор помню свой первый бой. Как и все первое, он накрепко остался в памяти. Тем более сложился он для нас неудачно, а такие моменты всегда еще больше запоминаются.

Мы медленно продвигались вперед, маскировались от авиации в рощах. И на третий день получили задачу – взять деревню. А когда командир отдает приказ, то в конце он обязательно оговаривает – «резерв такой-то и если со мной что случится, то меня будет замещать такой-то». И комбат именно мой взвод выделил в резерв, поэтому наша рота пошла двумя взводами.

Развернулись в боевой порядок и пошли, слегка постреливая. Вроде ничего не предвещало со стороны противника. А впереди оказался ручеек, и я после этого у комбата посмотрел на карте. Он был обозначен так, вроде ничего серьезного. Но только первые танки достигли этого ручья, четыре или пять машин сразу застряли, а остальные за ними встали. А я нахожусь рядом с комбатом и вижу весь этот строй и всю ситуацию.

Командир роты подает приказ, чтобы подогнали один танк и помогли вытащить застрявших. Зацепили и, по-моему, два танка успели вытащить. А потом ба-бах… С первого же выстрела один танк загорелся, а потом пошло выщелкивание… Два, три, уже пять горят, и все это у меня на глазах.

Видимо, у немцев там поначалу ничего не планировалось, но, когда они такое дело увидели, воспользовались моментом, подошла самоходка и как начала. Но мы эту самоходку тоже подбили. Она уже горела, а по ней еще стреляли и стреляли от злости.

А из этих пяти сгоревших машин мы двоих офицеров похоронили, а несколько человек отправили в госпиталь. В том числе и одного моего однокашника и однофамильца из другой роты. Я видел, как экипаж вез его на санках. Его то ли в живот, то ли в грудь ранило. Лицо в крови, руки в крови, держится ими за бок. Сказал мне на прощание: «Все, отвоевался.»

Конечно, я слышал, какие там комбат команды подавал, какие слова кому-то там говорил. Но для себя я сделал вывод: вначале нужно хорошо изучить место по карте и, если есть возможность, отправить вперед дозор. Чтобы не создавалась такая обстановка для всего батальона. Понял – это урок! Нужно быть очень и очень предусмотрительным. Так шашками махать негоже… Казалось бы, простой ручеек, но рядом с ним заболоченная местность, вот и вышло.

А вечером вышли на эту деревню с другой стороны, я в том числе, и взяли ее, конечно. Пошли дальше и через сутки взяли Бердичев. А дальше чего там только не было.

Родина измены не прощает

Там я, например, впервые увидел повешенных людей. В городишке Белая Церковь на площади на виселице висели четверо. Спереди и сзади на них фанерные таблички с надписями «Предатель! Изменник!» Кто это был, что, чего, не знаю. Мы же эту картинку на ходу видели, мельком. Но осмысливаешь.

А однажды произошел такой случай. Проезжали большое село, вдруг останавливаемся. Получаем приказ комбата: «Всем офицерам прибыть в голову колонны!» Приходим, а там майдан – площадь посредине этого села. И видим такую картину. Стоит виселица, машина рядом стоит, а на ней двое военнослужащих. Без головных уборов, без верхней одежды, без ремней. Рядом машина стоит, а у нее автоматчики, но не простые, а энкавэдэшники.

Зачитывается приговор, но до нас только отдельные слова долетали. Быстро зачитали, машину подогнали, молодцеватые мужички накинули им на головы петли, повесили спереди фанерки, и машина отъехала… Этот трибунал с исполнителями быстренько уехал, а мы остались осмысливать. Проехать мимо мы не могли, пробка. Местного населения там собралось всего человек 30, в основном женщины. Было видно, как они там плакали, потом развернулись и медленно пошли по домам.

А когда двинулись вперед, то каждый из нас думал об увиденном. Пусть люди нам неизвестные, за что их судили, не знаем, но страх все равно нагонялся. Помню, определенные переживания у меня были. Недаром эту картину не могу забыть до сих пор. И нам это служило напоминанием – если что-то не то, получите вот это. Волей-неволей такая мысль приходила.

А потом случилась первая бомбежка, ее тоже надо пережить и перенести, чтобы сделать соответствующие выводы. А получилось так.

Успех на перекрестке

Вышли мы в район Винницы, но немцы там подкинули подкреплений, и нам пришлось отходить. А когда войска отходят, то оставляют прикрытие, и вот меня назначили в такой заслон.

Перекресток дорог фактически в чистом поле, вдоль дорог липы растут. Кругом поля, местность более-менее ровная. А сзади меня находится небольшой населенный пункт, скотные дворы.

До обеда обстановка оставалась спокойная, а после вдруг с одного направления выскочил разведывательный бронетранспортер. Совершенно неожиданно, мы даже не успели как-то по нему сработать. Лишь вдогонку я сделал пару выстрелов, но не попал.

А через часик выскочила какая-то автомашина, и хотя расстояние было большое, но в нее я уже попал, как следует. Она сразу загорелась. Несколько человек из нее выскочили, мы из пулеметов постреляли, в общем, все они там остались…

Ну, а после обеда на горизонте в одном направлении довольно далеко, километров за пять, я увидел силуэты. Посмотрел в прицел – танки. А погода ясная, солнце то выйдет, то зайдет. Морозец градусов десять, в общем, хороший зимний день.

И вдруг появляется истребитель-«мессершмитт». Выскочил, прошел, потом разворачивается и пошел на меня со снижением. Стал из пулеметов долбить. Пролетел, развернулся, пошел на третий заход, но почему-то всякий раз заходит мне в лоб. Для меня это приятно, конечно. Но поскольку нас все-таки немножко учили этому: что за самолеты, какое у них вооружение, как они действуют, то я понял. Раз это одиночка, значит, должен быть мастер. Но тогда почему он мне в лоб заходит? Он же должен знать, что с тылу у меня броня потоньше, и больше вреда можно принести.

Ладно, думаю, тогда я тоже попытаюсь что-нибудь обозначить. Поднимаю пушку в его сторону – «Осколочным заряжай!» Ба-бах, но промазал, конечно. Ну а ему деваться некуда, раз он пошел на меня. И вдруг, когда он совсем близко был, вижу, от него бомба оторвалась. Прошел, но разрыва я не слышу. Он опять разворачивается на следующий заход. А я смотрю за ним и на развороте хорошо вижу и номер его, и черный крест на желтом фоне, и голову летчика. Но особого страха мы не испытывали, лишь Савин изредка высказывал смачные словечки в адрес летчика.

Снова стреляю, но немец, видимо, понял, что я не попаду в него. Тут он вторую бомбу сбросил, и опять я не слышу разрыва.

Опять заходит, уже в шестой или седьмой раз, совсем уже низко, и только после этого ушел.

Мы вылезли, посмотрели, а у нас все крылья пробиты. Запасные баки пробиты, и все горючее из них вытекло. На подкрылках стоял ящик с инструментом, пушку чистить, так все разбито и непригодное. Тут я вспомнил про бомбы.

Прошли немного назад, смотрю, обе лежат. Но одна в кювете с правой стороны от дороги, а другая слева. Если на глаз, килограммов по 50—100. Подходить ближе не стали, но я все думал: чего же они не взорвались? И как-то мне потом в Германии в 45-м подвернулся летчик-истребитель. Он находился в наших боевых порядках, чтобы наводить свои самолеты на цели. Как сейчас говорят, авианаводчик. И я его спрашиваю, вот такая со мной произошла ситуация. Он сразу вопрос: «А с какой высоты тот бросал?» – «Метров с пятидесяти». – «Все ясно. Бомба не успела набрать угол, чтобы удариться, как положено, и ударный механизм не сработал».

Но я к какому выводу пришел после этого? Во время налетов нужно сидеть в танке и никуда не бегать. Броня надежно защищает от осколков, а попасть прямо в танк не так-то просто. И второе – я сразу же занялся изучением самолетов. И наших, и немецких. И через какое-то время я уже по силуэту и по звуку мог определить, что для нас опасно, а что нет.

Ладно, самолет улетел, а танки пусть и медленно, но все-таки двигаются к нам. А это гораздо опаснее… Когда подошли на два километра, их уже стало хорошо видно. Насчитал 12 штук, и про себя думаю: ну и что я им один в этом ровном поле сделаю?.. А приказ-то у меня – держаться до темноты! И тут вдруг слышу гул какой-то. Оглянулся назад, смотрю, с тылу ко мне двигаются две самоходные установки САУ-152. Откуда они появились, не знаю, но ясно, не случайно. И главное, появились для нас в самый нужный момент. Недалеко находился длинный то ли сарай, то ли скотный двор, крытый соломой, и они раз – и в него завернули. Немцы их не видят – красота! Зато я, как только их увидел, понял – мы здесь не погибнем! Пришли две такие штучки, которые поддадут немцам как следует. Недаром их прозвали в войсках «зверобой». Ну и мы тут можем принять участие. Только надо бы замаскироваться, чтобы немцы нас предварительно не раскрыли.

Заехали под какой-то стог. Веток нарубили, вокруг танка их поставили, набросали сверху соломы – вроде как стожок какой, и притаились.

Я думал, самоходки их подпустят на километр, но они начали стрелять, когда до немцев оставалось полтора. Обе выстрелили одновременно, залпом, а там же звук какой, пламя, и кто-то из

них попал. Один танк сразу загорелся.

Второй залп бабахнули, еще два загорелось. Тут ход у немецких танков заметно сбавился. А когда горело четыре или пять, тут уже и я подключился. Причем у меня была даже более выгодная позиция, немного под углом, и я мог по борту им дать. И ближний ко мне танк мне удалось подбить.

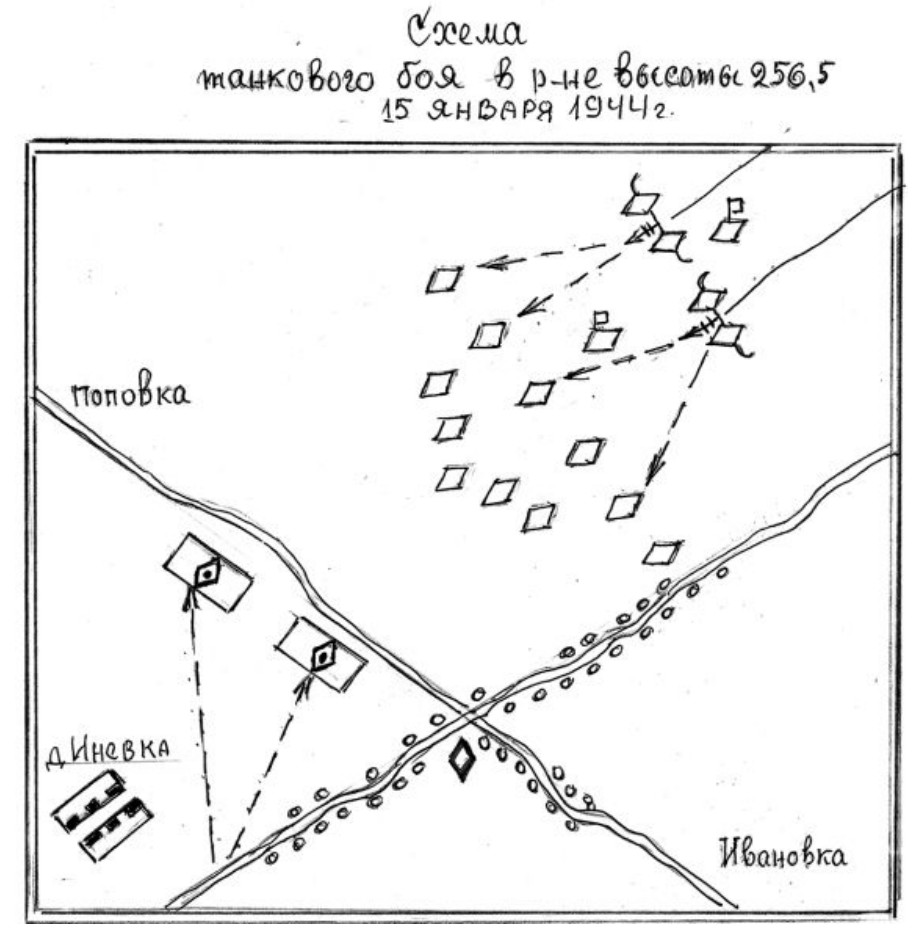


Схема танкового боя в районе высоты 256,5 15 января 1944 г.

Немцы, конечно же, тоже стреляли в ответ. Соломенная крыша сарая загорелась и потом стала хорошо полыхать. Но он же большой, и самоходки из этого сарая какое-то время еще стреляли.

И когда уже было подбито танков семь, немцы включили заднюю и стали отходить. Но самоходки еще восьмой успели поджечь, и тут спустилась темнота. Зарево, все кругом светло, факелы горят по полной, у них же двигатели бензиновые.

Смотрю, самоходки задом вышли, развернулись и двинули в

тыл. Тут я понял, что и мне здесь делать больше нечего. Тем более что со своей задачей мы справились. До темноты свою позицию не покинули, к тому же подбили один танк и машину.

Но куда ехать, где искать свою часть? В конце концов, только под утро нашел своих. Но в этой деревне всего несколько танков находилось. Моего комбата нет, только начальство в основном, и машины штабные. И когда я появился, ко мне подбегает какой-то офицер: «Кто такой? Откуда прибыл?» – Так и так, отвечаю… – «Очень хорошо! Как же ты вовремя прибыл. Идем со мной!» А я вижу, что они взволнованы, и чувствую, что-то нехорошее намечается.

Подходим к какой-то машине: «Товарищ подполковник, вот еще один танк у нас появился». Оказывается, это начальник разведки бригады, и он распорядился: «Займись им!» Принесли нам чего-то поесть, но вскоре этот офицер опять прибегает и говорит мне тихонько: «Лейтенант, положение наше аховское! У нас тут штаб бригады во главе с комбригом и знаменем, а танков всего три. А немец уже на подходе и хочет здесь нас окружить. Поэтому так. Сколько в твой танк народу поместится?» – «Даже не знаю.» – «Хорошо, я тоже на твоем танке пойду».

Сколько на мой танк залезло людей, не знаю, не считал, но много. И вовнутрь залезли, а снаружи так облепили, что самого танка и не видно. Друг за дружку держались.

Проехали километра два-три, там лощина, ручеек, и мы вдоль него на большой скорости мчим. А этот показывает рукой направление и машет мне – давай быстрей поворачивать! Но я смотрю, и думаю: как же этот ручей форсировать? И когда увидел, что впереди несколько деревьев стоит, у меня появился замысел. Передаю механику: «Идешь до деревьев, резко поворачиваешь, и по ним как можно быстрее постарайся проскочить!» И получилось удачно. А за нами один из танков засел, так и бросили его там.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

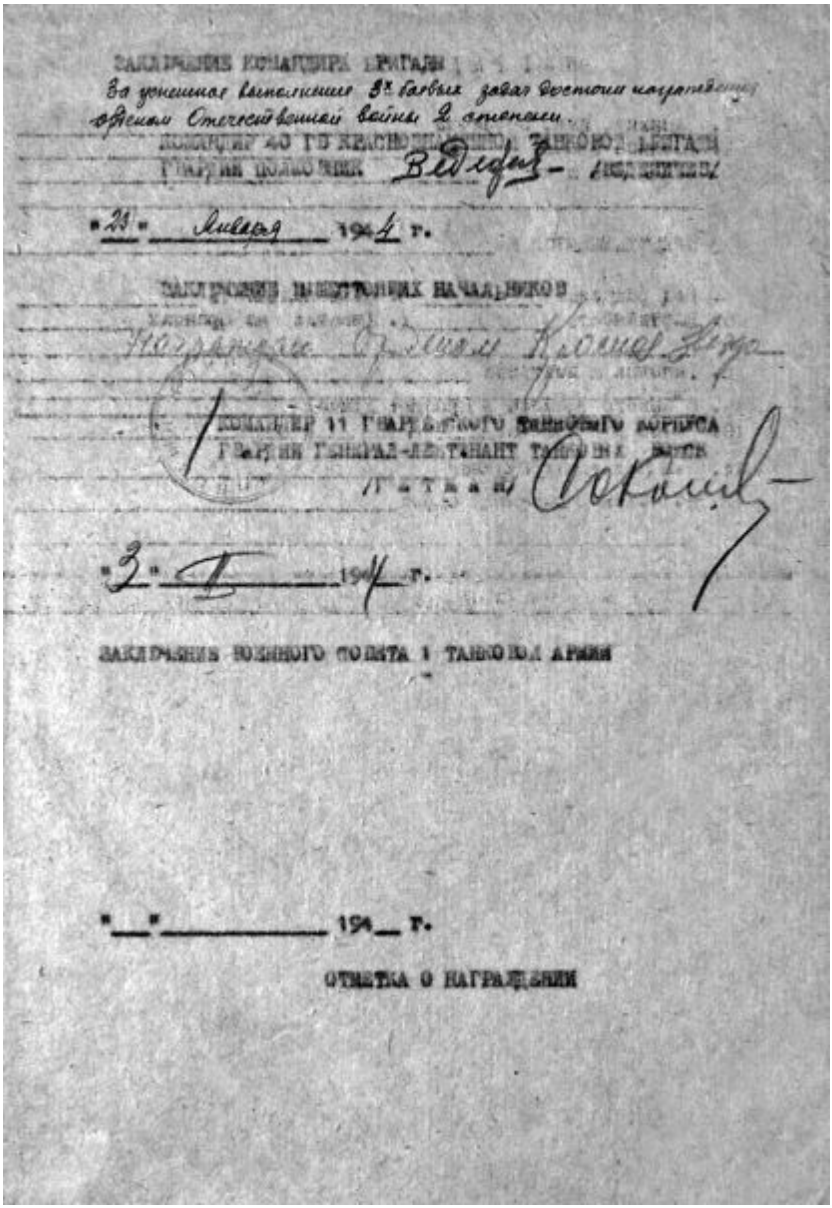
1. Фамилия, имя, отчество Борисов Николай
2. Воинское звание Красноармеец
3. Подразделение и часть [illegible]

представляется к [illegible]

4. Год рождения 1924
5. Национальность Русский
6. Партийность Не член
7. Участие на фронтах [illegible]
8. Ранения и контузия не имел
9. В какого времени в Красной Армии [illegible]
10. Какой РВК призван [illegible]
11. Был ранее награжден [illegible]
12. Постоянный домашний адрес [illegible]

[illegible]

В наступательных операциях на Выгозеро [illegible] 24.6.44 г. [illegible] тов. Борисов проявил [illegible] в бою с немецкими оккупантами. [illegible] тов. Борисов в д. Волкова [illegible] по уничтожению [illegible] [illegible] тов. Борисов [illegible] [illegible] [illegible] тов. Борисов [illegible] [illegible] [illegible]



ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМАНДИРА БРИГАДЫ

За успешное выполнение 3-х боевых задач достоин награждения Орденом Отечественной войны 2 степени.

КОМАНДИР 40 ГВ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК Ведерников

"23" января 1944 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩИХ НАЧАЛЬНИКОВ

Награждается Орденом Красной Звезды

КОМАНДИР 11 ГВАРДЕЙСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТАНКОВЫХ ВОЙСК
/ Г а т о в а /

"3" II 1944 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА 1 ТАНКОВОЙ АРМИИ

"__"_____ 194__ г.

ОТМЕТКА О НАГРАЖДЕНИИ

Командир танка 3-го танкового батальона 40-й Гвардейской Танковой Бригады Борисов Н.Н. был награжден орденом Красной Звезды: «В наступательных боях на Винницком направлении гв. мл. лейтенант Борисов проявил мужество и отвагу. 13.01.44 ему была поставлена задача – охранять переправу у деревни Воловадовка и не пропустить противника в деревню. Огнем своего танка отразил все попытки противника перейти через переправу. 15.01.44 ему была поставлена задача – не пропустить противника у перекрестка дорог Ивановка-Поповка-высота 256,5. Противник бросил в бой до 12 танков, но тов. Борисов выполнил

задачу, уничтожив при этом один танк Т-4 и одну автомашину противника»

Как приехали, этот начальник разведки записал мое имя в блокнот и предупредил: «Товарищ лейтенант – хоть я еще младший, – я доложу начальству, чтобы вас наградили!»

Ну а дальше много всякой всячины было. Но то ли я какой-то везучий был, то ли танк, но он почему-то никак у нас не горел. Все уже почти сгорели, а наш все никак. Причем он с заводским дефектом был – правые бортовые передачи постоянно барахлили. Но и он потом все-таки сгорел.

Особое задание

Мы тогда с боями прошли Житомирскую область, и в Винницкой от нашей бригады уже мало что осталось. В таких условиях немногие оставшиеся танки командование передавало в другие бригады корпуса. Сначала нас передали в одну часть, потом – в другую.

Прибыли туда часов в пять вечера. Всего там собрали около 20 «тридцатьчетверок» и 5 самоходок «СУ-85», все из разных частей. Нас, командиров экипажей, построили, разбили на подразделения, меня назначили взводным. И к нам обратился какой-то полковник: «Вам предстоит выполнить особое задание! В 50 километрах отсюда в окружении находится наш кавалерийский полк. Ваша задача – в течение ночи вывести этот полк из окружения! В бои не вступать! Главное – найти и вывести полк! Уверен, задача вам по плечу!»

Пополнили боекомплект, подзаправились, немножко познакомились и двинулись. Через пять-семь километров развернулись, прошли не особо укрепленный передний край немцев и на больших скоростях пошли по тылам. По дорогам не шли, населенные пункты обходили, но вроде пару небольших немецких колонн все равно попалось. Мы их гусеницами посбивали и, в конце концов, насколько я понял, вроде вышли к предполагаемому месту. Но никакого полка там не оказалось…

Вскоре появился какой-то самолетик, подвесил фонарик, осветил все. Подполковник совет держит, потом развернулись и помчались в другую сторону. Но время-то идет. Уже за полночь, а результата нет.

И часа в два-три заскочили в какой-то населенный пункт. А при въезде в него немцы вроде нас обнаружили. Дали вначале просто ракеты, а потом и фонари повесили. Стало светло и ясно… Смотрю, указатель стоит на немецком языке – Погребище. Это я точно запомнил. Уже потом я смотрел по карте, это село на самом севере Винницкой области.

Влетаем в это Погребище, примерно через километр колонна вдруг останавливается. Открываю люк, глянул, а справа, в пяти метрах, у хаты стоит немецкий танк. И слева стоит. И дальше они стоят, и сзади, правда, танкистов не видно. Вот тут у меня по спине пробежал холодок, и я узнал, как волосы могут дыбом вставать. На мне танковый шлем плотно сидел, но тут что-то вроде стал шевелиться. За уши его подтянул, а в голове кошмар. Прошу механика-водителя: «Савин, глянь-ка в люк, что там за обстановка?» А сам наблюдаю за ним.

Он вылез по пояс, потом медленно опускается на место и люк закрывает на защелку: «Командир, нам капут.» – «Да, я все видел. Но все же есть возможность отличиться». – «Что ты имеешь в виду?» – «Да хотя бы два ближних танка расстрелять». Бужу остальных двоих: «Подъем! Бронебойным заряжай!» Поворачиваю пушку направо, ба-бах – факел. Смотрю еще факелы появились, другие тоже стали стрелять. Поворачиваю пушку налево, бах второй. Смотрю немцы из хат в нижнем белье выскакивают, но тут колонна трогается и пошла. Вскоре населенный пункт кончился. Но если вначале я находился в середине колонны, то тут все ринулись кто куда. Я повернул свой танк налево, кто-то направо, а куда мчимся и сами не знаем. Но ясно – надо разворачиваться.

Развернулись, а ракеты уже беспрерывно, видимость лучше, чем днем. Уже бронебойные стали свистеть… И вскоре удар в моторную часть – все и полыхнуло. Я даже команду подать не успел, как все вскочили. Недалеко овраг, добежали до него. Посмотрели, а наш танк вовсю полыхает. Уже и разрывы пошли, все, делать нечего.

Но когда мотать тут начали, пока выскакивали, пока из оврага смотрели, как снаряды рвутся, все наши танки разъехались кто куда, и мы остались совсем одни.

Сразу время посмотрел – четвертый час шел, и понимаю, что у нас до рассвета остается всего три-четыре часа. Понимаю, дело худо, но виду не подаю. Подчиненные же смотрят на командира. По компасу примерное направление определил и побежали.

Сколько было сил бежали, потом на скорый шаг перешли. Там поле, овражки небольшие попадаются, а рощицы мы обходили. А когда еще только уходили на задание, в сторонке вдруг прошелся наш прожектор. Медленно просветил, опустился и потух. И вдруг часов в пять этот прожектор опять прошелся. Я скорректировал направление, взял вправо, а сил уже никаких нет. Весь пот вышел, даже говорить сил нет. А сам уже думаю – если ближе к рассвету к своим не выйдем, нужно будет в какой-то рощице побольше закопаться в снегу и отлежаться до следующей ночи.

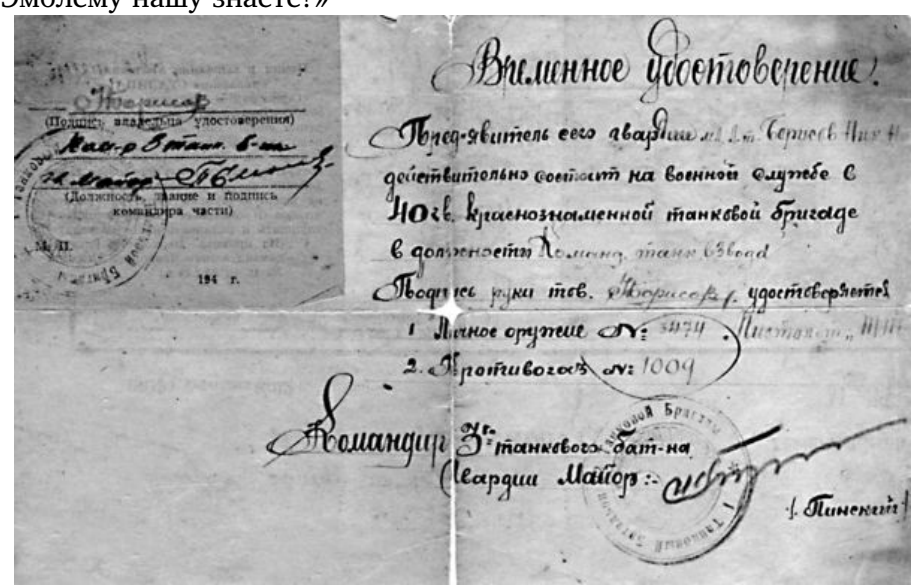
Но ближе к рассвету вдруг слышим наш русский мат. Пролетел одной-двумя фразами. Откуда тут только силы взялись – бегом! Вдруг впереди редкие окопчики, выкопанные на скорую руку. Оттуда кричат: «Стой! Руки вверх!»

Приводят нас к ротному. Тот двух солдат выделил. «Доставить к комбату!» У того в штабе телефон есть – пытались связаться, но ничего не получилось. И тогда комбат отправил с нами начальника связи с двумя солдатами в штаб полка.

Привели в какую-то деревню, там в конце концов договорились, что нас куда-то отведут. Сопроводили в другую хату, а там два автоматчика и капитан: «Я представитель СМЕРШа. Рассказывай, командир!» Мои хлопцы тут же у двери расположились и заснули, а я ему все рассказываю. Потом он мне дает лист бумаги и карандаш: «Теперь изложи письменно!» Тут вдруг телефонный звонок, он переговорил. А я пишу, но прислушиваюсь, что он говорит сержанту: «Я пока отлучусь, а вы с ними остаетесь».

Он ушел, но тут мимо хаты стали солдаты котелками греметь. В хату вваливаются еще два солдата, и этим двоим говорят: «Пошли на завтрак!» – «Не можем мы. Вот, танкистов стережем». – «Так и что? Наши же. Пошли, куда они денутся?» И они все ушли. Я тут же писанину прекращаю, своих орлов бужу: «За мной!» Из хаты выскочили и по тылам, по задворкам из той деревни быстрее долой… Но слухи же ходили, что лучше этих ребят обходить стороной и, кроме неприятностей, от них ничего не получишь, поэтому я и принял такое решение.

Бежали до следующей деревни. Потом еще деревня, тут мы поняли, что вроде сбежали. Уставшие, голодные, добрались до третьей деревни и к каким-то старичкам попросились отдохнуть. Они нас угостили немного, и я принял решение, что одну ночку мы здесь отдохнем. Переночевали, а с рассветом вышли на дорогу. Посадил ребят у перекрестка: «Смотрите наши машины! Эмблему нашу знаете?»


Временное удостоверение

Предъявитель сего действительно состоит на военной службе в 10-й Краснознаменной танковой бригаде в должности

Подпись руки тов. удостоверяется

1. Личное оружие №
2. Противогаз №

Командир

Удостоверение

Эмблемой нашего корпуса был ромб. Он делился пополам.

Поскольку в корпусе три бригады: 40-я, 44-я и 45-я, то в нижней части эмблемы у танков нашей бригады стояла цифра – «0». Соответственно у тех – «4» и «5». И если внизу цифра «0», а вверху «11», значит – 40-я бригада 11-го корпуса.

Их поставил раньше по ходу движения, чтобы они мне заранее махнули, и я успел остановить. Полдня, наверное, там просидели, пока все-таки не поймали нашу машину. К вечеру прибыли в часть, захожу к командиру с докладом, а начштаба, еще кадровый офицер, спрашивает: «Откуда вы явились? Вас же давно списали в другую бригаду!» – «Так я после той бригады, где только уже не побывал. Выпишите мне хоть какой-то документик, а то у меня ведь совершенно ничего нет!» И на следующий же день мне на бумаге от немецкой карты выписали временное удостоверение: «Борисов Н. Н. – командир взвода 40-й гвардейской танковой бригады. Пистолет № такой-то. Противогаз такой-то». И это удостоверение я до сих пор бережно храню.

Но вот спрашивается: где глубина, где сознание? Выпустился целый батальон – 475 человек, а даже офицерские удостоверения нам не выдали. Неужели нельзя какую-то бумажку выписать, чтобы хоть что-то в кармане лежало? А потом все удивляемся, откуда у нас миллионы пропавших без вести…

А по особняку я потом прикинул: скорее всего доложить о нас начальству он еще не успел, а значит, сам на себя докладывать не станет. Так что никаких последствий быть не должно. Так и вышло.

Вот таким для меня выдалось первое знакомство с особистами, а потом я с этими ребятами неоднократно общался. У меня же пять машин сгорело, а на каждый случай потери танка непременно пишется рапорт. Указывается, где и что произошло, а в батальоне и бригаде комиссии разбирают эти дела и задают вопросы. А самый ответственный и любопытный – представитель особого отдела. Так что в последующем я с ними не раз встречался, но никаких инцидентов не возникало.

Сейчас в прессе, в кино особистов принято выставлять исключительно в негативных тонах, но все же от людей зависит. Да, кто-то более ревностный, кто-то хотел выслужиться, и может быть, кому-то и не повезло. Вполне такое допускаю. Но меня сколько раз и на комиссиях расспрашивали, и когда они появлялись у нас в боевых порядках и задавали вопросы, то чего-то такого не было. А в том случае, даже еще проще вышло. Это же временное формирование, и оно нигде по документам не прошло и не оформлялось. И, кстати, что с той группой сталось, чем дело закончилось, до сих пор понятия не имею и даже знать не хочу… Так что когда представился, мне дали лист карты той местности,

где это случилось, и я письменно все описал. Сам подписал, все члены экипажа, и больше вопросов не возникало.

Повезло

Когда возвратились с этих похождений, батальон уже бои не вел. Техники совсем не осталось. Отдыхаем, учимся, с солдатами занимаемся. Уже февраль шел, а еще в январе был утвержден новый гимн Советского Союза. И мне запомнилось, как замполит приходит:

– У нас новый гимн, надеюсь, вы его выучите за три дня?

– Конечно, выучим!

– Хорошо, тогда через три дня зачет буду принимать.

Ну, все выучили, конечно, а потом и солдат стали ему учить.

Причем мы стояли всего в 13 километрах от этих Погребищ. И была у меня мысль туда съездить, посмотреть: может, стоит еще наш танк? Но так и не удалось.

А вскоре наступило 23 февраля, и тот день в моей памяти остался как большой праздник. Нас заранее предупредили, что состоится общее построение. И на этом митинге был зачитан приказ о награждении, и я получил свою первую награду – орден Красной Звезды. И получил знак «Гвардия». Он у нас автоматически не выдавался, только специальным приказом присваивали. И я считаю, так правильно. Такое звание нужно делом заслужить, а не автоматом получать.

Вечером с ребятами собрались. По традиции награды нужно обмывать, а я ведь в жизни и не курил, а на войне и не пил никогда. Тем не менее ритуал – положено. Орден в кружку опустили, я пригубил, и ребята за мое успешное награждение продолжили.

И запомнилось, что в те же дни был разоблачен тот жулик, который в запасном полку у меня сапоги украл. Как ребята об этом узнали, уже не помню, но оказался один из членов экипажа по фамилии Кузнецов. Жулик чистейший, ростовский, высокого класса. Он их, конечно, сразу продал. Мне доложили, но я не стал связываться: «Решайте с ним сами…» Как с ним поговорили, не знаю, но факт тот, что он потом три дня не выходил из хаты даже поесть. А сразу после этого написал рапорт, и его перевели в другую часть.

Ну а в начале марта получили танки новой модели – Т-34-85 и стали их изучать. Своего Савина я как раз тогда отправил на учебу в училище, а остальные ребята остались в моей же роте, но в других экипажах. Ведь система какая была?

Когда прибывало пополнение, то, как правило, из них никто боевого опыта не имел. Только обучение прошли. Поэтому экипажи в таких случаях всегда формировали путем смешивания.

Чтобы в экипаже обязательно оказался кто-то из опытных солдат. Ротный со взводными вместе садились и распределяли. У меня, например, ротный механика-водителя заберет, а нового мне еще нужно изучить. Сколоченность экипажа – это ведь не пустые слова. Так что тут целая система. Но из новых ребят я почти никого не помню, потому что совсем мало с ними находился. Сначала в санбат загремел, а потом меня ранило.

В марте, когда освоили новые машины, нас срочно ввели в бои. Там противник отчаянно пытался прорвать нашу оборону и овладеть крупным населенным пунктом, который мы удерживали. Когда на противоположной окраине села немецкие танки вошли в колхозные постройки и создалась угроза тылам, последовал срочный приказ: «Три танка перебросить на помощь соседям!»

Двинулись на большой скорости по центральной улице, а я шел первым. Пройдя примерно полпути, успел ощутить страшный удар со свистом, и все…

Очнулся от боли во всем теле и холода. Слышу разговор, но понять ничего не могу. Лежу на спине, а мне на лицо льют холодную воду. Более-менее пришел в себя, члены экипажа помогли встать. Смотрю, а мы на проезжей части дороги, прямо посреди улицы. Но не могу понять, почему я оказался здесь и вне танка. Почувствовал тошноту, головокружение, и ребята помогли перейти на обочину дороги. Напоили водичкой. Но боль усиливалась во всем теле, и особенно в шее. Даже не смог повернуть голову. Попытался вспомнить случившееся.

Во время движения я стоял в открытом люке, но в какой-то момент, что-то мелькнуло перед глазами, и все. И лишь когда ребята обнаружили телефонный кабель, переброшенный через улицу примерно на высоте танка, все прояснилось. Этот кабель зацепил меня за подбородок и вышвырнул на ходу из машины. Но из-за того, что танковый шлем был правильно надет и застегнут, я отделался достаточно легко – легким сотрясением головного мозга, ушибами и синяками.

Сержант Тихомиров, наводчик орудия танка Т-34-85. Апрель-май 1945 г.

Но не зря говорится: не было бы счастья, да несчастье помогло. За десять дней лечения в медсанбате корпуса я хорошо отдохнул и вдоволь выспался за всю эту зимнюю кампанию. Чувствовал себя полным сил и энергии воевать дальше, но вскоре после возвращения в батальон мой танк сгорел в неравном бою, а сам я был ранен.

Ранение

Это случилось 29 апреля 1944 года в районе города Коломыя. С утра пошли в атаку. Вроде километров пять успешно продвинулись, а затем перед нами оказалась небольшая высота, и командир принял решение обойти ее. Мой взвод пошел обходить высоту справа, второй слева, а третий я и не помню. Вот тут меня и подбили… Откуда шарахнули, не знаю, не видел. Но попадание было в борт почти под прямым углом.

Нас моментально обдало пламенем, но за счет постоянных тренировок все успели выскочить. Ведь когда шарахнет, мозг отключается, и делаешь все на автомате. Только на земле приходишь в себя и соображаешь, что произошло, как. Тут перекличка начинается между экипажем: «Все?» – «Да!» – «За мной!» А была жуткая распутица, так поползли в тыл по следам гусениц своего танка.

Проползли, наверное, с километр, и вдруг поблизости ба-бах… По звуку – мина взорвалась. Первая – недолет. Вторая – перелет. Я только успел подать команду «Лежать!», и тут третья упала совсем недалеко. Чувствую, мне прилично щелкнуло по ноге. Все ясно… Кричу: «Я ранен!» Механик откликнулся: «Я тоже!», только в плечо. Остальные вроде целы. Ну, делать нечего, поползли дальше. Но через какое-то время все, нога совсем отказала, не могу ползти. Тогда подползает ко мне член экипажа и начинает помогать.

Вскоре добрались до одиночной хаты, быстренько перевязались. А у меня нога почему-то согнулась в коленке, и идти совсем не могу. Но с помощью ребят как-то поковылял.

Набрели на какую-то артиллерийскую батарею, вот там нас девушка-санинструктор по-настоящему перевязала и определила в хату к своим раненым. Попрощались с тремя невредимыми, и они ушли. Только передал с ними записку ротному, что нас с мехводом ранило.

Но в тыл нас могли отправить только ночью, так что день прошел в муках. Самолеты летают, артиллерия стреляет, а когда ты становишься беспомощным, то кажется, что все летит именно в тебя.

С темнотой загрузили в три повозки, по два человека на каждую. Несколько часов куда-то ехали и прибыли в какой-то медсанбат, который располагался в костеле. Вместо лавок разбросана солома, сколько-то раненых там лежало, и мы рядом с ними.

Лежим, но никто не подходит. Через какое-то время слышу

нехорошие слова, оказывается, эта медсестра ругалась с врачами. Потом подошла ко мне: «Ну, все, лейтенант, сейчас вами займутся!» Поблагодарил ее на прощание за все заботы.

Помню, как меня положили на стол. Врачи – двое молодых ребят, но крепенькие, и медсестра. Накинули на лицо марлю, полили и велели глубоко дышать и считать. И очнулся уже только в повозке. Едем куда-то, а у моего лица ноги другого человека… Ощупал себя – нога перевязана. Все нормально, только почему-то гимнастерки на мне нет. Нашел ее свернутой у себя под головой. Проверил карманы, орден, документы, пистолеты, все на месте. Планшетка тоже лежит.

В муках и боли прибыли на аэродром. Самолеты гудят непрерывно. Одни садятся, другие взлетают. С самолетов сгружают ящики с боеприпасами и загружают раненых. И все это в жуткой грязище! Распутица была просто страшенная. Люди по колено вязли, а танки могли пройти только на 1-й или 2-й передаче.

Быстро подошла моя очередь. А я до этого самолеты видел только в воздухе, а тут не то что рядом, а прямо сажают в него. Вначале загрузили ходячих, а в конце нас несколько человек. Мои носилки оказались прямо в центре.

Дверцу закрыли, мотор завели, все задрожало, зашумело, вот тут появился определенный страх. О самом плохом стало думаться. Хорошо, в первый раз на самолете всех деталей не знаешь, и не так страшно. Потом открывается дверь в кабину, выходит военный, встает рядом со мной на кругленький столик. Я глянул туда наверх, а там пулемет шаровый. И весь полет я, конечно, не сводил глаз с этого пулеметчика. Только он развернется, как сразу у меня что-то екает. Часа два летели и благополучно сели в Шепетовке. Сразу в палаточный госпиталь определили.

Дня два-три там провели, и в конце я почувствовал, что у меня температура. То вроде ничего было, а тут чувствую, что не в лучшую сторону состояние изменилось.

Потом погрузили в эшелончик, в теплушке нас многонько набралось. Вначале медсестра подсуетилась, сказала, что будет помогать нам. А как тронулись, сестры почему-то не оказалось. А кто-то ведь уже совсем в тяжелом состоянии. Кричит: «Помогите!» А кто поможет, все лежачие… Соседи только успокоить могли: «Терпи, теперь до остановки!» И когда на остановке она появилась, как на нее накинулись. Она оправдывается: «Так у меня вас три вагона!» Тут все понятно стало – кому как повезет.

А я чувствую, мне совсем худо. Она ручкой потрогала лоб: «Да, у вас есть температура!» А у самой ни градусника, ничего,

только доброе слово: «Терпите, миленькие, скоро приедем на место!»

Хорошо, до Киева ехали недолго. Там быстро всех рассортировали, кого, куда, и я попал в госпиталь на Подоле. Уже в 60-х годах как-то опять оказался в Киеве и специально поехал на Подол. Вроде нашел то здание. Ну а дальше началось самое интересное.

Я попал в офицерскую палату на втором этаже. Восемь нас лежало, и все с ранениями в ноги. Все в разном состоянии, но я что-то совсем плох. Нога увеличилась в три раза, температура, аппетит пропал, чувствую, что-то меня силы покидают, временами в забытье ухожу.

Появился врач, женщина-капитан, в возрасте уже, представилась. А до ее прихода у меня под головой уже лежали бумажки, видимо, история болезни. И еще до этого я видел, что на ней вверху стоит вопросительный знак. Подумал еще, что такое? И заводит она такой разговор: «Дорогой мой, у вас гангрена, надо немедленно делать операцию с ампутацией ножки!» Причем такую, что по самый пах, до таза. Даже протез не к чему будет прикрепить. В голове-то проскакивают мысли… Но как она мне это спокойно сказала, так и я ей спокойно ответил: «Ничего не выйдет! Я на ампутацию не согласен! Только если вы меня усыпите. А пока я в сознании, ни на какую ампутацию не согласен! Лучше умру, но отрезать ногу не дам!» Она начала рассказывать, убеждать, и вот тут я вспомнил про этот вопрос на истории болезни.

В общем, сколько-то убеждала меня, но я ни в какую. А у меня ж еще трофейный «вальтер» с собой. Я его разобрал и для себя решил – на крайний случай соберу и воспользуюсь.

После нее пришел начальник отделения – подполковник. Тоже начал убеждать: «Если хотите жить, нужно соглашаться!» Но я ни в какую. Потом приходил начмед, а уже ночью пришел замполит. Увидел, что я непоколебим и сдался: «Если согласия не даете, пишите расписку! Мы отвечаем за вас, и с нас тоже спрашивают!» – «Какая расписка, я даже карандаш не могу держать.» Тогда он сам написал, а я кое-как расписался.

Вдруг посреди ночи меня будят. На моей койке сидит довольно-таки молодой врач и так с ходу говорит: «Коля, мы тут совет держали, посоветовались, и мне доверили сделать вам операцию без ампутации. А там уже как вам повезет.» И своими спокойными словами он как-то так меня убедил, что я ему сразу поверил: «Согласен!» Тут же подкатили коляску, и меня сразу на операционный стол. Хорошо помню всю процедуру.

Раздели, руки, ноги привязали, и какой-то мужичок ладонями

как прихватил меня за лоб, прижал до упора. Накинули повязку, полили, снова счет и «поглубже дышите»… Но если в медсанбате я, по-моему, и до двадцати не досчитал, то в этот раз больше полсотни счет шел. А потом такое впечатление, что удар, звон, и все пропало.

На рассвете просыпаюсь, хватаюсь за ногу – на месте. А я же надышался эфира, и, как обычно в таких случаях, организм начал здорово волноваться. Как мне потом рассказывали соседи по комнате, я даже немного побушевал. Вообще я матом не ругался, а тут говорят, и ругался, и словами нехорошими вспоминал кого-то. Руками махал, даже сестру вызывали. Но после завтрака я уже в более-менее нормальное состояние пришел. Ребята шутят: «Ну, все, с ногой остался!»

Потом появляется врач, тут уж я его хорошо разглядел – молодой симпатичный мужчина. Поговорили, потом он достает из кармана марлечку:

– Вот что я извлек!

Осколок небольшой, как фаланга пальца.

– Посмотри, что на нем!

Присмотрелся:

– Да вроде как вата!

– Конечно! А вата-то откуда?

– Так на мне же брюки ватные были!

– Вот это сочетание и дало инфекцию. Ну, ничего, теперь лечиться будем!

На второй день перевязка, и вот тут я почувствовал самое интересное. Сейчас в таких случаях чем-то польют, раз-раз, и повязочка быстро отлетает. А по тем временам как рванули, так сразу и забыл, где находишься. И на словах добавляют:

– Сейчас еще одну операцию будем делать. У тебя трубочка внутри, а мы ее должны немного выдергивать, на три сантиметра, и отрезать.

– Понял, – говорю. – И что, так будет каждая перевязка?

– Да, каждая…

– И на сколько настраиваться?

– Уж на пять наверняка! А может, и шестая понадобится.

Так что перевязки эти я на всю жизнь запомнил. Когда подходит срок, у меня уже организм колышется. И сна чего-то нет, и аппетита. Хотя и после операции аппетита не было три дня. В туалет после этой экзекуции не ходил неделю, это я точно запомнил.

Через неделю температура стала спадать и вышла на норму. И хирург мне говорит: «Ну, все. Я свою задачу выполнил, и теперь тобой будет заниматься лечащий врач». Я поблагодарил его, но

вот как-то имени его не запомнил. Медицинскую сестру Аню Мячину запомнил, а его нет. Она тоже много приложила усилий. Рассказала мне потом: «Ох, и наделал ты шороху. Ночью они собирались, консилиум провели». А его данные у меня были записаны в записной книжке, но когда в последний раз горели, то пришлось ползти по кювету с водой, только голова торчала, и все документы попортились.

Еще что запомнилось. До середины июля немец постоянно Киев бомбил. И вначале ходячих выводили в подвал, а лежачие оставались. Ощущения, конечно, неприятные. Половина ушла, а мы, беспомощные, остались. Стрельба беспрерывно идет, прожектора освещают, а иногда в открытые окна слышался шум. Недалеко стоял небольшой домишко, крытый металлической крышей, и я слышал, как осколки от зенитных снарядов падают на нее и бьют по этой крыше. Когда я уже стал помаленьку ходить, пошел туда, посмотрел, а там этих осколков валяется, ой-ой-ой сколько…

Питание было нормальное, но как-то пожилая нянечка, которая у нас убирала, предложила: «У кого есть деньги, могу на базарчике что-нибудь купить!» Я тоже воспользовался этим предложением. Потом как-то она принесла редиски, а я ее до этого не то что не видел, даже не слышал про нее. Спрашиваю: «Что это такое?» Но так как ее расхвалили, мол, в ней много витаминов, стал ее постоянно заказывать. Запомнился и варенец, тоже новинка для меня.

В палате я оказался единственным танкистом, а были два пехотинца, артиллерист, политработник, кто-то еще, и иногда по вечерам начинали рассказывать, у кого как было на фронте. Каждый о своих особенностях.

Костыли на всю палату лишь одна пара, поэтому выходили по графику. Но чаще всех выходил капитан-политработник. У него была прострелена кость, и в ней образовался незаживающий свищ. Несколько раз ему счищали, а потом опять все по новой. Не затягивается рана, хоть тресни, и его, в конце концов, куда-то увезли. Но он очень активный был. Все время добывал газеты, с кем-то встречался, узнавал новости, что в мире творится, и нас просвещал. Запомнилось, как в один день он куда-то ушел, но быстро вернулся. Открывает дверь и с порога: «Ура, ребята! Союзники открыли второй фронт!» Мы правда «Ура!» кричать не стали, но все, конечно, воодушевились, настроение приподнятое. В общем, в киевском госпитале я много чего насмотрелся и наслушался, но почти все уже забылось. Лишь один случай вспомню.

Как-то раз к нам в палату положили одного. Казах, но по-

русски чисто говорил, и чувствуется, что грамотный человек. Но он был в тяжелом состоянии и желания общаться не проявлял. Старшие начальники бегают вокруг него, суетятся, на перевязки возили, в общем, по всему видно, что не простой старший лейтенант.

А на вторые или на третьи сутки ночью я проснулся и слышу – кап-кап-кап, что-то капает. Приподнялся, а еще темновато было, посмотрел, может, у кого там стакан или графин упал. Вроде ничего нигде. Прилег снова, но слышу, капли капают нечасто, но регулярно. А он лежал почти напротив меня, я посмотрел, а под его кроватью пятно… Сразу позвал сестру: «Посмотрите, что-то с ним не в порядке!» Она подскочила, посмотрела на него, под кровать, и ничего не говоря, пулей выбежала.

Прибегает врач, посмотрели, а он уже готов. Но пока все спят, и врачи мне показывают – никому, ничего! Тут же на каталке его увезли. Нянечка кругом марафет навела, постель свернули, тут, конечно, как-то не по себе.

Когда сестра утром появляется, ей вопрос: «Что с ним?» – «Умер.», но никаких подробностей не знает. Дальше проясняется. Оказывается, этот старший лейтенант был 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ Казахстана и занимал должность помощника члена военного совета фронта по комсомолу. До нас этот парень лежал в другой палате. У него в гипсе была нога и полтуловища, но, видно, в ране живность появилась и начала его беспокоить. Он спать не может, и ему сделали несколько окошечек, чтобы он мог почесать под гипсом. И то ли он расчесал, то ли что, но появилось кровотечение, и вот чем дело кончилось…

А через двое суток к нам в палату заходит женщина, оказывается, его жена. Причем с подарками. Положила их на стол и спрашивает: «Кто из вас видел его живым?» Ребята рассказали ей, о чем с ним разговаривали, а я о том, как обнаружил его ночью. Она рассказала, что 1-й секретарь республики выделил самолет, и она забирает его тело на родину.

А в середине июня прошел слух, что госпиталь перебазируется поближе к фронту. А кому еще долго лечиться, того отправят дальше в тыл. И уже в июле меня посадили в санитарный поезд и отправили в Баку. По дороге случился такой эпизод.

На остановке в Ростове все, конечно, вышли на платформу. И вдруг мимо меня проходит подполковник Томпофольский[4] – начальник учебного отдела нашего училища. С виду еврей, худощавый такой. Очень знающий свое дело офицер. Он у нас не преподавал, но наш взвод по учебе несколько выделялся, ходил в передовых, поэтому нас иногда привлекали к показательным

занятиям. В том числе несколько таких занятий провел с нами и он. И я решился к нему обратиться. Представился, что выпускник сентября 43-го. Немного поговорили и расстались. Казалось бы, ничего не значащая встреча, эпизод, но вот от таких моментов как-то теплее на душе становится. Училище сразу вспомнилось, ребята.

Баку

В Бакинском госпитале была уже совсем другая обстановка. Военных врачей всего ничего: начальник госпиталя, начмед, замполит и начальники отделений, а остальные вольнонаемные. Почти все азербайджанцы.

Госпиталь располагался в здании школы на окраине города. Вроде хорошо, но оказалось не совсем. Оказывается, рядом стоял учебный танковый полк, и танки там ходили круглые сутки. При мне за два месяца ни одного дождя не выпало, и так жара стоит, а тут еще и пылища столбом. И не только над танкодромом, но и над всем этим районом. Дышать невозможно…

Но жарища одно, а как поднимается этот их ветер, тоже не слаще. Мелкий песочек летит параллельно земле, надо закрывать форточки, а ведь духотища такая, словно круглые сутки этот горячий воздух через тебя проходит. А на улице там не то что песок, даже небольшие камушки шевелятся. Так что в плане климата мне там совсем не понравилось.

Еще такой момент запомнился. На первых двух этажах лечились солдаты и сержанты, а на третьем все три палаты офицерские. В одной из них оказался начпрод, и как-то он заходит к нам: «Ребята, а ведь нас тут наши южные земляки обманывают. Недодают нам положенную офицерскую норму!» И начинает конкретно, с цифрами, он же всю выкладку наизусть знает, рассказывать. Прикинули, ясно, что не то.

Ну а дальше появляются активисты, из них выбирается группа ходячих и самых боевых ребят, и натравляют его на замполита. Бумагу написали, и все подписались. Замполит прочитал, а он, видимо, уже догадывался, но начинает юлить: «Понимаете, у нас тут оборудования не хватает…» Но понял, что тут просто так не выкрутишься, быстро доложил, и через два-три дня из штаба округа прибыла комиссия. Эти полковники шороху поддали, к нам пришли: «Да, обнаружены явные нарушения!» И быстро следует решение – начальство госпиталя заменить. Пообещали, что кого-то накажут, и решили, что в этом госпитале останутся только солдаты, а всех офицеров переведут в другой.

И перевели нас в бывшую психбольницу в пяти километрах от города. Солидные заборы кругом, и просто так оттуда не выскочишь. Зато палаты уже на два-четыре человека. В основном молодые, молодецки бесшабашные, настоящие патриоты – в общем, положительные ребята.

В госпитале, конечно, было скучновато. Благо, в обоих госпиталях, где я лежал, были библиотеки, поэтому многие

занимались чтением. Особенно лежачие. А вот в карты не помню, чтоб играли. И никакие артисты нас не навещали. За всю войну я ни одной концертной бригады не видел ни разу. Ни в госпитале, ни на фронте. А вот кино пару раз в войну посмотрел.

Под самый конец моего пребывания в последнем госпитале в Баку пару раз выбрался в городской кинотеатр. Но какие фильмы смотрел, не вспомню. И когда в начале 45-го мы стояли на Сандомирском плацдарме, там в лесу нам два кино прокрутили. Вот там, кстати, ребята много в карты играли. Даже на деньги. Нам тогда как раз польские выдали. Но я в карты не играл, считал, что это никчемное дело. Как водку пить, так и в карты играть.

Но особенно бакинский госпиталь запомнился памятным знакомством.

Эмма

Старшей сестрой в нашем хирургическом отделении работала Эмма Борисовна Грановская. Очень внимательная и обходительная девушка. Несмотря на свой юный возраст, она знала, как надо работать. Во время обходов очень любезно расспрашивала, у кого какие жалобы и пожелания. И когда я появился, вдруг ни с того ни с сего садится ко мне на кровать и спрашивает, что, чего и как. Кто я такой, есть ли у меня просьбы или замечания и т. д. Так накоротке познакомились, а потом она стала каждый день с утра заходить и с Колечкой здоровалась персонально. Ребята, конечно, смеются: «А раньше-то она заходила раз-два в неделю…»

А когда я начал немножко ходить, стал тренироваться, накручивать с палочкой определенную дистанцию, она вдруг предлагает: «Если хотите, могу вас вывести в город. Посмотрите базар, набережную». И как-то после обеда мы с ней пошли.

На базаре, мне, конечно, многое в диковинку было. Какие-то гранаты, про которые я никогда и не слышал. Но больше всего меня поразило, что война в Баку почти не ощущалась. На рынок мы шли через парк имени Кирова, так там совсем не было ощущения войны. Совсем как в мирное время.

А в следующий выход пошли на набережную. По дороге она предложила:

– Может, искупаемся?

– Посмотрим по обстановке.

Вышли туда, а в тот день как раз ветер дул в сторону берега. Я как посмотрел:

– И в этом море вы купаетесь?! – Там все было покрыто нефтяной пленкой, черно все. – Если окунешься, ведь негром оттуда выйдешь…

Она смеется:

– Это просто неудачный день!

В общем, раза три она меня выводила в город.

А потом подошел конец моему лечению, и на военно-врачебной комиссии мне объявляют: «Вам на долечивание представляется двухнедельный отпуск». Я всего ожидал, но чтобы отпуск на родину, это словно манна небесная. Я и не помню от радости, как оттуда и вышел.

Наверняка это Эмма приложила руку, но об этом я догадался значительно позже. Ведь никому не давали. Всех ребят даже после тяжелых ранений сразу в части направляли. Никому ни фига, а я вдруг ухватил. Так что остается только поблагодарить ее теплыми

словами.

Но вот тогда я ее никак не поблагодарил, не сообразил. Единственное, на рынке купил много фруктов, но себе оставил немного, ребят угостить, а все подарил ей. И пару раз нянечке заказывал купить цветы. Она заходит, а цветы стоят уже. Она смеется: «А цветы кому предназначены?» Я молчу, а ребята хохочут: «Ну а как вы думаете, Эммочка?»

А среди соседей не оказалось таких бывалых ребят, кто бы объяснил, что с девушками нужно обращаться понастойчивее. Все лишь подначивали: «Ну, Коля, ты чувствуешь?!» А сам я в этом плане тогда был совсем неопытный.

Когда уходил на войну, невесты у меня не было. Поскольку нас в классе было трое деревенских, а все девочки из поселка, то мы там вроде как чужие. 9-й класс еще туда-сюда, знакомились, притирались, но когда в 10-й пошли, мне сразу две понравились. Сегодня с одной пройдусь, завтра с другой, но никак не могу определиться. Одна вроде девочка красивая, но маленькая, худенькая. Вторая более статная, высокая, думаю, остановлюсь на ней. Галиной звали. Тут же с нами учился ее брат 25-го года, а она 26-го, просто родители вместе их в школу отдали. Брат ее в январе загудел, офицером стал, но вернулся живым. В общем, мы с ней встречались изредка, но даже попрощаться не удалось, настолько неожиданно меня призвали. Но стали переписываться.

И однажды в училище получаю от нее письмо: «Так ты, оказывается, не только мне пишешь, но и еще двоим…» А я тем девочкам просто по-дружески написал. Но у меня что-то настроение было плохое, и я своим красным командирским карандашом написал ей ответ. Что написал, не помню, но переписка сразу прекратилась.

Так что ничего у нас с этой Эммой не было. Лишь когда уезжал, то соизволил ее поцеловать, она всплакнула… И оставил ей адрес: «Может, когда и вспомните.» Так представьте себе, лет через 20 лет получаю от нее письмо.

Я уже служил в штабе дивизии в Горьком, и мне оперативный дежурный докладывает: «На ваше имя пришел большой конверт с санитарным крестом!» А ребятам интересно же: «Давай, открывай!»

Распечатал конверт, посмотрел, а там письмо от нее. Кратко рассказала о себе. Что живет во Львове, замужем, есть два сына. Что муж художник, а она работает медсестрой в окружном госпитале. И я в ответ ей хорошее письмо написал, как у меня жизнь сложилась. Вот такая история приключилась.

Я дома

С огромной радостью я ехал домой. Это сказка какая-то. Такое ощущение, что глаза закрою и каждую минутку вспомню… Как добирался, как с отцом встретился…

Конечно, добраться еще нужно было. Поезда ведь знаете, какие ходили? Их называли «пятьсот веселый», потому что останавливались на всех станциях. И пока ехали, я все думал: как же мне лучше добираться? Потому как ближайшая станция за 15 километров от села. А если от райцентра, то там от станции до города 5 километров, и от города до села еще 25. Но все-таки решил через нашу станцию, думал, уж 15 километров как-нибудь за день одолею. Тем более, поскольку отец работал ездовым на фабрике имени Дзержинского, а фабрика и продукцию, и сырье постоянно возила на станцию, то надеялся, что кто-нибудь на склад приедет, и я вместе с ним доеду.

Сошло нас два человека: женщина одна и я. Поздоровался с родной станцией, прихожу на склад, там при входе сидит старикашка. Спрашиваю его:

– А чего у вас так тихо?

– Это сегодня тихо!

У меня сразу все упало. Мне, хромому, далековато ковылять.

– А Николая Григорьевича Борисова знаете?

– Так мы друзья с ним!

– А я его сын!

Он встает, обнимаемся.

– Оставайся у меня, а завтра утром придет машина, и ты с ней уедешь!

– Нет, так не пойдет. Приехал на родину и буду где-то отдыхать? Я уж как-нибудь.

Тогда он вывел меня на тропу:

– Иди по ней и выйдешь прямо на дорогу. Так на километр короче.

– Ну, спасибо и на этом!

Пошел. Пройдусь, посижу на обочинке. А погода отличная, конец августа. Солнце, но не очень жарко. Километров пять уже прошел, и слышу – повозка движется. Быки идут, головами машут, слюни у них так и текут, чувствуется, нагружено капитально. На повозке дед.

Познакомились, оказывается, он зерно везет почти до нашего поселка. Спрашиваю: «Мешок можно на телегу бросить?» – «Можно!» А по дороге из Баку мы проезжали два соленых озера – Эльтон и Баскунчак, и там на станции все кинулись за солью. Ее

там целые горы были навалены. И я тоже килограмма три набрал. Но когда я прошел эти пять километров, то вещмешок мне показался таким тяжелым, что я и соль эту не раз вспомнил, и жадность свою…

Потихонечку пошли. Когда одной рукой о телегу опираешься, все полегче идти. Идем, разговариваем о том о сем. Он рассказывал, как люди живут. А как в войну в деревне жили ясно – с утра до ночи в заботах и работах. Родители в поле, а домашнее хозяйство на детях. Да еще все оброком обложены, будь здоров.

На подходе к спуску к оврагу, он быков остановил: «Вот тут под горку метров 600 можем проехать. Сейчас только тормоза поставлю». Бревешко подставил, веревками привязал, и о землю им тормозил.

Вот тут мы немножечко отдохнули. А в очередной деревне остановились, быков напоили, сами попили.

Я его американской колбасой угостил, несколько галет дал. В общем, взбодрились немножко и пошли повеселее.

И когда доехали до поворота, я его спрашиваю:

– А как у вас с солью?

– Да, как, перебиваемся…

– Может, дать киллограмчик?

– Возражать не буду!

И я ему отсыпал в какую-то тряпку. Распрощались, и он мне на прощание пожелал:

– Я за тебя буду Богу молиться!

А мне еще три с половиной километра идти. По сторонам смотрю, кое-где уже убрано. Ведь это же самый разгар уборочной, самая-самая пора. Так с горем пополам и дошел до поселка.

Подхожу к проходной фабрики, поздоровался с охранником: «А где Николай Григорьевич? Я его сын.» Этот дедок сразу оживился: «Он где-то на территории» – и пошкондылял за ним. А через полчаса на телеге с отцом возвращаются. Обнялись, и отец повез меня домой. Но дома никого нет, мать и сестра на работе. Шура работала в школе для глухонемых в 200 метрах от дома, сразу прибежала, а мама появилась только вечером.

Ну, а отдых есть отдых. Тем более, погода благоприятная. Вот только из ребят никого нет, все на войне. А многие девчонки тут. Они школу кончили и уже в институтах учатся. Кто в Горьком, кто в Шуе, кто в Иванове, а кто и в Москве, а тут на каникулы приехали. Встретились с ними. И все бы отлично, но тут мне поведали, что от моего двоюродного брата второй месяц вестей нет. И дурные предчувствия не обманули. Уже потом мне в письме сообщили, что в августе Боря погиб в Польше[5]. Мы с ним

в одном классе учились, и это был мой самый-самый надежный друг, заводила во всех делах…

В нашем классе из 23 человек остались только 13 девочек и один мальчик – Коля Лебедев. Он был инвалид детства, на костылях ходил. А все остальные ушли на фронт без разговоров. Но я должен сказать, что нам повезло. Я потом, когда общался со многими сослуживцами, затрагивал и эту тему, так у некоторых классы почти начисто выбило, а у нас всего двое погибших. Думаю, нам так здорово повезло, потому что почти все попали в училища и стали офицерами. Связь мы поддерживали до последнего. Еще совсем недавно нас оставалось двое, в Москве жила Лена Менькова, но месяц назад я звонил ей, и мне сообщили печальную новость. Так что из нашего класса я остался последним.

А помимо моего брата у нас погиб Сидоров Петр. Но он был из поселка, и мы с ним мало общались, поэтому ничего особенного рассказать про него не могу.

И двое вернулись инвалидами. Морозов Женя вернулся в 44-м. После этого заочно окончил пединститут, преподавал в нашей школе, а затем до пенсии работал заведующим районо. А второй – Александр Папушников из нашего села. Ему в первом же бою под Сталинградом отмахнули ногу, и он вернулся…

После войны у нас в селе установили обелиск с именами погибших односельчан. И насколько я помню, последняя цифра была 179. Помню, что председатель колхоза был призван в 42-м и вернулся капитаном. Наш учитель истории вернулся майором. Учитель математики воевал механиком-водителем танка, вернулся без ноги, но так и продолжал работать в школе.

И сколько моей родни воевало, я тоже знаю, поскольку много-много лет восстанавливал родословную нашей семьи и собирал разные документы.

У отца было еще два брата. Старший – Петр Григорьевич, имел двух сыновей и дочь. Один сын с войны вернулся, а другой погиб. Василий Петрович 1910-го или 1915-го года рождения.

Второй брат – Василий Григорьевич тоже имел двух сыновей. Старший – Гермоген Васильевич, 1922 г. р., доброволец, младший политрук, под Москвой был тяжело ранен и вернулся домой. Другой сын – Владимир Васильевич, младше меня на год, не был призван, поскольку учился в Московском авиационном институте. Но после 4-го курса ему предложили служить, и он в итоге стал ракетчиком. Дослужился до полковника.

С двоюродным братом Борисом (25.08.1942 г.)

А у мамы были брат и три сестры. С сыном одной из сестер я потом встретился на фронте, об этом я еще обязательно подробно расскажу. А у брата было два сына и дочь. Старший сын – Николай Александрович, 1918 г.р., прошел всю войну и закончил ее офицером-танкистом. А второй сын – мой одноклассник и друг Борис Александрович погиб… А непосредственно из нашей семьи воевало трое: мой старший брат Сергей, я и муж сестры.

У Сергея уже была семья, два сына, но еще в марте 41-го его забрали на военные сборы. Со своей дивизией, которая формировалась в Коврове, он попал куда-то в Карелию. Воевал там в разведке, со временем стал помощником командира разведвзвода, но в феврале 42-го получил пулевое ранение в колено. Чашечка разбита, после долгого лечения нога не гнется – инвалид. Но, к стыду своему, я вот даже не знаю, как его ранило. После ранения он остался жить в Иванове, и при наших редких встречах нам хватало обсуждений всяких житейских проблем, а об этом не говорили. Вот по мужу сестры знаю поболее.

Шура была известная в нашем селе активистка, комсомолка. В 1929 году ее избрали секретарем первичной комсомольской организации швейной фабрики, где она работала швеей. А в 1931 году ее как наиболее активную назначили инструктором райкома комсомола, и затем она три года проработала секретарем Никологорского райкома комсомола. И мужа она нашла себе под

стать.

Он работал учителем, а учителей сельских школ тогда не призывали. Но когда вышел новый закон о всеобщей воинской повинности, то его забрили. Мужик он был рослый, крепкий, грамотный, спокойный, рассудительный, поэтому его взяли служить в парадную Московскую Пролетарскую дивизию. Я отлично помню, как в апреле 41-го он со значком «отличник РККА» на груди приезжал домой в отпуск. Рассказывал кое-что. Что служит в разведбате, как владеет мотоциклом и прочими делами. Его призвали еще в декабре 1939 года, и уже подходил срок его увольнения, но началась война и связь оборвалась. Лишь одно письмо мы от него получили из Орши. Всего три строчки – «Немцев не видел, но скоро увидим… Берегите дочку!» Сегодня дочке уже под восемьдесят, но отца она и не знала. И все на этом. Ни слуху ни духу. Никаких извещений, ничего, а соответственно никаких пособий, никакой помощи от государства. Только в 47-м году получили бумагу, что он «.пропал без вести 28 июня в районе Борисова.», и стали выплачивать какие-то копейки. Рублей 15, что ли.

Я его искал многие-многие годы, постоянно делал по нему запросы, изучал разные документы, и кое-что все-таки удалось выяснить. Их Пролетарскую дивизию кинули в самое пекло, и разведбату приказали прибыть в Оршу. Только подошли, их перебрасывают в район Борисова. Командования еще нет, они сами. В Борисове войск нет, только два батальона НКВД да курсанты танкового училища, и они перекрыли две переправы. А на вторые сутки немцы уже там…

А когда Интернет появился, я внуку поставил задачу – найти! И кое-что добавилось нового. По последним данным, он пропал без вести в районе Смоленска[6]. Тут он уже старшина, а не сержант, значит, под Борисовом остался жив. Но на этом все.

Так что это великое дело – в войну отдохнуть дома. Но одно дело я, молодой и зеленый, и совсем другое, если человек возрастной, семейный. Я не исключаю и вполне понимаю, что если он с семьей отдохнет, то думки всякие появляются о том. Может быть, и не совсем хорошие.

У меня, например, когда отпуск подходил к концу, случился такой момент. Вдруг я слышу, как мама с сестрой говорят отцу: «Давай, попроси брата, – а он был военкомом нашего района, – может, он его определит в какую-то тыловую часть. Он же повоевал достаточно.» Но я как услышал этот женский базар, отцу наедине сказал: «Ни в коем случае никаких разговоров и просьб! Тем более у военкома таких возможностей нет!»

Снова в строю

В сентябре я прибыл в 14-й запасной офицерский танковый полк 1-го Украинского фронта. А там очередной «покупатель» после тщательного отбора включил меня в команду из 30 офицеров для 4-го гвардейского танкового корпуса. Уже вечером были в штабе корпуса, где я получил назначение в 14-ю гвардейскую танковую бригаду.

Ночью в сопровождении офицера связи прибыли в штаб бригады, находившийся в подвале разрушенного дома. Ранним утром с нами побеседовал майор Белков, ознакомил с обстановкой, и меня назначили командиром танкового взвода 2-й танковой роты 1-го батальона. Получив пистолет и противогаз, в одиночестве отправился в путь по ущелью. А бои шли в Карпатах на границе с Чехословакией, в районе городка Кросно. Такие горы, заросшие лесом, я увидел впервые. Красиво, но погода дрянная. Моросящий дождь идет круглые сутки. Помню, под этим противным дождем иду прямо по ручью. Слева-справа гора, лес с солидными деревьями. Звуки артиллерийской канонады все приближались, и с непривычки от разрывов я изредка вздрагивал.

Наконец, утром на очередном повороте под крутой горой обнаружил свой танк. Стоит один, кругом никого не видно. Взял булыжник, постучал по броне. Открывается люк в башне, и вылазит грязный, зачуханный танкист, и чувствуется, что без настроя. Ну, это и понятно. Погода дрянная, все промокшие, обозленные. Представился: «Я ваш новый командир! Экипаж к машине!» Все медленно, лениво, с развалочкой, вылезли. Ну, для начала я им ничего не сказал. «Представиться!» Накоротке познакомились. Механик – Иван Маслов, радист – Печкин, заряжающий – Иванченко.

«Приказано танк доставить в роту. А пока мы с механиком все проверим, всем остальным умыться, привести себя в бодрое состояние. Чтобы на лице улыбка была, потому как танкист всегда должен быть бодрым, смелым и решительным!»

Проверили заправку, и вдруг выясняется, что пушка неисправна. Это, кстати, был танк с 76-мм пушкой, то есть я опять стреляющий. Что такое? Оказывается, неисправно откатное устройство. Мы делаем первый выстрел, и пушка назад не отходит. Тогда поднимаем ствол вверх, казенная часть опускается, мы вдвоем опускаем ее до положенного состояния и поднимаем пушку в нужное положение. Ну, ясно же – так в бой идти нельзя. А если прикажут, то мы окажемся просто мишенями.

Беру формуляр, а он чистый. Даже на заводе в нем ничего не

заполнили. Записал все данные машины, экипажа и указал неисправность по состоянию на 4 октября 1944 года. Взял с собой заряжающего и пошел представляться. Особой стрельбы нет, но нас предупредили: «Кое-где есть снайпера, так что будьте осторожны!»

Командиром роты оказался Храмцов Сергей Васильевич. Бывалый офицер, уже не один год ротой командует. Тремя орденами награжден. Ну, я представился ему. Назвался, кто такой, где учился, где воевал, а члены его экипажа ведь тут же рядом стоят. После этого ротный спрашивает:

– Ну что, завтракал чего-нибудь?

– Да нет, не успел. Только с экипажем познакомился.

– Ну, давай тогда закусим!

Тут же на крыле хлебушек с консервами поели.

Двоюродный брат Поздняков Николай Федорович

А когда собрался уходить, его механик-водитель, старшина, вдруг задает мне вопрос: «Скажите, пожалуйста, вы чей сын будете?» И перечисляет трех братьев Борисовых: Петра Григорьевича, Николая Григорьевича и Василия Григорьевича. «Я сын Николая Григорьевича!» – «Все ясно! А старший брат у тебя Сергей!» – «Точно!» – «А я Поздняков Николай Федорович!» Оказалось, это сын сестры моей мамы, семью которых раскулачили в начале 30-х. А я со слов родителей про них знал и

даже смутно помнил, как однажды маленьким был у них в гостях. Но, как их выслали, они ничего не присылали и связь прервалась.

Обнялись, познакомились: «Будем воевать вместе!» Рассказал ему коротко, что там на родине: «Будет время, встретимся еще!» А в очередном письме написал домой, что встретился с двоюродным братом. И отец ответил: «Вот ведь судьба бывает… Вы уж там держитесь вместе!» А вскоре, когда вышли на отдых, мы решили попроситься в один экипаж. Написал ротному рапорт, но он отказался свое мнение высказать: «С комбатом будем решать этот вопрос!»

Возвращается: «Совет держали, и замполит сказал – нецелесообразно! Если погибнут, то в семье сразу два горя. Потому как мы смертники и можем накрыться сразу. Так что пусть хоть кто-то из них останется живым!» Но судьба распорядилась так, что мы оба остались живы. В конце войны его комбат забрал к себе в экипаж. А в 1946 году Николай демобилизовался и уехал к семье в Магнитогорск[7].

Пригнал танк в роту, а она, оказывается, три дня уже топчется у деревни Цехане. Лощину немцы отлично пристреляли, и проход был закрыт намертво. Только стоило с утра одному танку попытаться выскочить из-за поворота, как с первого выстрела он горит… Если не с первого, то со второго или третьего точно. А они следуют один за другим. При мне за три дня так троих щелкнуло, трое ребят погибло, но наступление так и не продвинулось. Ночью подается команда – пропустить тягач. Он цепляет этот сгоревший танк и утаскивает в тыл. Исполняющий обязанности комбата – капитан Писаренко возмущался, бранился, наконец, начальство разобралось, и роту перевели в другое место.

В этой новой лощине мы оказались на небольшом плато, а деревня, которую предстояло взять, внизу перед нами. Помню, в деревушке было домов всего 15, не больше, но костел посередине стоял. С наступлением темноты получили приказ и пошли в атаку.

Но уже почти на самом спуске танк встал. Хотя двигатель вроде работает нормально. Механика спрашиваю: «Что?» – «Не знаю, наверное, днищем сели!» Выскакиваем с ним, а ночь же, темнота, да еще мелкий дождик идет, погода «отличная». Смотрим, а у нас, оказывается, одной гусеницы нет. Глянул на гору, с которой спускались, а там прямо блестит. Внутренняя же часть гусеницы отполирована катками до блеска. И главное, далеко от нас. Мы на одной под горку шли-шли, пока не сели днищем на грунт. Походили вокруг танка, но ясно же – атаковать мы не в состоянии, и главное, сами гусеницу не поднимем.

Только тягачом можно подтащить.

Принимаю решение отправить заряжающего на гору, помпотеха нашего искать. Он ушел, полночи ходил-ходил, но никого не нашел. А я вижу, некоторые наши танки горят впереди. Вначале еще какие-то крики раздавались: «Вратуйте! Гвалт!», это на украинском что-то вроде – спасите, но потом и этот шум закончился.

В общем, ночь пролетела быстро, без сна и с нехорошими думами. Что же будет утром? Если в деревне остались немцы, то нам несдобровать. Мы же прекрасная мишень! Тем более у нас пушка такая. Один раз еще выстрелим, а дальше? Так все и произошло…

Только рассвело, как я услышал, что над башней просвистела болванка. Только и успел заметить, что стреляла самоходка. У танка пламя и дым вылетают вперед, а у самоходки вверх. Второй ба-бах – прямо в борт, мы же к ней под углом стояли. Благо попали в трансмиссионную часть. Но там же масляный бак, и, конечно, моментально пламенем охватило и заполыхало.

Все сразу выскочили и в овражек неподалеку. А немец еще пострелял, то ли тренировался, то ли что. Третий снаряд в башню попал. Говорю ребятам: «Хорошо, что не он первым прилетел, нас бы уже никого живых не было…»

А когда стали рваться снаряды, мы по оврагу стали отходить на гору. Нашли начальство, доложились и оказались в батальонном резерве. Но если посчитать, я на этой машине всего-то и пробыл в пределах 7—10 дней. Это я в третий раз, считай, горел.

А всего я горел пять раз. Но четвертый и пятый разы не особенно запомнились.

В четвертый раз горел, когда вроде какую-то деревню брали, ну и на подходе почувствовал солидный ударчик, и машина вспыхнула. Вот тут помню, одного ранило, и мы его вытаскивали. Хотя сам экипаж совсем не помню, менялись же постоянно.

А в пятый раз получилось так. После этих боев в Карпатах почти все танки погорели, и нас вывели на отдых. Отдыхали месяца два, пополнились людьми и техникой, правда получили на роту всего семь машин. По два танка во взводе было. А в декабре нас перебросили на Сандомирский плацдарм, и оттуда 12 января пошли в наступление. Здесь мы успешно воевали, Краков освобождали, много всяких интересных эпизодов было.

Командовал нашим передовым отрядом замкомандира бригады полковник Бутузов. Мы обошли Краков фактически с Запада и перекрыли основное шоссе, по которому шло снабжение. Там поселок Забежув, что ли. Взяли его. А километрах в трех

оттуда железная дорога. И по ней шел эшелон, который мы, конечно, не могли упустить.

До Забежува в одном населенном пункте мы решили сориентироваться. У нас уже все отработано было. Только встали, автоматчики быстро проверяют ближнюю округу. Тем более уже появились фаустпатроны, а это для нас опасность агромаднейшая. Из окна, откуда хочешь, могут метануть, и все…

И вдруг автоматчики приводят двоих в немецкой форме. Как сейчас помню, глубокая ночь, мы стоим на танке командира роты. Взводные и ротный собрались на моторной части, чтобы разобраться, где находимся. Тут этих приводят. А командир взвода автоматчиков тоже с нами находится. Азербайджанец Рафик Афиндиев. Пехотинцы к нему обращаются: «Товарищ командир, мы тут двоих поймали, но они молчат.» Ротный говорит: «А ну-ка садани его автоматом по башке! Только не зашиби!» Тот прикладом ему ба-бах, этот скрутился, а потом закричал. И закричал по-русски. Тут все стало ясно, а мы и не подозревали.

Ротный задает вопрос: «Что будем делать?» Мы молчим, не сообразили еще, ведь очень быстро все произошло. Тут Рафик говорит: «Товарищ командир, я с изменниками на одном танке не поеду!» Ротный махнул рукой, и автоматчикам все стало понятно. И когда их подхватили, вот тут они заорали. Ротный приказал:

– Остановитесь!

Спрашивает их:

– Откуда вы?

Один говорит:

– С Украины!

Что-то начал по-украински рассказывать. А второй русский, с Урала.

– И чего вы тут?

– Да вот, в плену были, а тут ездовыми.

Автоматчики подтверждают:

– Где мы их взяли, стоят повозки с противотанковыми минами!

Ага, значит, эти сволочи везли мины против нас. Ну, тут их быстренько за сарай, очередь, и все. Были, и нет.

Но я бы сказал, что такое отношение к пленным было совсем нехарактерным. Вот ротный вроде бывалый офицер, долго воевал, много чего повидал, а тут заколебался. Посоветовался же с нами. Но когда этот Рафик сказал, то решение было принято.

Когда я сейчас этот эпизод рассказываю, всякий раз объясняю – поймите, нельзя этот эпизод оценивать с позиции сегодняшнего дня. 70 лет уже прошло, столько всего изменилось, и, конечно,

сейчас мы совсем по-другому думаем и оцениваем одни и те же факты. Но тогда это казалось в порядке вещей, поэтому так поступили, и поверьте, никто из нас не переживал. Конечно, может быть, лучше было их сдать куда положено, а там, возможно, они бы в штрафной свою вину искупили. Но разве у нас было время думать о них, искать возможность отправить в тыл? Мы имели свою задачу и обязаны были ее выполнить. А если стали бы отвлекаться по всяким мелочам, нас бы попросту никто не понял. Поймите, время было такое, что человеческая жизнь ни гроша не стоила… Но вот, кстати, там же, в Кракове, я единственный раз видел на фронте штрафников.

Когда мы перекрыли эту дорогу и нам приказали войти в Краков, то нашим соседом справа оказалась штрафная рота. Мне бросилось в глаза, что все они были одеты одинаково: телогрейки, ватные брюки, валенки. И у всех винтовки Мосина, только у командиров автоматы.

С криком «ура!» они ринулись вперед и без особых потерь захватили ближайшие дома, а дальше уж не знаю как. Но шли они бойко, смело и отчаянно, вот такое у меня осталось о них впечатление.

В воспоминаниях некоторых танкистов я читал, они признаются в том, что бывали ситуации, когда пленных захватывали, а девать их некуда, так на них даже патронов не тратили, просто давили. Конечно, на фронте чего только не случалось, может быть, кто-то где-то и давил, не исключена такая возможность. Но все-таки мне кажется, это неправдоподобно. Немцы же не стадо какое-то, все обученные, непременно начнут разбегаться. А мы, например, когда получали задание, то шли с большими скоростями, отрывались от тыла, и заниматься пленением было просто некогда. Пехота подойдет и разберется с этим. Но, конечно, всякие ситуации случались. Вот, например, незадолго до того, как у меня сожгли пятую машину, случился интересный эпизодик.

Выскочили на перекресток автострады, через него виадук. А немцев на дороге полно, ну, мы их тут быстро начали щелкать. И вдруг среди этого транспорта выскакивает легковой автомобиль. Причем большой, начальствующий. Видно, они шли на высокой скорости и поздно увидели, что оказались среди нас. Резко затормозил, и выходит из него офицер. То ли генерал, то ли полковник, трудно разглядеть. За дверцу держится, окинул взглядом, ротный только крикнул: «Не стрелять! Взять живым!» Но в это же мгновение, он окинул взглядом, вдруг выхватывает пистолет, в рот выстрел и падает…

Подбегаем, но он, конечно, мертвый. Голову разнесло. Тут

уже определили – полковник. В это время его водитель выскочил из машины, начал кричать страшным голосом и в истерике побежал куда-то. Солдаты его поймали, глаза у него уже раскрылись и, в конце концов, пришел в себя. А мы уж подумали все – лишился разума.

Но у них в машине портфелягу нашли, ротному сразу отдали. Сергей Васильевич его раскрыл, а там карты. Тело полковника сразу на танк, привязали, и с этим портфелем отправили в штаб. За эти карты Храмцову[8] вручили орден, и уже позже он нам рассказал, что этот полковник оказался начальником тыла армейского корпуса.

И вот вскоре после этого мою машину подбили в пятый раз. Помню, что впереди поле и за ним километрах в трех крупный населенный пункт. Пошли в атаку, и где-то на полпути нас подбили. Вот тут у меня погиб радист, что ли. Оставшиеся выскочили, недалеко дорога проходила, мы в ее кювет и нырнули.

Март месяц, а там вода глубиной 50–70 сантиметров. Барахтаемся, только головы торчат… По этому кювету начали то ли идти, то ли плыть, через какое-то время ребята меня просят: «Командир, отдохнуть бы надо. Сил уже никаких нет.» Полежали, а снаряды и пули так и подсвистывают над нами. Добрались до ближайших хат, там подсушились, немного отдохнули.

После Кракова мы взяли большой город Катовице – центр Силезского угольного бассейна, а вскоре ротного повысили и где-то в марте меня назначили на его место. И, будучи ротным, я уже не горел. У него и задачи иные, да и обстановка была уже несколько другая.

Но для пяти потерянных танков потери в экипажах у меня совсем небольшие. Насколько я помню, пять человек получили ранения и всего двое погибло. Заряжающий и механик-водитель. Но я всегда считал, что самым несчастным в экипаже является радист-пулеметчик. Дело в том, что он не видит боя, фактически слепой. А это же очень важно для человека – видеть. Но у него же никаких смотровых приборов, только пулемет и такое маленькое отверстие, что даже трудно представить, что там можно увидеть. И лишь иногда, когда немцы идут стеной, а мы по ним стреляем, расстреливаем в прямом смысле слова, вот тогда я подавал радисту команду беспрерывно стрелять. Но он практически слепой, так что ему не позавидуешь. Кстати, один из бывших радистов нашей роты живет сейчас в Наро-Фоминске, и наград у него не меньше, чем у меня. Потому как он заканчивал войну радистом у начальника штаба бригады. Там, во-первых, ответственная должность, через него идет руководство боем, а во-вторых, поближе к начальству. Но чтобы так повезло, нужно быть

высококлассным радистом[9]. А после войны Иван Георгиевич с отличием окончил училище, и мы с ним вместе служили и дружили. В 2000 году вместе участвовали в военном параде в Москве.

Сердца моего боль

На войне без потерь не обойтись, и к ним быстро привыкаешь. Но человеческая психика так устроена, что она словно включает режим блокировки эмоций, иначе бы люди просто сходили с ума от каждодневных смертей вокруг себя. И все же смерть некоторых сослуживцев особенно сильно выбивала меня из колеи. Один раз я даже заплакал. Признаюсь, было такое… Хоть я и не очень стойкий в смысле слез. Иногда по пустяку меня что-то перехватывает и становится тяжело, но в войну такое случилось всего один раз.

Когда я еще взводным был, у нас погиб замполитех роты Петр Белов. Причем я совсем немного с ним служил и не так чтобы уж близко дружил, но так я его смерть воспринял болезненно, что даже всплакнул. Очень уж душевный парень, правда дружил с водочкой. Бывало смотришь, он уже веселый. Спрашиваю: «Петя, уже?» Но он все время показывал рукой – все в порядке! Причем всегда левой: «Правая – гайки заворачивать, а левая придерживать!» Но такой надежный человек, такой беспокойный, что даже не представляю, когда он отдыхал.

Иногда встречаю его небритым, чувствую, что и не спал совсем, чего-то там ремонтировал и тащит за спиной тяжелый мешок. Спрашиваю:

– Петя, что ты там тащишь-то?

– Стартер!

– Да на фиг тебе он нужен?

– Тебе-то вроде и на фиг, а мне вот так вот нужен! Вон на одной машине стартер отказал, так что про запас пригодится!

Только колонна встала, он сейчас же бежит работать с механиками. Чуть свободное время, он уже занятия проводит, что нового появилось. Или кто-то чего-то запорол, он сразу с механиками проводит разбор. А погиб он так.

Взяли мы какую-то деревушку, а дальше задачи нет. Обстановка несложная, но вскоре появились четыре «мессершмитта» и взялись за наши танки. Правда, на этот раз меня не беспокоили, а вот в машину взводного один из них как вцепился и, пока не сбросил на него все, не успокоился. И одна из бомб шандарахнула в метре от танка. Три катка вылетело, гусеница разлетелась, и даже на корпусе два сварных шва треснули. А весь экипаж тяжело контужен. Рты открыты, кровь из ушей течет. Ничего не слышат, кричат отдельные слова…

Мы вскоре пошли дальше, а Белову поставили задачу как можно быстрее восстановить этот танк и догнать нашу колонну.

Проходит двое или трое суток, и нам приходит весточка, что Белов погиб. Мы все сникли, а что там, как, неизвестно. Но вскоре проясняется.

Танк отремонтировали, но экипажа нет, и он сам сел за механика и погнал догонять нас. Ну и где-то там, оказывается, попался участок, который простреливался немцами с флангов. Мы же в прорыв пошли, а немцы кое-где еще оставались. И на таком участке в поле он попал под обстрел. Болванка влетела прямо в открытый люк – голова оторвана, тело наполовину рассекло… В мешке его останки нам привезли, и вот тут я всплакнул.

Вот только даже не знаю, откуда он родом был. Постарше меня, может, и из кадровых еще. Но у технарей же особого роста не было, и многие настоящие зампотехи всю войну провоевали в ротах.

Погибших условно, конечно, хоронили похоронные команды. Правда, я их ни разу не видел, но мы знали, что они есть. В полку и бригаде они нештатные, а в дивизии или корпусе уже были штатные. Но когда они там подойдут и как разберутся, только бог знает. А сами мы редко хоронили. Мне, например, считаные разы довелось хоронить товарищей. Запомнились лишь отдельные случаи.

Как хоронили Белова на окраине какого-то села в Винницкой области. В Карпатах похоронили лейтенанта Петренко, обложив могилу булыжниками. Принимал участие в торжественных похоронах сержанта Назарова – известного героя бригады, полного кавалера ордена «Славы», который подорвался на мине. Его хоронили на площади городка Мельник в Чехословакии 10 мая 1945 года. А последних семь однополчан мы оставили навечно в городке Судовая Вишня Львовской области. Они погибли от рук бандеровцев в июле и августе 45-го, перед самой отправкой бригады к постоянному месту дислокации в Наро-Фоминск.

А в боях хоронили впопыхах, на скорую руку. Помню, когда у меня погиб заряжающий, так даже не оставили там ничего, потому что получили новую задачу. Только на бумажке передал в штаб, где, чего и как.

И погиб ведь как. Тоже случай. В деревушке, где мы недолго стояли, вроде все тихо, а потом вдруг внезапный пятиминутный артналет. Тогда много людей погибло, и он в том числе. Мне повезло, я в это время находился в танке, а он добежать не успел…

Но вот с чем я до сих пор смириться не могу, так это с таким количеством без вести пропавших. Вы сейчас любую «Книгу

памяти» откройте, так там половина числится пропавшими без вести. Ну, куда это годится?! И как это воспринимается людьми? Одно дело погиб, а так вроде под каким-то вопросом. Чуть ли не подозреваемый. А вдруг он после плена против нас воевал? У меня тут, в Воронеже, есть друг, Морковец Виктор Иванович, так мы с ним до самых верхов хотим дойти. Достучаться до властей, чтобы наконец уже было принято принципиальное решение, чтобы всех пропавших без вести официально признать погибшими в боях за Отечество. Хотя на самом деле вопрос, конечно, очень сложный. Но сколько же пропало людей, это просто немыслимо.

Помню, как-то в 70-х годах поехали на рыбалку на самый север Горьковской области. И хозяйка, у которой мы остановились, рассказывает: «После войны получили письмо, что сын из Германии выезжает домой. И все, пропал. Ни слуху ни духу.» И вот бабка плакала, а мы и не знаем, что сказать. С другом взяли его данные, послали запросы и, в конце концов, получили ответ – «пропал без вести в сентябре или октябре 45-го.» Передали той женщине, но не думаю, что ей стало легче.

Но что страшнее всего, данные о многих людях утеряны из-за нашей же неорганизованности и безответственности. Я ведь вам уже рассказывал, что весь наш выпуск, около 500 свежеиспеченных офицеров, выпустили из училища и направили на фронт без удостоверений личности. Якобы не было бланков. А сколько отправили без документов солдат? Неизвестно…

Пропало и у нас несколько человек без вести. Еще до моего появления в 14-й бригаде, в декабре 43-го во время тяжелого встречного боя пропал командир 3-го батальона Герой Советского Союза капитан Бармин. Про него так и думали, что погиб, но точно ничего не знали[10].

А уже при мне в Карпатах в октябре 44-го сгинул сержант Новицкий. Послали его ночью за водичкой, он пошел и не вернулся. Что произошло, так и осталось неизвестно. Могли его и разведчики хапнуть, мог ли он и сам податься к ним, или же что-то еще случилось, трудно сказать. Но это произошло, считай на моих глазах. А будучи на отдыхе в Германии, мы недосчитались в своих рядах лейтенанта Захарова. Тоже совсем непонятно, что случилось.

Опасности со всех сторон

В разных книгах мне доводилось читать, что много танков мы потеряли от действий немецкой авиации. Чаще всего в пример приводится знаменитый летчик-штурмовик Рудель, на счету которого, по немецким данным, свыше 500 наших танков. Но сколько бы я ни общался с бывшими танкистами, все вспоминали, что потерь от авиации почти не было. Вот и у нас потери от немецкой авиации были минимальные. Мне, например, лично не доводилось видеть, чтобы случилось прямое попадание в танк. Правда, однажды бомба разорвалась прямо рядом с танком. Гусеницу разбило, три опорных катка вылетело, даже разошлись несколько швов, а весь экипаж был тяжело контужен и вышел из строя. А чтобы танк вышел из строя после обстрела с самолета, такого не было совсем! Я такого не видел и даже не слышал. Но я отлично помню, как впервые побывал под настоящей бомбежкой.

Еще в начале февраля 44-го, находясь в обороне у поселка Липовец, возникла необходимость подобрать для взвода место для запасных позиций. В это время группа пикирующих «юнкерсов» пролетала стороной, но через несколько минут они уже с тыла оказались над поселком. Добежать до танка я не успевал и укрылся в ближайшем неглубоком окопчике. Но когда раздались первые разрывы, подсознательно оценил, что укрытие мое крайне ненадежное. Ползком добрался до ближайшего сарайчика, но и это укрытие показалось мне ненадежным. А самолеты во время пикирования издавали грозные раздирающие звуки, очень воздействующие на человеческую психику. Появилась нервозность. На корточках выбрался из сарайчика, но разрывы были слышны кругом. Неподалеку находилась соломенная копна, и я решил укрыться в ней. Пробарахтался в этой соломе, пока не выдохся физически. Но почувствовал, голова и тело укрыты. Когда же совсем рядом раздался взрыв бомбы, на мгновение отключилось сознание. Затем послышались какие-то удары о мерзлый грунт и, наконец, воцарилась тишина.

Вылез из соломенного укрытия, отряхнулся, и медленно пошел к танку. Иду и вижу, что кругом земля перемешалась со снегом и соломой. Недалеко виднелась большая воронка, а сарайчик, в котором я поначалу спрятался, оказался разрушенным и без крыши. Вот после этого случая появление вражеских самолетов я стал воспринимать с опаской. И для себя окончательно укрепился в убеждении – при любой бомбежке находиться в танке. Но буквально через несколько дней попал в очередной переплет, связанный с авиацией.

Мы занимали оборону в крупном населенном пункте, разделенном оврагом и ручьем на две части. По одну сторону немцы, по другую мы. В полночь последовала команда – срочно прибыть в штаб батальона. Зашел за соседом – лейтенантом Валей Тышкевичем. Негромко переговариваясь, идем по улице. Кругом бело от снега, небольшой морозец, и совсем непривычная для передовой тишина. И вдруг слышу необычное шуршание со свистом. Мелькнула мысль – летит снаряд. Упал, а Валя что-то замешкался. И сразу же раздался страшный взрыв. Выйдя из какого-то забытья, почувствовал удары земляных падающих комьев на себе.

Встаю, осмотрелся, а поблизости большая воронка и около нее Валя неподвижно лежит… Попытался оказать ему помощь, но из-за боли в ногах он встать не смог. С трудом взвалил его на спину и побрел к штабу батальона. По дороге Валентин стонал, а затем начал ругаться. Но все-таки донес его, передал фельдшеру батальона и попрощался. А в штабе сообщил о случившемся. Стали думать, что же это могло быть, и сошлись на том, что бомбу ошибочно сбросил свой ночной бомбардировщик По-2 по прозвищу «кукурузник». Так что в боевой обстановке чего только не случается, и от своих можно пострадать. Но коль уж зашел разговор про авиацию, расскажу еще такой случай.

В 20-х числах января 45-го на подходе к Катовице мы трое суток шли в передовом отряде. И вот утро ясное, солнечное, кругом бело все, снега 25–30 сантиметров. Шли колонной, впереди дозор. А немец отступал довольно-таки быстро. И вдруг появляются два немецких истребителя. Нас было семь танков, и как раньше и отрабатывали на этот случай, если местность открытая, сразу расходимся в разные стороны. Разошлись, но один истребитель увязался почему-то именно за мной. А если он пошел, то по всем канонам будет идти до конца.

Конечно, я подавал команды механику, чтобы уходить из-под обстрела за счет маневра, но чувствовал, что он попадал. И вдруг у меня возникла мысль: а для чего, спрашивается, нам выдали дымовые шашки и гранаты? И решил попробовать.

Командую заряжающему: «Подай дымовую гранату!» Люк открываю, механику сказал малость притормозить, гранатку запалил и аккуратненько пустил ее по башне, чтобы она на крыло упала. И получилось удачно. Через пять секунд дыму будь здоров. Механик маневрирует, дымище идет и идет, а я уже и вторую подбросил. Немец еще раз на вираж зашел, малость пострелял и улетел. Второй заходит, видит, что тут кругом дымина, и тоже ушел. Ну, вот он меня и записал, наверное, что танк подбит.

А когда мы потом вышли на переформировку, ротный

готовил какую-то справку по боевому опыту, и в ней упомянул, что Борисов применил дымовые гранаты. Другие офицеры себе на ус намотали. Но к концу войны самолетов противника стало встречаться меньше и встречи происходили реже. Превосходство нашей авиации стало очевидным.

Но основные потери мы, конечно же, несли от танков, самоходок и пушек. Что из них опаснее? Да и те и другие были для нас наипервейшими целями. Противотанковые пушки у них тоже были отличные, и хорошие снарядики к ним… Их мы тоже побаивались. Уж если ее обнаружили, то будем бить, пока не уничтожим. Но танки и самоходки, конечно, опаснее всего. Когда на территории Германии побольше стало попадаться брошенных танков, то я в них несколько раз лазил. Любопытство разбирало. И что скажу.

Внутренне обустройство и оборудование сделано более качественно, чем у нас. Более приспособлено для людей, это надо признать. Хорошо покрашено белой краской, и все выглядит достойно. А у нас те же сиденья взять – горе одно. У них все закругленное, а у нас одни углы. За что зацепился в суматохе, порвал. И механизмы пробовал. По физическим усилиям поддается значительно легче, чем у нас. Башня вращается почти без усилий, а следовательно, это влияет и на скорость. Инструмент посмотрел. Однажды лопату их прихватил, и она у нас долго пробыла. Когда копали, то ее давали мне. Она и полегче, и прочнее. Наши постоянно приходилось точить, а эту если уж раз наточил, то надолго хватало. Совсем другое качество металла.

Но главное, чем я интересовался, – прицел. Все остальное, это ладно, а вот качество прицела. Во-первых, увеличение. У нас 3-кратное, а у них 7-кратное, это же существенная разница! Разных делений значительно больше, чем у нас. Командирский приборчик – тоже увеличение в 2,5 раза лучше, чем у нас.

Еще, конечно, фаустпатроны. Если действовать в городе или в лесу, да еще ночью, то это самое страшное оружие. Правда, у нас в батальоне потери от них были совсем небольшие, но когда в конце войны их много развелось, то мы уже понимали, что с пехотой так просто сближаться нельзя. Я хорошо изучил фаустпатрон, знал, если вломит, то наверняка… Мне запомнилось, как мы с ними в первый раз столкнулись.

Когда в январе 45-го пошли в наступление, то через несколько дней вышли к городку Мехув. С помощью пехоты ночью очистили улицы от немцев и заняли оборону. Наконец после нескольких бессонных ночей представилась возможность отдохнуть в тепле. В какую-то хату набилось много солдат и

офицеров, а нам с Сергеем Васильевичем досталось место в углу у входной двери. Заснули, конечно, в одно мгновение. И вдруг сквозь сон слышу щелчок, напомнивший что-то знакомое. На мгновение успел только обхватить руками голову.

Раздался взрыв, послышались крики о помощи, началась паника, и мы с Сергеем выскочили из хаты в числе первых. Стали разбираться, и выяснилось, что у одного из бойцов в кармане шинели рванула ручная граната. Три человека погибли и несколько было ранено, в том числе и хозяйка хаты. Взрывом выбило стекла и разворотило печку, мы же отделались лишь испугом.

Но, возвратившись в танк, уснуть больше не смогли. Решили навестить свои экипажи и рассказать о случившемся. Одновременно проверили у всех снаряжение гранат.

А с рассветом автоматчики обнаружили несколько немцев. В это время во взвод прибыл с проверкой зампотех роты. Он оказался пьяным и сразу же принялся командовать. Солидно поругались… Наконец он взял себе автоматчиков и с пистолетом в руке отправился преследовать противника.

Но вскоре в траншее раздался взрыв, в какое-то мгновение на башне ближайшего танка появился огненный шар. В замешательстве я подбежал к машине, вызвал экипаж, но все оказались живы. Значит, все в порядке. А зампотех в это время с криками и руганью приблизился к дзоту, туда бросили несколько гранат, постреляли и возвратились.

С командиром экипажа осмотрели танк, и в верхней части башни обнаружили отверстие. Оно выглядело в виде воронки, снаружи диаметром в пять сантиметров, а внутри проходил палец. Но особых повреждений в машине не было и просто забили в отверстие деревянную пробку. Зато при осмотре траншеи обнаружили какую-то металлическую трубу с прицелом. В это время зампотех вернулся, пьяная дурь у него уже прошла, и я ему эту трубу передал и попросил обо всем доложить ротному.

А после освобождения Кракова, во время короткой передышки, начальник боепитания батальона лейтенант Рычагов ознакомил офицеров с новым немецким оружием – ручным реактивным противотанковым ружьем одноразового действия под названием «панцерфауст» и «панцертодт». Рассказал об устройстве, что два вида гранат с расстояния 30–50 метров пробивают броню в 140 и 200 миллиметров. Даже сделал два показательных выстрела по сгоревшему немецкому танку. Потом предложил и нам попробовать, в том числе один выстрел сделал и я. Помню, эффект на меня это произвело просто ошеломляющий.

Но наибольшая опасность возникла, когда мы вошли на территорию Германии. Там фашисты начали создавать уже целые подразделения, вооруженные фаустпатронами. Они вели огонь на поражение из подвалов, окон и чердаков, поэтому возникла постоянная необходимость иметь на танках автоматчиков. Взаимодействие между ними и экипажем было отработано по нескольким вариантам. В первую очередь они уничтожали фашистов, вооруженных фаустпатронами, и до окончания войны в нашей роте потерь в танках от этого оружия не было.

Видел отдельные машины и с наваром брони, и с сеткой, но у нас в бригаде эти методы широкого распространения не получили.

А в апреле, находясь на переформировании в районе Нейхаммер, я уже отлично изучил фаустпатрон и как следует попрактиковался в стрельбе. Мало того, в последующих боях мы на броне всегда держали запас из двух-трех фаустпатронов, которые активно использовали при разрушении кирпичных стен, когда нужно было сделать проход на другую улицу.

А кроме фаустпатрончиков я возил на броне завернутую в одеяло немецкую снайперскую винтовку. Потому что до этого произошел такой эпизод.

Утюжили как-то траншею, работали с поворотом, чтобы гусеницами засыпать ее. А возраст-то молодецкий, я увидел, что немцы бегут, эмоции захлестнули, и высунулся из люка. Вроде как лихачество. И на продолжительном участке вижу, бежит один по траншее. Выхватил пистолет, первый выстрел – не попал. А второго выстрела не последовало… Я туда-сюда, магазин, бесполезно. Потом уже разобрался.

Оказывается, зимнюю смазку я не удалил, она застыла, и патроны не подаются. Поэтому после этого случая я сделал для себя определенные выводы. Всегда держал в магазине уже не восемь патронов, а семь, а то и шесть, чтобы пружина всегда была немного разжата. И так поступал до самого конца моей службы. Всегда один-два патрона вынимал и в карман прятал. А кроме того, решил найти себе и более мощное оружие. И когда в Германии мне подвернулась снайперская винтовочка, я ее с радостью взял, и иногда, когда обстановочка позволяла, пристраивался на башне и стрелял. Хлоп, и сразу вижу результат… Немного, но несколько немцев я так прикончил. Так что я не только танки подбивал.

Боевой счет

Сколько всего немцев на моем счету – не скажу. По технике последняя цифра была десять, но это только танки и самоходные орудия. А этих автомобилей, повозок, это все особенно к концу войны даже не считали. Попытался недавно вспомнить подбитые мною танки и не смог. Все в тумане уже, давно забыл ось. Я и цифру-то запомнил, потому что делал доклад начальству. Но все же попытаюсь.

Самый первый я подбил в том бою с двумя самоходками, о котором уже писал. Я четко видел, что ближний из танков мне удалось подбить. И это точно я попал, потому что больше по нему никто не стрелял.

Потом два танка удалось подбить на «особом задании». Тут уж точно все и без всяких сомнений. В упор же фактически их расстреляли.

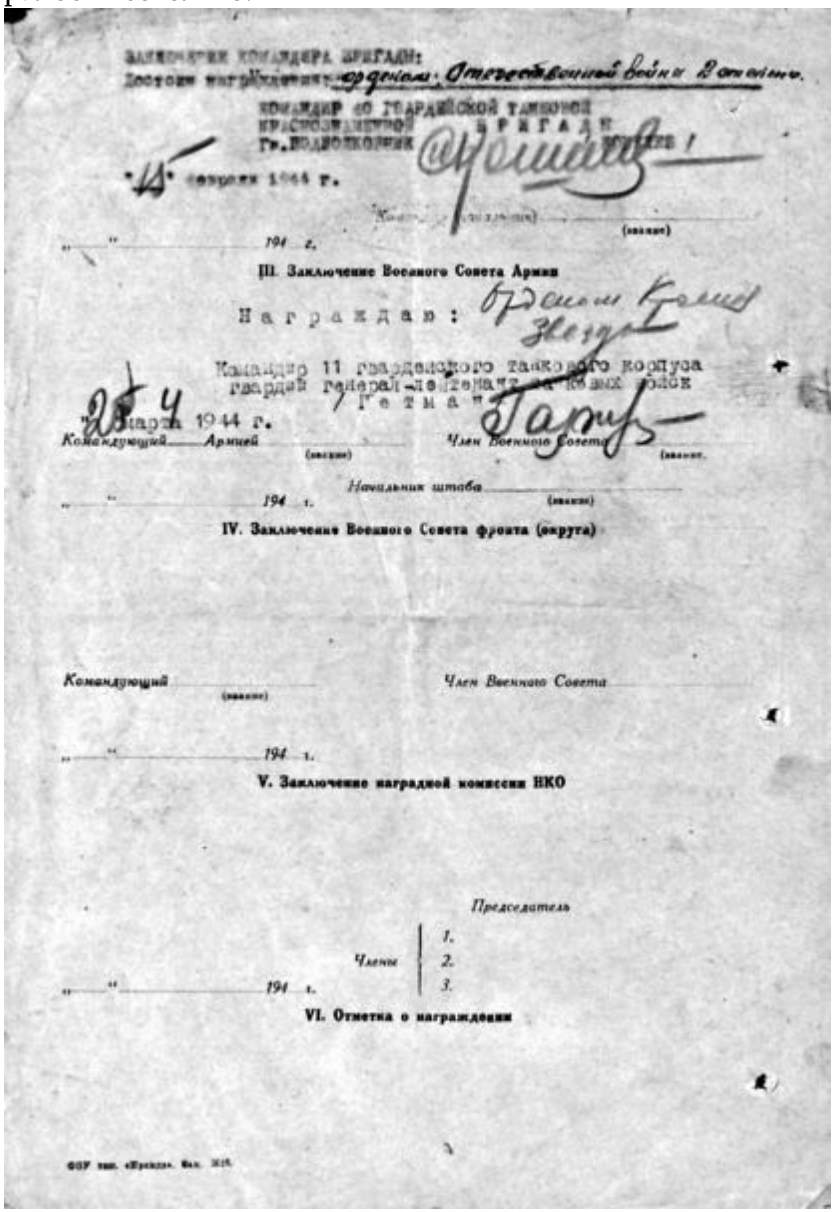
Дальше. В Интернете внук нашел наградные листы на меня, и в одном из них сказано, что за два дня мой экипаж уничтожил танк, две самоходки, одно орудие, а я ничего этого уже не помню. Вернее, смутно помню, что в те дни уничтожил один танк. Там, в районе Липовца, кутерьма была продолжительная, и мы там находились в поселке в пределах недели. Меняли позиции, запасные окопы копали. Накопались там будь здоров. Уже на глаз определяли, чтобы впритирочку и не копать лишние метры.

И вот там днем параллельно нам по дороге проходил немецкий транспорт. Расстояние, правда, было большое, больше двух километров, наверное. Но мы все равно стреляли. А по автомобилям стрелять, там четко видно, что попадание есть. Сразу факел горит…

Но там проходили и небольшие танковые колонны, и по ним мы тоже пытались стрелять. И насколько мне помнится, там я тоже один танк подбил. Расстояние хоть и солидное, но они шли параллельно нам и подставляли свои борта, а это самый лучший вариант для стрельбы. Насколько я помню, он уже загорелся, а я еще несколько выстрелов сделал по нему из жадности. А вот самоходки совсем не помню. Но раз написано, значит, точно было. Я в жизни ничего чужого не брал, да и никто бы из командиров ничего придумывать не стал.

Потом в районе Чорткова в 20-х числах марта 44-го мой экипаж подбил «пантеру». Их три штуки шло, а мы стреляли всей ротой. В конце концов, прикончили их, но кто там попал, конечно, невозможно установить. Но, по моим ощущениям, мы точно попали.

А когда в апреле 44-го вышли к границе в районе Гусятина, то там мы подзадержались, потому как не смогли с ходу преодолеть Прут. На берегу заняли оборону, подошли саперы, и только в ночь они начали наводить переправу. Ну а мы с пехотой поддерживали их, постреливали постоянно. Вот там, насколько мне запомнилось, тоже один танк подбили. И в 14-й бригаде набралось несколько.



ЗАМЕСТИТЕЛЮ КОМАНДИРА БРИГАДЫ:
Достоин награждения: орденом Отечественной войны 2 степени.

КОМАНДИР 40 ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ
КРАСНОЗНАМЕННОЙ БРИГАДЫ
Гв. ПОДПОЛКОВНИК

"15" апреля 1944 г.

"__" _____ 194 г. (подпись)

III. Заключение Военного Совета Армии

Награждаю: орденом Красной Звезды

Командир 11 гвардейского танкового корпуса
гвардии генерал-лейтенант танковых войск
/ Гетман /

"28" 4 марта 1944 г.

Командующий Армией (подпись) Член Военного Совета (подпись)

"__" _____ 194 г. Начальник штаба (подпись)

IV. Заключение Военного Совета фронта (округа)

Командующий (подпись) Член Военного Совета

"__" _____ 194 г.

V. Заключение наградной комиссии НКО

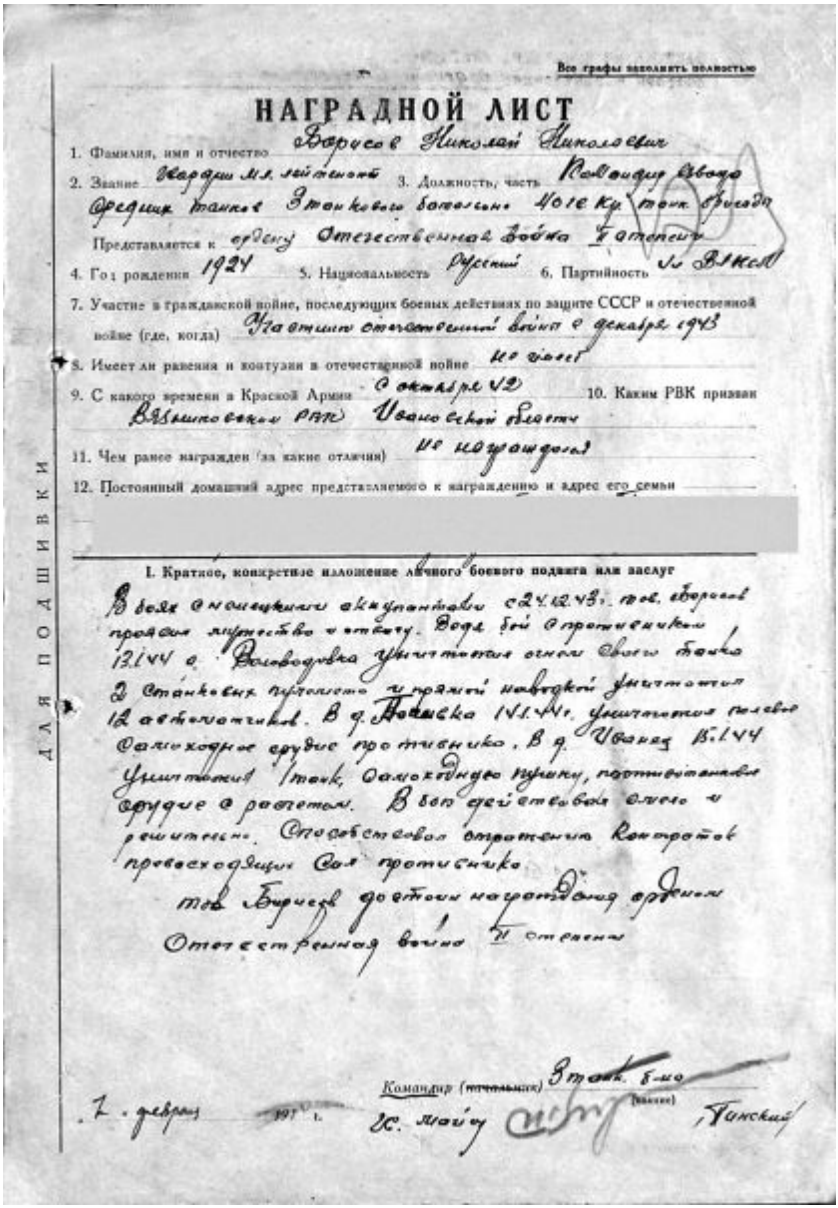
Председатель

Члены 1. 2. 3.

"__" _____ 194 г.

VI. Отметка о награждении

ОПУ тип. «Красная». Зак. 3215.



Все графы заполнить полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Борисов Николай Николаевич
2. Звание гвардии мл. лейтенант 3. Должность, часть Командир взвода средних танков 3 танкового батальона 40 гв Кр. танк. бригады
Представляется к ордену Отечественная война 1 степени
4. Год рождения 1924 5. Национальность русский 6. Партийность Не в ВКП
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Участник отечественной войны с декабря 1943
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с октября 42 10. Каким РВК призван Вязниковским РВК Ивановской области
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

ДЛЯ ПОДШИВКИ

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В боях с немецкими оккупантами тов. с 24.12.43 г. пр. проявил мужество и отвагу. Ведя бой с противником 13.1.44 г. Воловодовка уничтожил огнем своего танка 2 станковых пулемета и прямой наводкой уничтожил 12 автоматчиков. В д. Поповка 14.1.44 г. уничтожил полевое самоходное орудие противника. В д. Иванец 15.1.44 уничтожил танк, самоходную пушку, противотанковое орудие с расчетом. В бою действовал смело и решительно. Способствовал отражению контратак превосходящих сил противника.

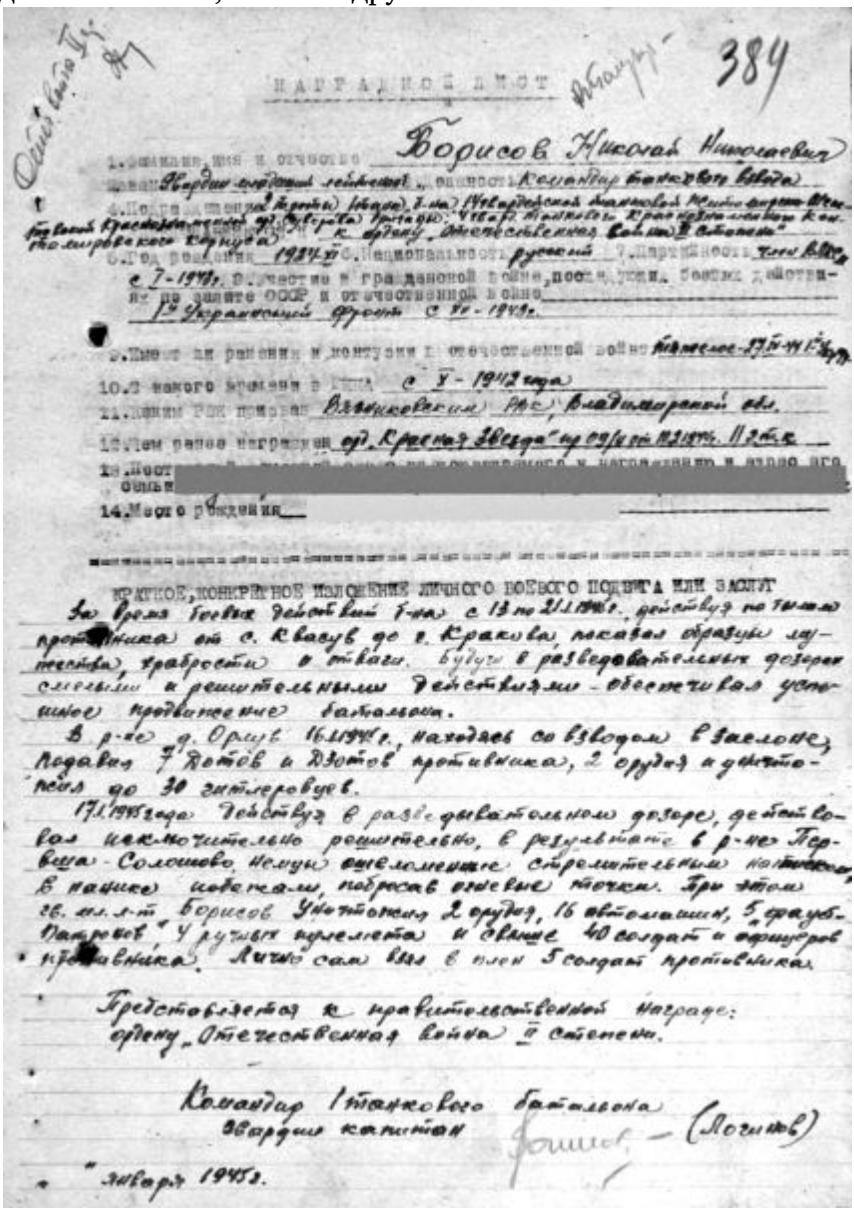
тов. Борисов достоин награждения орденом Отечественная война II степени

Командир (начальник) 3 танк. б-на (часть)

7 февраля 1944 г. гв. майор Танский

контратак превосходящих сил противника».

Когда в январе 45-го в районе деревни Забежув перерезали дорогу на Краков, тоже группой стреляли, и, кто там подбил, точно неизвестно. Но, по моим ощущениям, мы там один танк подбили. А может, и кто-то другой.



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

384

Борисов Николай Николаевич

Гвардии старший лейтенант, командир батальона

1924 г.

с 7-1943 г., в частях в гражданской войне, после учебы, боевых действий по защите СССР и отечественной войне

1-й Украинский фронт с 10-1943 г.

с 5-1942 года

Владимирский РВК, Владимирской обл.

Краснознаменный орден Красная Звезда

14. Место рождения

КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО ВОЕННОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

За время боевых действий 1-на с 13 по 21.1945 г. действуя на тылы противника от с. Квасув до г. Кракова, показал образцы мужества, храбрости и отваги, будучи в разведывательных дозорах смелыми и решительными действиями обеспечивал успешное продвижение батальона.

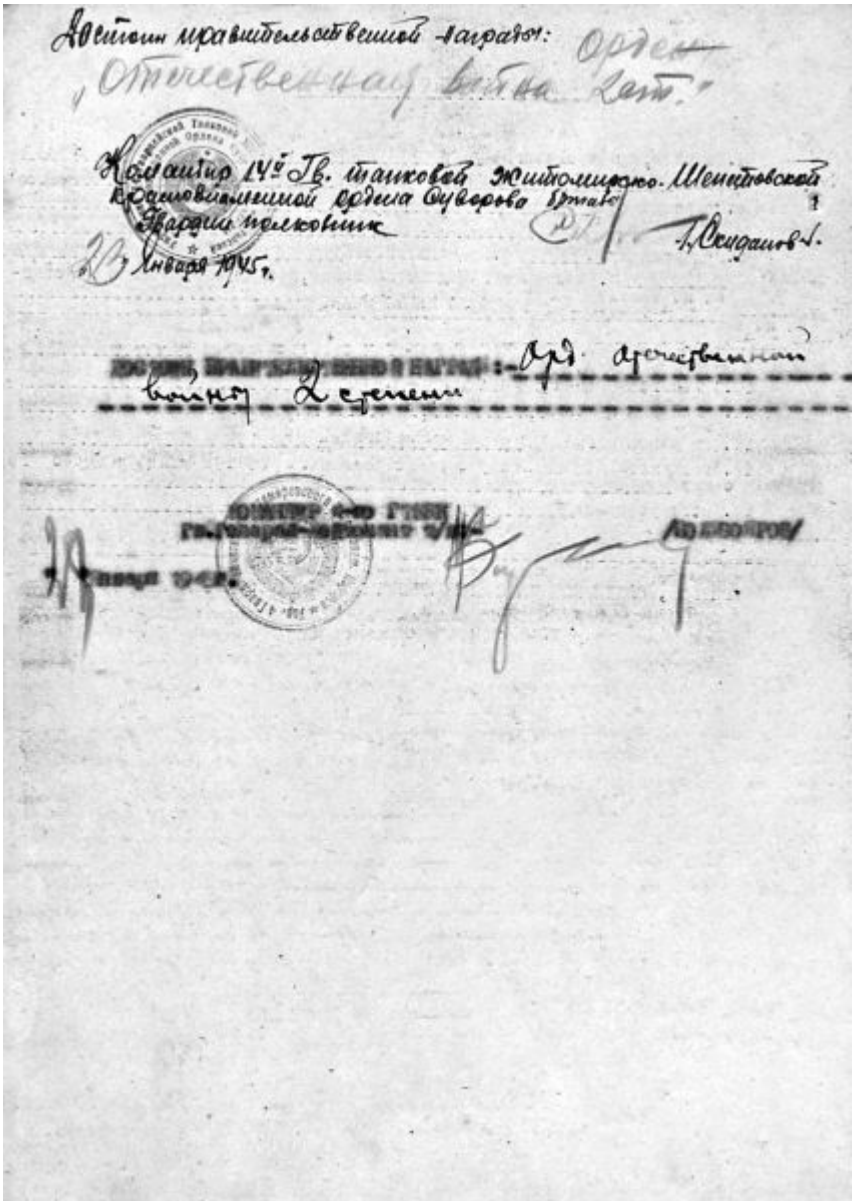
В р-не д. Орлув 16.1.1945 г., находясь со взводом в заслоне, подавил 7 дотов и дзотов противника, 2 орудия и уничтожил до 30 гитлеровцев.

17.1.1945 года действуя в разведывательном дозоре, действовал инициативно решительно, в результате в р-не Первша - Соломово неожиданно стремительным натиском в наших боевых порядках, пробрался огневые точки. При этом гв. м.л-т Борисов уничтожил 2 орудия, 16 автоматов, 5 граф. патронов, 4 ручных пулемета и свыше 40 солдат и офицеров противника. Лично сам взял в плен 5 солдат противника.

Представляется к правительственной награде: ордену „Отечественная война" II степени.

Командир 1 танкового батальона
гвардии капитан (Борисов) — (Лочков)

" января 1945 г.



Командир танкового взвода 2-й роты 1-го танкового батальона 14-й гвардейской танковой бригады гв. мл. лейтенант Борисов Н.Н. был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени: «За время боевых действий батальона в период с 13-го по 21.01.45, действуя по тылам противника от с. Квасув до г. Краков, показывал образцы мужества и отваги. Будучи в разведдозорах, смелыми и решительными действиями обеспечивал успешное продвижение батальона. 16.01.45, находясь со взводом в заслоне в районе д. Орлув, подавил огнем 7 дотов и дзотов противника, 2 орудия и уничтожил до 30 гитлеровцев. 17.01.45, будучи в

разведдозоре в районе Первша-Солошово, действовал исключительно решительно, в результате чего немцы, ошеломленные стремительным натиском побежали в панике, побросав при этом огневые точки. При этом гв. младший лейтенант Борисов уничтожил 2 орудия, 16 автомашин, 5 фаустпатронов, 4 ручных пулемета и свыше 40 солдат и офицеров противника. Лично взял в плен 5 солдат противника»

Потом в первых числах февраля 45-го, когда только захватили плацдарм и нас бросили на его усиление. Но, поскольку немцы все населенные пункты превратили в опорные, тут мы уже штурмовали их вместе с пехотой. И насколько мне помнится, там вроде тоже один подбили. И запомнился эпизод в 20-х числах февраля 45-го, когда мы принимали участие в окружении Бреслау.

Всю ночь шел крупный сырой снег, а наша рота двигалась по целине. Лишь изредка останавливались, чтобы сориентироваться на местности. Помню, в радиоэфире постоянно появлялось начальство, подгоняло нас, и частенько приходилось выслушивать нелестные слова о себе. Наконец, на рассвете вдали показались окраины большого города. Быстро нашли огневые позиции и замаскировались в небольшой сосновой роще. Вдруг неожиданно появился бронетранспортер с разведчиками во главе с начальником разведки майором Казариновым.

К нашему удивлению, оказалось, что всего в 700 метрах перед нами проходит передний край противника. С рассветом разведка попыталась пройти, но немцы уже сели в оборону хорошо, и просочиться в город разведчикам не удалось. Они нас предупредили: «Просто так в город уже не попадешь!»

Стали наблюдать, а через командирский перископ хорошо видно, как отдельные немецкие солдаты перебегают с места на место и даже как выглядывают из-за бруствера. А потом вдруг заметили среди окопов и несколько танков и самоходок. Смотрю, а у ближайшего, который находился в моем секторе, видна не только башня, но и часть корпуса. Видно не успели полностью зарыть. Спросил у ротного: «Можно, попытаюсь?» Сергей Васильевич разрешение дал.

Расстояние было большое, но как-то удачно получилось. Может, и под корпус попало, в самый обрез, потому что от попадания в башню он сразу бы не загорелся. А тут сразу вспыхнул, значит, все-таки в корпус попадание.

Первый выстрел я промахнулся. Второй выстрел уже от него последовал – тоже промах. Но после моего второго выстрела – факел! С веселым бодрым духом докладываю ротному. Он

отвечает: «Все вижу! Записываю на твой счет». И спрашивает: «А сколько у тебя всего на счету?» – «Если в вашей бригаде, так третий или четвертый. А еще были в 40-й бригаде».

Но что нас сразу насторожило, что соседние немецкие танки почему-то не стреляли. Вообще вокруг стояла такая тишина, которая на фронте всегда только настораживает. Немцы молчат – значит, что-то замышляют. Ладно, мы тоже не подаем никаких признаков. Так прошел целый день.

Но ближе к вечеру нервное напряжение усилилось. Наконец, по радио послышалась команда ротного: «Огонь открываем залпом по моей команде!» Глянул в прибор, а там на горизонте девять немецких танков, стреляющих на ходу. Когда они поравнялись с окопами, из них выскочила пехота и устремилась в атаку на нас. Последовала команда: «Залпом – огонь!»

После первого же залпа один танк горит, второй остановился. После второго еще два. После третьего – еще один горит. Тут пехота залегла, а оставшиеся танки стали отходить. Снова воцарилась тишина. Только где-то вдали в городской черте что-то громыхало и светилось в наступившей темноте. Но ночью нашу рощу заполнила пехота, а нам последовала команда выйти в район сбора.

А последние два были уже в Германии. После форсирования Нейсе взяли направление на Берлин, но, находясь всего в 50 километрах южнее него, вдруг получаем приказ «Срочно совершить марш на юг Германии и сосредоточиться в районе города Гойнерсверде». Штурм Берлина так и остался мечтой…

А там, прибыв в указанный район, в течение недели мы отражали контратаки окруженной немецкой группировки, пока не принудили ее к сдаче в плен. Вот в этих боях мой экипаж подбил еще два танка, доведя счет до десяти. Если посчитать все, что я сейчас вспомнил, даже больше десяти выходит, но я запомнил последнюю цифру, которую докладывал начальству.

Если же, в общем, говорить про то, как велся боевой счет, то скажу откровенно, мы не немцы. Как уже потом я узнал, у них велись персональные карточки, куда записывали все успехи. Ясно, что там особо не сбрешешь. А у нас учетных данных как таковых не было. Как говорится, на совесть. Для себя я счет, конечно, вел, но настоящего учета фактически не велось. Только если сам командир вдруг увидел, тут конечно. Хорошо, в моем случае многие старшие начальники, в основном ротный командир, тому были свидетелями. А так нам засчитывали далеко не все, что мы докладывали.

Вот предположим, те два танка на «особом задании» нам не записали. Командир же не поверит. Он выслушал: «Молодцы,

ребята! Но можно было бы и больше…» Но больше мы не успели. А если бы успели, то, может, и нас уже не было. Так что посмеялись, но официально эти два танка мне не засчитали. Но все-таки начштаба записывал себе, ведь когда заполняешь наградные, нужно писать не то, что в голову взбредет, а конкретно, что было на самом деле.

И в штабе корпуса велся подсчет. Кто его вел, не знаю, но у нас был свой чемпион, называли его. Если не ошибаюсь, какой-то лейтенант, который в одном бою хлопнул штук семь, а всего у него счет к 30 подходил. Таких снайперов-одиночек начальники, конечно, знали. Но обычный танкист живет недолго, и потом все это забывалось. Хорошо, если где-то записали, но в целом по армии у нас с этим делом неразбериха была. Поэтому сейчас и не могут установить, кто сколько танков подбил. Только и установили, что Лавриненко[11] больше всех маханул. Почему сейчас и началась эта чехарда с цифрами.

Я вот недавно читал воспоминания одного, так он пишет, что у него на счету 36 танков, причем много «пантер» и «тигров». Но это же не мужикам в колхозе рассказывать… Мы и тех и тех побаивались. Или вот прочитал интервью с Ионой Дегеном, и в нем он упоминает про бой, в котором три его танка маханули 18 «пантер». Ну, не знаю. Чтобы «пантеру» подбить, это я вам скажу. Сколько я охотился и стрелял, знаю, что это такое. А даже если ты ее хлопнешь, то его друг с соседней тебя самого хлопнет. Хотя с другой стороны, чего только на войне не случалось.

За все время на фронте последствия своей стрельбы я видел всего однажды. Где-то так получилось, что через овраг от нас шла немецкая колонна. А уже не я стрелял, наводчик, и он один снаряд как хватанул в середину колонны, многонько там осталось. И когда мы прошли через овраг и двинулись по этой дороге, то убедились, сколько их там лежало. Правда, однажды я попал в такой переплет, ну чистое побоище.

В 20-х числах марта 44-го наша бригада вошла в прорыв и начала преследовать отходящего противника. Но погода стояла слякотная, и по бездорожью машины иногда перегревались и выходили из строя ввиду различных неисправностей. И во время ночной атаки на моем танке полетела бортовая передача. Короче говоря, подшипник полетел, за ним зубья. Ремонтники появились на вторые сутки, тягачом отбуксировали нас на СПАМ (сборный пункт аварийных машин). В течение ночи машину отремонтировали, но еще в ночь поднялась страшенная вьюга, и повалил такой крупный сырой снег, да еще с ветерком, что и на метр вперед ничего не видно. С утра эта пурга еще побушевала, но к обеду вроде успокоилась.

Двинулись догонять своих, а на дорогах настоящий кошмар. Все встало! Только гусеничная техника и повозки еще кое-как продвигались, а все автомобили стояли совсем без движения. Но мимо колонны пойдешь, так непременно какой-то командир выскочит с пистолетом в руках и прикажет вытаскивать его машины. А они же все груженные до упора. Где потаскаю несколько, у другой с мясом вырву все, что возможно, поэтому я уже стал обходить стороной. Только увижу колонну, стараюсь идти полем подальше от дороги.

В конце концов, выехали мы к небольшому райцентру Чортков. Там речушка, мост, но, не доходя до него, меня останавливает офицерский патруль с солидной охраной автоматчиков. Чувствуется, что бравые ребята. Рослые и по годам не юноши. Сразу отвели меня к их начальнику. Доложился этому полковнику: «Такой-то, следую в часть!» Следует приказ: «Впереди в десяти километрах от нас из окружения у городка Скала вырвалась группировка немцев и движется в этом направлении. Я уполномочен командующим фронтом создать здесь заслон! Высоту видишь? Занять на ней оборону!» Приказы в армии не обсуждаются, но про себя я подумал – опять вляпался в очередную кутерьму…

Но пока в раздумьях до танка шел, смотрю, с тылу подошла колонна СУ-76. Их по-разному называли – либо «прощай, Родина», либо «гроб для четверых».

Смотрю за ними. Вижу, командир полка, тоже получил приказ занять оборону на этой высоте. Тут уже как-то полегче на душе стало… Все-таки 21 машина, а я 22-м пристроюсь.

Вышли на ту высоту, комполка сразу сориентировался, говорит мне: «Будешь крайним справа у оврага!» Поблизости находился овраг, спускающейся к реке, а вдоль по берегу проходила дорога к центру города. Прикинул, на случай отхода маршрут благоприятный.

Стрелковые подразделения заняли оборону на высоте и начали окапываться. Расположились, а ближе к вечеру смотрим, далеко-далеко что-то чернеет и колышется. Через полчаса стало видно, что примерно в нашем направлении движется многотысячная колонна. Комполка предупреждает: «Стрелять бесшабашно нельзя – количество боеприпасов невеликое. Поэтому стрелять будем залпом по моей команде!» Хотя прежде я нигде не встречал, чтобы залпом стреляли. А немцы все ближе и ближе. И вскоре все стало видно.

Идут налегке, чтобы быстрее, без всякого тяжелого вооружения. Но непонятно, то ли эта толпа идет прямо на нас, то ли где-то стороной. И уже километра за два стало ясно, что они и

нас тут прихватывают. Хотя, видно, они заметили, что у них нехорошие соседи появились, потому как колонна стала смещаться чуть в сторону.

И когда километра за полтора они вышли прямо напротив нас, тут мы стали залпами палить. Где снаряд разрывается, сразу брешь, но строй быстро смыкается… Видно, как люди валятся, но задние прямо по убитым и раненым прут и прут. После нескольких залпов толпа остановилась, а потом стала уходить резко вправо от нас.

Не помню, сколько залпов успели сделать, много. Но постепенно они стали все реже и реже, а когда конец колонны увидели, то и стрелять уже не стали. Тут как раз и темнота опустилась, и остатки колонны скрылись в темноте. Ну а на том месте осталось черно и много… Ведь фактически расстреливали их, а они ничем не могли ответить. Такое побоище я видел в первый и последний раз.

Приходилось и давить, было дело. Вот, например, когда выполняли особое задание, хотели пересечь дорогу, а тут немецкая колонна. Сначала вроде автомобили, а потом и какая-то артиллерийская часть попалась. Понятно, что мы не могли упустить такую возможность. Пошли их тут по дороге молотить гусеницами. Хорошо по ним прошлись. Кого бортиком сбрасывали в кювет, кого с машинами сминали.

И повозки вместе с лошадьми давили. Но там в пылу, в этой страсти разве о животных думаешь? Там людей убиваешь, и не жалко, а животных тем более.

А то, что говорят на гусеницы потом страшно смотреть, так это все ерунда. Ведь дальше то по булыжнику, то по земле шли, ничего там не остается, кроме грязи. Тем более подкрылки постоянно оторваны, эта грязь летит, и ты сидишь на крыле с грязным лицом, как негр. Марши-то в основном совершались ночью, поэтому, если позволяла обстановка, командир экипажа сидел на левом крыле и указывал дорогу механику. А зимой ведь броня холодная, одно место мерзнет, поэтому командиру всегда искали что-то подложить. В основном у немцев что-то находили. Особенно хорошо или шубейка, или ватное одеяло. Да еще неизвестно, где тряхнет хорошенько, поэтому иногда привязывался к скобе, чтобы не свалиться под гусеницы.

В воспоминаниях кого-то из своих коллег-танкистов прочитал, что ему пришлось идти в атаку через свою пехоту. У меня таких случаев, слава богу, не было. Однажды только пулемет танкодесантников потеряли. Мы их частенько возили. Бывало, что и по 20–30 человек сразу, там и танка не видно. И где-то на марше так тряхнуло, что «максим» упал под гусеницы. А

когда мы их доставили куда положено, ко мне со слезами на глазах подходит сержант: «Товарищ командир, что мне делать? Меня же за утерю пулемета под трибунал отдадут!» И я написал ему расписку «тогда-то при выполнении задания случилось так». В общем, написал ему всякую всячину и спрашиваю: «А кто твой командир?» – «Командира нашего пулеметного взвода уже неделю как убило». Но привел своего командира роты, и я ему все объяснил: «Его вины в этом нет!»

Просто я воевал в таких частях, где нам очень мало приходилось сопровождать пехоту. Мои бригады считались частями прорыва и должны были идти прорываться, захватывать новые рубежи. А там, где сопровождают пехоту, я не исключаю, что такое могло быть.

Вот когда мы только вошли в Германию, то примерно неделю расширяли плацдарм за Одером. Вот тут нам пришлось действовать в составе штурмовых групп: пехота, саперы, танки. Потому как самый маленький городишко, деревню немцы превратили в опорные пункты. А когда на пятки им наступаешь, артиллерия не всегда поспевала обработать, тут уж мы решали проблемы и взаимодействовали с пехотой. Но я всегда вспоминаю строчки из стихотворения Твардовского:

> Пусть танкист красив собой
> и горяч в работе,
> а ведешь машину в бой —
> поклонись пехоте.

И я этого правила всегда придерживался. Только раз согрешил.

В Карпатах однажды сложилась такая обстановка, что на дороге не разъехаться. Нам надо срочно догонять свою колонну, а впереди оказались две установки СУ-76. И одна из машин стояла на этой узкой дороге чуть под углом и ее ну никак не объехать. И я дал команду механику – «разверни его!» Они же маленькие, со слабенькой броней, а сзади сверху вообще только брезент. Он его сразу развернул и передком придвинул к горе. Я оглянулся, экипаж выскочил, кулаки нам показывают… Недостойно я, конечно, повел себя, но другого выхода не было.

«Рабочая лошадка»

В Т-34 мне все нравилось. Я служил в танковых войсках до 1982 года, и за это время сменилось восемь моделей среднего танка. Каждая последующая, конечно, лучше предыдущей, но все-таки больше всего мне на душу легла «тридцатьчетверка». Во-первых, первая моя машина, во-вторых, воевать на ней пришлось, много чего пережить, понятно, она мне стала по-настоящему родной. Конечно, было что на ней совершенствовать, но многое зависит и от экипажа. Если следуешь всем инструкциям и должным образом ухаживаешь, если вовремя все смазываешь, подтягиваешь, то и машина тебе отвечает взаимностью. Но случалось, конечно, всякое.

Например, на моей первой машине был заводской дефект с правыми бортовыми передачами. Видимо, на правом ведущем катке центровку не совсем отладили, поэтому у нас шпонка летит, потом гайка отворачивается, за ней вторая, третья, и так постоянно. Поэтому, как только остановка, сразу начинаем заниматься правой бортовой передачей. У всех членов экипажа эти шпонки и гайки в карманах. Кто успевает раньше, тот с молотком выскакивает туда и подкручивает. В общем, эта бортовая передача постоянно держала нас в бодрости, и мы очень «полюбили» этот танк. Но как ни странно он прожил у меня по времени дольше всех. Был самый везучий…

Потом мне попался танк с неисправной пушкой. Бывало и такое. А по остальным вещам, я не технарь.

Знаю, что были случаи, когда обрывалась тяга. Но если хороший зампотех роты, то он и все танки индивидуально знает. На остановке сразу пробегает и напоминает механикам, что нужно подтянуть и сделать.

Однажды, будучи ротным в конце войны, смотрю, мой зампотех идет с тяжелым мешком за плечами. Спрашиваю: «Шалва, – он абхазец был, – чего ты там тащишь-то? Трофеи?»

«Какие трофеи?! Посмотри!» Раскрыл, а там генератор. Оказывается, в одном танке уже несколько раз отказывал генератор: «И если опять откажет, мы его раз, и сами поменяем. И не надо никуда на СПАМ машину гонять».

Знаю, что случались проблемы со стартером. Но не потому что он сам отказывал, а из-за крепления. Оно было не совсем удачное, в результате он чуть-чуть смещался и машина не заводилась. Помню несколько таких эпизодов. Но в этом случае тоже был отработан запасной вариант. Заряжающий выскакивает с ломиком, мехвод кричит: «Нажимаю!» – а этот ломиком заводит.

Но то попадет, а то и нет. То один опоздал, то другой. И, кстати, мне ведь тоже удалось внести свое рацпредложение в улучшение легендарного танка.

Этот эпизод случился еще в январе 44-го. Мы тогда стремительно наступали на Украине, как вдруг неожиданно последовал приказ перейти к обороне с необычной задачей. Выйти в район городка Глуховцы, занять оборону вдоль железной дороги и при появлении немецкого бронепоезда уничтожить его.

После обеда сосредоточились в назначенном месте. Выбрали позиции для каждого танка, установили ориентиры, сектора обстрела и сигналы для открытия огня. Все было продумано и просчитано до мельчайших подробностей. Оставалось только в течение ночи отрыть танковые окопы и встретить врага огнем. Начали копать, но это же зима, в общем, к утру никак не успевали закопаться как положено.

А ночью вдруг прибыли офицер штаба бригады с охраной и двое гражданских. Оказалось, что они представители конструкторского бюро Ковровского оружейного завода, выпускающего танковые пулеметы. Я обрадовался, ведь Ковров от моего родного села находится всего в 40 километрах. И оказалось, что моих земляков интересовали все замечания по эксплуатации пулеметов. Мне сразу же вспомнились неудобства в чистке и смазке пулемета, спаренного с пушкой. Но я не только пожаловался, но и предложил им ствол пулемета, оставить неподвижным, а подвижной сделать казенную часть, снимаемую для обслуживания. Специалисты ответили, что подумают над этим предложением, на том и расстались.

И уже в апреле, когда бригада получила очередную партию новых танков, в башне с 85-мм пушкой стоял спаренный пулемет новой модификации. Уж не знаю, мое ли тут слово сказалось или нет, но такой эпизод был.

А бронепоезд мы так и не увидели. Целый день прождали, готовы были встретить, как полагается, но он так и не появился.

С установкой 85-мм пушки танк стал однозначно лучше, и разговору нет. Тут машина фактически уже на равных с немецкими. Вот только оптика у немцев значительно лучше, а это значит, большое преимущество в стрельбе. И второе в чем они выигрывали – подготовка танкистов. У них она была значительно лучше. Длительная, тщательная. Даже в войну они младших специалистов готовили по году. А у нас только механиков-водителей готовили полгода, а остальных за четыре месяца. Да еще, учтите, какая общая грамотность у них и у нас. И какая у них техническая грамотность, а у нас в основном от сохи все.

В воспоминаниях бывших танкистов мне не раз попадались

описания таких эпизодов, когда, чтобы в бой не идти, некоторые деятели специально машины ломали. У нас я такого не помню, но довелось увидеть разные картиночки…

Однажды всех построили и зачитывают приказ – что бронетранспортер, на котором перевозилось знамя бригады, по вине механика-водителя оказался в кювете. К чему это могло привести – ясно. Второй приказ зачитывают – два водителя разморозили двигатели на своих машинах.

Потом подается команда этим трем голубчикам: «Выйти на середину!» На бронетранспортере старшина – солидный мужик в возрасте, а те молодые ребята. Зачитывается приказ – старшину разжаловать. Тут же погоны с него сорвали и бросили. А дальше показательная экзекуция, которой и в кино не увидишь.

Идет старшина – высоченный мужик. Полностью экипирован, даже в каске. За ним два автоматчика несут винтовки Мосина. Вышли с ним на середину. Зачитывается приказ, что все они идут автоматчиками в подчинение вот этого старшины. Тут старшина руку протянул, один из автоматчиков бросает ему в руку винтовку. Старшина ее ловит и тут же с силой швыряет проштрафившемуся. Тот, конечно, ее не поймал, винтовка упала. И с теми точно так же. Ловит и швыряет. Те, конечно, тоже не выдерживают. Строй стоит, тишина гробовая… А с нами в строю недалеко стоял взвод обеспечения штаба батальона, так я видел, как там эти водители прямо вздрагивали при виде этой картины. После этого «Шагом марш!» и увели. Тоже показательный урок, как надо технику любить. Не штрафбат, но, может, и похлеще.

Я лично присутствовал на двух заседаниях военного трибунала, когда офицеров судили за трусость и отправляли в штрафбат. Видимо, нас для острастки приглашали.

Уже в марте 45-го судили командира роты из другого батальона. Причем он у них, видимо, недолго совсем пробыл, потому что почти всех ротных из того батальона я знал. Запомнилось только, что еврей. Деталей не помню, но за то, что в трудную минуту боя он бросил роту и сбежал, ему присудили три месяца штрафбата.

А вскоре после войны он вдруг прибывает к нам. Но побыл всего несколько дней, потому что командир бригады, конечно, не принял его. Как уж там с ним решалось, не знаю, но его сразу куда-то от нас отправили.

А однажды видел своими глазами, как один из офицеров во время атаки вылез из танка и бежал за ним. Но с ним мы в своем кругу разбирались, ротный-то не видел. «Почему ты покинул танк?» – «Ничего я не покидал!» И отрицал до последнего, пока мы не пригрозили, что сейчас письменно доложим по команде «и

ты знаешь, где окажешься…». Только тогда он расплакался, убедительно просил нас: «Не докладывайте! Я сам не знаю, как получилось.» И мы ему так сказали: «Ну, добро! Но если еще раз такое повторится.» Но больше такое не повторялось. Ну, вот как это считать? Может, он по состоянию психического здоровья не может собой управлять, бывает же такое.

А бывали, например, случаи, когда людей от нас списывали в пехоту. Понимаете, в пехоте он нормально может воевать, а в закрытой машине с собой не справляется. Трусость – понятие емкое. Помню такие моменты, что и механиков-водителей списывали, и наводчиков. Я, например, одного заряжающего своей властью вынужден был отправить из экипажа к чертовой матери.

Капуха такая, даже не может запомнить, где какие снаряды лежат. Переставит их местами, поперепутает, сам запутается в них. Ну, что сделать, если бестолковый такой от природы? Написал рапорт, и его перевели в автоматчики.

А при нас в то время находилось пять автоматчиков, спрашиваю их: «Кто пойдет заряжающим?» И один башкир вызвался. Маленький, худенький парнишка, но очень шустрый. Я ему все показал, рассказал, так это же чудо какой заряжающий получился. Потом концовка такая.

Когда война кончилась, он уже стал наводчиком и стрелял просто отлично. Выступал и на первенстве округа, и на первенстве сухопутных войск. Потом я его назначил командиром экипажа. А когда у него срок службы подошел к концу, уговорил остаться на сверхсрочную. Так он 30 лет на сверхсрочной прослужил. Отрастил себе солидную бороду. Постоянно ко мне приходил поговорить с бутылочкой. Знал, что я особо не увлекаюсь, но сам был любитель. Но потом его жена умерла, и он уехал на родину.

Победа

Многие ветераны признаются, что в самом конце войны стало труднее воевать. Понятное дело, никому же неохота погибать перед самой Победой. Но лично я не расслаблялся до самого последнего дня войны. В Дрездене 8 мая, знаем, что Берлин уже пал, но я не расслаблялся – до последнего воевать! Ведь немцы, и стар и млад сражались, и чтобы массово сдавались в плен, ничего подобного. Так что с ними нужно было быть начеку.

Конечно, иногда мыслишка проскакивала – приближается конец войны, но внутренне расслабляться я себе категорически не позволял. Шел до последнего и всячески отгонял от себя мысли, что останусь в живых. Тем более я по жизни не фантазер. А некоторые начинали мечтать о мирной жизни, а потом смотришь, он то ли ранен, то ли погиб. Помню, один начал так мечтать, как он заживет на гражданке: «Вот я после войны…» – и вскоре погиб… А я об этом даже думать не смел. Вот когда объявили, тут уже все ясно. Так что оставались живыми те, кто чувствовал, что война продолжается, и не расслаблялись. Человеческий настрой, моральный фактор, это же очень важно. Ну и мы, конечно, совсем молодые были. Когда война закончилась, мне еще двадцати не исполнилось, пацан же совсем еще. Понятно, что по сравнению со старшими у нас большое превосходство. Нас особо ничего не тяготило. Недаром есть такая аксиома – войны выигрывает молодежь. Поэтому сейчас и идет разговор о потребительском воспитании молодого поколения. Кто в случае чего в бой пойдет?!

Вначале мы наступали на Берлин, но потом наш корпус перебросили на юг Германии. Брали Дрезден. Там Эльба широкая, и сутки-полтора мы ждали, пока нам переправу соорудят. По понтонному мосту перешли реку и втянулись в уличные бои. С день, наверное, участвовали в них. Прочесали на окраине богатые виллы и садоводческие дачи. Без боя овладели городком Розенталь и к вечеру вышли на противоположную окраину. И думаем, ну вроде все. Некуда уже вроде…

А 8-го числа к вечерку нас из пригородных дачных поселков вывели в какую-то рощу, и последовало распоряжение: «Срочно пополнить боезапас и горючее! Для вас есть сложная ответственная задача.» И через два часа уточнили: «Вам предстоит форсированный марш на Прагу. Тылы, штабы, все остаются на месте, а вперед только танки». И на каждом по 10–15 автоматчиков.

Из нашего корпуса в рейде на Прагу участвовали: три танковые бригады, мотоциклетный батальон, еще каких-то машин

набрали, чтобы посадить в них пехотинцев из мотострелковой бригады. Артиллеристы пошли, дивизион «Катюш», тяжелый танковый полк, приданный корпусу. Два самоходных полка: один – Су-76, и один – Су-85, и, конечно, связисты.

Ну и все, с наступлением темноты тронулись. Дорога прекрасная, и час мы шли на предельной скорости. А потом пошли горы, и уже появились сложности. Крутые повороты, соответственно скорость сбросили. Но шли лихо, с ветерком. Нас никто не обгонял, это я точно помню.

Вот те, кто шел на Прагу с 4-го Украинского, там бои были. А на нашем маршруте никаких стычек не было. Но нашему корпусу тоже засчитали, что мы участвовали в боях по 11 мая. Сидели в люках открыто, мехводы за рычагами, остальные дремлют, добирают… И под утро мы увидели, что впереди командир танка шлемофон снял, улыбается, и появилась догадка – наверное, это уже конец. Ну и я, конечно, стал махать, и позади меня.

Тут объявили привал, замполит бегает: «Сейчас митинг будет!» А какой там митинг? Ребята обнимаются, целуются, кто плачет. Молодые в основном смеялись, а те, кто постарше, у кого семьи, дети, те плакали. Из личного оружия все патроны расстреляли начисто. Но все время следовала команда «Из танков не стрелять!»

И главное, как будто с плеч что-то свалилось, и так легко на душе стало. Мне даже показалось, что я сам как будто легче стал. Но митинг все-таки прошел. Тут же прямо у дороги его и устроили. И почему-то мне доверили на нем выступить. Что говорил, уже не вспомню, но в концовке сказал примерно так: «.Давайте вспомним наших боевых товарищей, которые не дошли до этого дня.»

Но задачу ведь никто не отменял, и после митинга двинулись дальше. Нам обозначили наш конечный пункт – городишко Мельник в 30 километрах от Праги, и к обеду мы уже вышли в этот район.

Помню, как проходили через населенные пункты. Тут уже население вышло к дорогам, махали, кричали. Мне запомнилось, что все кричали: «Наздар!» На небольших остановках население выносило все, что у них есть. И выпить и закусить, и цветы, и объятия… А детишки сразу просились залезть на танк. Кто-то из местных фотографировал.

Офицеры 2-й роты: А. Виноградов, А. Григорьев, Н. Борисов, Ш. Кокая, Д. Малов, А. Тараскин, К. Трушин, Н. Сидоренко, Германия, май 1945 г.

Там мы простояли где-то неделю. Основная задача – патрулирование, и кроме того охраняли склад с боеприпасами и вооружением. Каких-либо инцидентов не было, только задержали несколько переодетых немецких солдат. А веселье продолжалось. Где-то доставали спиртное и выпивали. Некоторые хорошо выпивали. Но, как положено, Победу отметили, только когда вернулись в Германию.

Бригада расположилась на территории спортивного лагеря возле городка Дипольдесвальде. Вот там в 20-х числах мая все честь по чести устроили.

На всю бригаду столы буквой «П» поставили, накрыли. И мне запомнилось, что когда слово взял начальник политотдела бригады Сверчков, то он объявил цифру: «…бригада закончила войну в составе 341 человека». А со мной там случился казус.

Я то совсем никакого спиртного не пил, а на столах только спирт. И меня уговорили хотя бы глоточек сделать. Ну, ладно, думаю, все-таки такой повод. А меня ребята научили: «Ты немного выпей, потом водичкой запей, и сразу выдох». Но у меня ничего не получилось. Вроде подготовил воду, но когда выпил спирта, то ее не обнаружил. Рукой обозначаю, что мне надо, и мне в руку сунули стакан. Глоток сделал, а там, оказывается, тоже спирт. Ну, тут все и пошло наружу, и кое кого из ребят я

обдал. Кто-то ругался, кто-то смеялся, но простили. Только сказали: «Неумеха! Зря спирт попортили.» Вот так вот отметили праздник.

Про выпивку

Почти у всех ветеранов есть фронтовые истории, связанные с выпивкой. У кого смешные, но чаще всего грустные. Все признают, что в Польше и Германии было очень много случаев отравлений техническим спиртом. В том числе и у меня один подчиненный ослеп.

Еще когда я был взводным, взяли мы небольшой город почти на самой границе с Германией. И мне поставили задачу – занять оборону в районе железнодорожной станции.

Я пошел первым, за мной еще два танка. Когда вышли к вокзалу, ставлю одному задачу – занять позицию справа от станции! Второму – слева! А сам занял позицию около станции, но предупредил их: «После подойду к вам, и определим сектора обстрелов». Но не успел еще разобраться у себя, как прибегает заряжающий экипажа, того, что справа. С большущими глазами: «Товарищ лейтенант, у нас командир ослеп!» – «Как ослеп?» – «Вот так! Глаза белые, стоит, держится за крыло и говорит, что ничего не видит». Побежали вместе туда.

Младший лейтенант Алексей Мелихов (февраль 1945 г.)

Прибегаем, смотрю, действительно… Младший лейтенант Алексей Мелихов стоит, в глазах все бело, но я сразу понял: «Что хватанул?» – «Да, какое-то спиртное.» – «Да когда ж ты успел?! Танк же еще даже позицию не занял!» Рассказывает, что заглянул в какой-то домишко и в коридоре там увидел бутылку. Открыл, запах почувствовал и сделал всего несколько глотков. Ну чего, ругать бесполезно. Вот служба его и закончилась, хотя он у нас совсем недолго пробыл.

Назначил командиром наводчика, но ясно же, что лейтенанта надо немедленно вывозить в госпиталь. Пошел к своему танку, только собрался идти к следующему, как оттуда прибегает один с такими же глазами: «Танк утонул!» Я даже не понял вначале: «Как утонул?!» Ведь кругом никаких озер не видно.

Оказывается, там находился бассейн, по всей видимости, противопожарный. Причем он оказался без всякого ограждения. Ведь командир экипажа шел впереди, а танк за ним. Но если бы он при глазах и разуме был, разве нельзя определить, что ты идешь не по земле, а по льду? А он только прошел, и танк за ним сразу бум… Глыбой льда командира бьет сзади и сразу насмерть. Вода хлынула, и механик с радистом не успели выбраться, в общем, в живых остался только заряжающий, который сидел на башне. Когда мы подошли, вода доходила до середины башни. Тут же выкопали могилу и ребят похоронили.

Пошел с докладом к ротному: «Надо вывозить его!» Он назначил своего командира на этот танк: «Вывози и немедленно возвращайся обратно!»

Но чем закончилась история с Мелиховым, так и не знаю. Больше мы не встречались. Зато встречал другого. Незадолго до этого произошел такой эпизод.

В ходе боев в населенном пункте вроде как Першидруга шли по дамбе. Километра три по ней промчались, справа-слева стояли дома, но на той окраине немцы нас встретили с огоньком, и пришлось отходить. Уходили на большой скорости, в это время слышали какой-то взрыв, но не обратили внимание. А оказывается, немцы нас запустили, мост взорвали, и мы оказались в ловушке. Ночью же дело было. И первый танк из другого взвода с ходу загремел туда и перевернулся. Всех придавило снарядами, и мы их вытаскивали, отправили в госпиталь.

И уже в Наро-Фоминске где-то в 47-м году, как-то вечером, только заступил дежурным по полку, вижу с дежурным сержантом идет человек в гражданском. Несколько припадая на протез, и все ближе и ближе. И еще на расстоянии я его узнал. Командир того самого экипажа, который мы тогда вытаскивали. И он меня узнал… Оказывается, живет в Курске и решил навестить родную часть. Вот такая встреча.

Но раз уж я затронул тему выпивки, то что бы хотел особо отметить. Сейчас слишком много разговоров про эти «наркомовские» сто граммов, мол, приучали наш народ к пьянству. Но совсем недавно я специально изучал эту тему, поэтому хочу внести ясность.

Оказывается, в течение войны было издано восемь

постановлений по поводу выдачи нормы спиртного на фронте. Впервые Комитет обороны издал приказ про эти «сто граммов» еще в октябре 41-го. Но сразу был определен срок, когда выдавали спиртное – с октября по 1 мая. А уже в конце 43-го был подписан приказ, что выдавать их непосредственно перед выполнением боевой задачи и только тем, кто непосредственно задействован. А к концу войны этот круг еще более сузили и водку почти не выдавали. Скажу за себя. За все время на фронте я помню лишь считаное количество раз, когда нам выдавали водку. А сейчас некоторые деятели утверждают, что многие стали пьяницами именно на фронте, потому что там каждый день выдавали. Да черта лысого! Лично я получал максимум десять раз. Все остальное – трофеи. Но я не пил и всегда отдавал экипажу. Был момент, когда нас оказалось двое непьющих, значит, остальные двойную норму получают.

Сержант Гаврилюк, наводчик орудия Т-34-85. Январь – март 1945 г.

В конце войны механиком у меня был Сомов Паша, сравнительно молодой, и он совсем немножко выпивал. А вот наводчик Гаврилюк был стреляный мужичок. Бывший председатель колхоза из Сибири. Так вот когда только объявляли, что сегодня выдадут водку, то он от возбуждения прямо из танка выскакивал и не знал, куда себя деть. Сразу начинал ладоши тереть. Я его спрашиваю: «Ваня, ну чего ты все время трешь?» –

«Чего-то руки мерзнут…» – «Ничего, сейчас заряжающий принесет и прогреетесь».

Но я понимал, для него это событие, а для меня нет. Я и сейчас только по праздникам позволяю себе по 40–50 граммов водки. А пива вообще в жизни не пил.

К сожалению, сейчас стало модным выставлять ситуацию так, мол, в Красной Армии было поголовное пьянство.

Но на самом деле дисциплина была на очень высоком уровне, так что в бой пьяным у нас никто не ходил. Нет, не исключено, конечно, но лично я такого почти не видел. Лишь один эпизод сейчас вспоминается, но там и не в бою это случилось. Дело было так.

К Катовице мы подошли, действуя в передовом отряде. Уже видели город и по всему должны были первыми в него ворваться. Но на пути к нему проходила насыпь, а виадук оказался завален подобием баррикады. Стояла там какая-то пушчонка или нет, не помню уже. Во всяком случае, с ходу атаковать мы не решились. Потому что незадолго до этого вот так же наскочили на зенитную батарею, и она нам один танк подожгла. Но мы сразу дали заднюю и больше никого не потеряли.

Решили разобраться, кто пойдет первым, и вообще, как поступить. Ведь дело шло к вечеру, а ворвемся, уже и ночь наступит. А что такое ночью, почти без автоматчиков в городе… Причем даже карты не имели. На ощупь шли. Как говорят на войне – «на шорох». И пока разговор вели, вдруг слышим гул. Вроде немцы не стреляют, то есть сравнительно тихо, но гул человеческий. Кто-то глянул, а справа вдоль окраины этого города к нам движется агромаднейшая, но даже не толпа, а масса народа. Туда-сюда, обсуждаем и невольно посматриваем в ту сторону. И когда они совсем близко подошли, вот тут я впервые увидел людей из концлагеря. Одеты кто во что: кто в полосатом, кто полураздетые, кто в чем. И мужчины, и женщины, и подростки, и каких только там национальностей нет. Танки наши окружили. Кто броню целует, кто плачет, кто на нас накидывается от радости. Это длилось сколько-то времени, но все не заканчивается.

Ротный спрашивает: «Что будем делать?» А чего тут думать, ясно, надо их в тыл направить. Тогда Сергей Васильевич встал на танк: «Поздравляем вас с освобождением и встречей с воинами Красной армии!» Он любитель был поговорить. И уже в конце говорит: «Идите в этом направлении, там вас встретят! Там войны нет, давайте туда!» Но не тут-то было. Все это в шуме-гаме, его голоса и так не слышно, а тут еще кто понимает, кто не понимает. В общем, он уже и ругаться начал. Говорю ему: «Чего ругаться-то?

Давайте бабахнем из пушки, они все упадут, и после этого вы дадите им команду, куда идти».

Дали команду наводчику, тот поднял пушку вверх, как бабахнул, вся толпа сразу попадала… Потом головы поднимают, встают, и начинается та же песня. Кто между собой обнимаются, на танки лезут, но тут они все-таки услышали команду: «Идите туда! А нам боевую задачу надо выполнять». Наконец пошли, но их же несколько тысяч, и все идут, идут, идут, и нам все машут и машут. Кто руками, кто флажками каких-то государств.

А несколько наших, троих точно помню, стоят и не уходят:

– Товарищ командир, возьмите нас с собой, мы хотим воевать!

Причем говорят:

– Как в город войдем, мы оружие сами добудем!

А один храбрится:

– Я с морской пехоты!

– Садитесь!

В общем, Семенов пошел первым на этот виадук. Мы по нему пару залпов маханули, все там поперемешали, и он с ходу все нагромождения пробил. Влетели в город, захватили два квартала и встали в круговую оборону. По радио пытаемся доложить: «Срочно пришлите подкрепление, у нас всего семь танков!» И вот тут мой Сергей Васильевич на радостях уже перебрал. Чувствую, не те команды уже подает. Пришлось его в танк уложить и за него приказы отдавать.

В итоге ничего мы так и не связались, но часа через три неожиданно пехота появилась. Причем во главе с генералом – командиром дивизии. А ротного уже привели в порядок. И холодной водой отмачивали, и уши терли… В общем, когда он с генералом разговаривал, я присутствовал. Генерал говорит: «Ну, будем считать, что мы ворвались первыми!» А Сергей Васильевич возражает: «Кто мыто?! А мы кто такие?!» – «Ну и вы тоже!» И потом я слышал, что начальство этот момент уточняло, кому отдать пальму первенства. Не знаю, правда, как договорились, но за взятие Катовиц у нас двух человек, ротного и одного взводного – Петра Семенова, представили на Героя. Правда, звание получил только Сергей Васильевич, а Семенову вручили орден Ленина[12].

О наградах

В последнее время все чаще и чаще слышу, что настоящих окопников в наградном вопросе зачастую прижимали. Зато штабисты наград себе, якобы не жалея, навыписывали.

Ну, как там в штабах, не знаю. Я там не был. Зато знаю, что в нашей бригаде было 8 Героев, а в корпусе – 32. Совсем немало! Но этот вопрос, конечно, сложный, субъективный. Если же брать в целом, то считаю, что награждали справедливо. Но это если брать то, что я лично видел и знаю. Такого, чтобы кого-то зря наградили, я не видел. Знаю только обратные случаи, когда людей могли бы наградить и побольше.

Вот, допустим, в декабре 44-го к нам комбатом пришел бывший начальник разведки, а это одна из самых значимых фигур в бригаде. Причем он воевал в бригаде с самого ее формирования, а закончил войну с четырьмя орденами. Так что сказать, что ему, штабнику, манна небесная валилась, не могу. А он же ни днем ни ночью покоя не знал. Постоянно в заботах, заданиях. Это ведь не химик, у которого своего фактически ничего нет. Ни подчиненных, ни обязанностей. Только если настанет момент, тут он противогазы раздаст, кого надо проинструктирует.

А если говорить про моих товарищей. Например, один из взводных, мой друг Костя Болтромюк, с которым мы воевали примерно одно время, так у него четыре ордена за войну. У меня три. А был еще один парень, так он вообще с одним орденом Красной Звезды окончил. Несправедливо? Но кто-то ведь ходит на обычные задания, а кого-то отправляют на особые. Ну, если не дано от природы, не такой смышленый, не такой расторопный, то ему и особых заданий не давали, потому что не надеялись, что выполнит. А кто может – тому и награды. Ну, а так в целом все офицеры у нас закончили войну с наградами. Вот, кстати, вспомнился смешной случай.

Николай Борисов и Константин Болтромюк. 1945 г.

К Катовицам, как я уже писал, мы выскочили первыми. Впереди нас никого нет, только немцы. В трех километрах большой город, и как в него войти, трудно сказать. Тут прилетел один шальной снаряд, и одному из командиров экипажей осколок в висок, и все… Кто-то предложил посадить на этот танк старшину, но действовал железный принцип – танк в бой без офицера не идет! Начальство ломает голову, кто-то же должен идти в бой. А первые кандидатуры кто? Замкомбата по строевой, начштаба и замполит. Тут вдруг замполит – майор Ильин предлагает: «Давайте попросим Тараскина!» А у нас в каждой роте помимо зампотеха был еще и танковый техник. Ему и говорят: «Ну, раз это твое предложение, иди и проси! А приказать ему я не могу, это не его обязанность». Замполит с ним поговорил, и Тараскин согласился. Пошли в атаку, в город ворвались успешно, задачу выполнили.

А вскоре после Победы как-то ребята веселились, гужевались, но я, поскольку не выпивал, в этих операциях не участвовал. Я больше по спорту мастер. Но на этом веселье, когда они хорошо уже выпили, один из командиров вдруг спрашивает:

– Тараскин, ты ведь уже в возрасте мужик, почему у тебя наград нет? У тебя ведь даже гвардейского значка нет!

– Ну, так получилось…

А он к нам прибыл где-то в феврале 45-го, и пусть у нас недолго провоевал, но где-то ведь тоже воевал. И дальше

напирают на него:

– А как же ты приедешь домой? Что сыновьям скажешь? – Мы знали, что у него дома два сына-подростка. – Что на войне был? У тебя же ни шиша нет! Гвардейский знак, ладно, мы тебе достанем. Сейчас же и обмоем. А вот насчет наград вопрос сложный.

И тут вдруг кто-то вспомнил:

– Слушай, Тараскин, а ты ведь, по-моему, как-то в атаку с нами ходил!

– Да, ходил.

– И как это было?

И тут он начинает рассказывать, как его уговаривал майор Ильин:

– Товарищ Тараскин, у нас вот такая ситуация. Вы не могли бы заменить командира экипажа? Как вы на это дело смотрите? Там и стрелять-то необязательно, стрелять будет наводчик.

Ну, понятно, тот по простоте душевной и согласился.

– А что еще говорил?

– Товарищ Тараскин, помоги, пожалуйста, и Родина тебя не забудет!

И ребята, как это услыхали, сразу на дыбы:

– Все, пошли к замполиту! Пусть представляет к награде, раз он в атаку ходил.

А майор Ильин жив, здоров и по-прежнему замполит нашего батальона.

Компания принимает решение единогласно, но Тараскин сопротивляется: «Никуда я не пойду!» Тогда по стакану еще врезали, тут уже и Тараскин веселый, два активиста подхватили его под руки и потащили к Ильину. А мы жили тогда на турбазе какой-то, и у замполита была отдельная комнатка в щитовом домике. Где-то в предбаннике ординарец попытался их остановить: «Замполит занят! К занятиям готовится!»

– Вот мы сейчас зайдем, а потом пусть себе дальше готовится!

Один открывает дверь, другой заталкивает туда Тараскина и дверь закрыли. Ждут… Слышен разговор. А замполит видит, что Тараскин пьяный, начал его успокаивать: «Вы отдохните, приведите себя в порядок, а потом приходите, и мы с вами поговорим!» Вдруг ни с того ни с сего выстрел из пистолета. Конечно, ребята сразу протрезвели, дверь открывают и увидели только заднее место замполита, когда он махнул в окно. Выбил раму со стеклом и убежал. Тараскин с пистолетом в руках стоит, а в потолке дырка. Значит, не в замполита стрелял. Уже легче, но относительно. Ведь сейчас же он куда-то пошел, может и доложить, наверное, что Тараскин хотел его убить. И тогда мы все

тут сядем с ним. Тараскину, конечно, по морде дали. Он кричит: «За что?!»

Приходят как убитые и никому ничего не говорят. И трезвые… Попытались ребята с ними пошутить, а они молча легли. Конечно, настроения нет, переживают.

День проходит, замполита нет. Тут всякие нехорошие мысли им в голову лезут, Тараскина проклинают:

– Какого черта ты стрелял? Тебе морду сейчас или попозже набить?

Тараскин извиняется:

– Замполит спрашивает – чего пришел? А я и сам не помню.

Вечер пришел, поужинали, а замполита все нет. Легли уже спать, но сон их не берет.

А утром дневальный объявляет:

– В 9.00 состоится общее построение. Приедет командир бригады и прочее начальство, так что всем привести себя в порядок!

Но ребята даже на завтрак не пошли, переживают:

– Все, кончилась для нас служба.

А когда позавтракали, пришел секретарь парторганизации батальона лейтенант Истомин:

– Ребята, давайте хорошенько приготовьтесь, приедут комбриг с начальником политотдела, будут награды вручать!

И, только услышав про награды, эти ребята сразу оживились. И точно. На построении человекам пяти вручили награды. В том числе и Тараскину орден Красной Звезды[13]. И вот после этого они все нам рассказали, а Тараскина подкалывали: «Ну все, теперь нас каждый день угощать будешь!»

Тут, конечно, нужно понимать вот что: на фронте мы о наградах и не думали. Ни о своих, ни тем более о чужих. Да и не знали мы, у кого какие награды. Это уже когда война кончилась, когда их надели, вот тогда все и увидели. И вопросы когда стали появляться? Это уже когда в 70-х и 80-х годах собирались на встречах ветеранов корпуса. Когда посидим за столом, выпьем, вот тогда уже кто-то и позволял себе высказаться.

Например, наш последний комбат Писаренко был обижен на комбрига. Он прошел всю войну и имел шесть орденов – прилично. Но иногда он упоминал, что случались моменты, когда в наградах его прижимали. Мы его успокаивали: «Иван Петрович, ну вам мало, что ли? Посмотрите, у кого еще шесть орденов есть? Раз-два и обчелся…» А он рассказывал, что его и на Героя представляли. Ну, не знаю. Он был словоохотливый мужик, и в запале мог немного взбрехнуть, мы пару раз ловили его на этом. Но тем не менее он действительно был очень храбрым и смелым,

так что вполне допускаю такое.

Или еще пример. Уже после войны я служил с Горным Давидом Иосифовичем, который всю войну прошел в одной бригаде. С момента ее формирования в июне 42-го и до самой Победы он служил в роте технического обеспечения специалистом по электрооборудованию. Хороший технарь, с обязанностями справлялся, но должность-то не самая заметная, и за войну он имел две награды: орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Но вот когда мы собирались иногда и когда уже выпили, тормоза у него тоже отпускались, и он постоянно говорил: «Я до сих пор проклинаю этого пропагандиста майора Суворова. Сколько раз меня подполковник Филиппов, замполит бригады, представлял. Но как до Суворова доходит, он говорит: «Надо награждать боевых людей, тех, кто в атаки ходит! А этих через одного! И я все попадался через одного…» Но все эти претензии по поводу наград я бы всерьез не рассматривал.

Недавно я узнал, что энтузиасты военной истории создали список самых результативных танкистов Красной армии. Так те, у кого на счету 10 танков и более, почти все Герои. Но никакой обиды у меня нет, мне наград хватает. И так мы в почете. Но конечно, если взвесить все, то, наверное, меня могли бы наградить и больше. Потому что вывезти штаб бригады со знаменем из окружения – это чего-то да заслуживало. Но я не приучен заниматься такими вещами. Начальству виднее. Ну чего обо мне говорить, если даже такие, как Василий Брюхов, оказались не отмечены. Его книга мне понравилась, тут как говорится, добавить нечего. Я с Василием Павловичем неплохо знаком. В 1980 году он приехал к нам в дивизию с инспекцией. А с нашим командиром он служил вместе на Дальнем Востоке. Зовет меня: «Николай Николаевич, зайди!»

Захожу, за столом сидит генерал-лейтенант. Представился, познакомились. Расспросил, где был, когда. Спрашивает:

– А чего в Академии не учился?

– Да один раз попытался, но завалил физику и плюнул на это дело…

– Зря, – говорит. Пошутили, посмеялись, накоротке поговорили.

Спрашивает моего командира:

– Ну как он?

– Побольше бы таких офицеров. Но собирается уходить. – Мне ведь уже под 60 шло.

– Нас остались единицы, так что, если здоровье позволяет, послужи еще!

А ближе к вечеру меня вызвали в дом офицеров: «Брюхов

сказал, чтобы был». Там на фуршете более подробно поговорили. Таких танкистов, конечно, мало было. Лихой, смелый, недаром звание Героя в 95-м ему присвоили. Хоть и поздновато, но все-таки.

Понравилось еще интервью с Ионой Дегеном. Его рассказ мне показался достоверным. В некоторых моментах такие детали вспоминает, что и я такого уже не помню. Оцениваю его как настоящего, достойного танкиста. Подготовленный, знающий танковое дело. Для танкиста срок пребывания на фронте – приличный. Считаю, что свой долг перед Родиной он исполнил сполна, и желаю ему доброго здоровья, чтобы он и дальше помогал людям. Знаю, что многих очень резанула антисоветская нотка в его рассказе. Даже где-то обиделись на него, мол, все видит только в черном цвете. Меня эта нотка негатива не напрягала, но полагаю, что здесь он кое-что преувеличил. Будем считать на его совести.

Вот допустим, он очень негативно отзывается о политработниках. Да, когда после войны мы встречались в дружеской компании, то многие отзывались о политработниках нелестно. Но чаще всего, в каком плане? Мол, меня представили к награде, а замполит зарубил: «Этот еще не заслуживает!» Но если про себя лично, то я ничего плохого не скажу. Что трусы, которые непонятно где находятся во время боев – ничего подобного! Если замполит батальона, то он все время рядом с комбатом. Я воевал в пяти разных батальонах, и везде так было. Видел на передовой и начальника политотдела корпуса, и члена военного совета Армии, это ведь тоже о чем-то говорит. А такого, чтобы кто-то из них прятался за нашими спинами или злоупотреблял своей властью, я не помню. Вот, например, в этой истории с Тараскиным наш замполит вполне мог бы на него обидеться, но, к его чести, он никакой обиды не затаил. С Ильиным, кстати, произошел еще такой эпизод.

Где-то в Польше, когда батальону предстояло идти в атаку, он находился в одном танке с комбатом. Но в ходе атаки предстояло сменить направление, а для этого нужно подать сигнал – зеленую ракету. И когда они вышли на этот рубеж, комбат поручил пустить ракету замполиту: «Давай!» Дают ему ракетницу, он открывает люк заряжающего, но не полностью. Бах – ракета попадает в нераскрытую створку, залетает обратно в танк и пошла тут ходуном ходить… Все за головы схватились, пока она не сгорит. А Ильин же чувствует себя виноватым, так он стал кидаться на эту ракету и в конце накрыл ее и здорово обжег себе ладонь. Ходил потом с перемотанной рукой. Ну, история, конечно, сразу стала всем известна, но виду никто не подает,

комбату же станет неприятно. Но, шутя, говорили так: «О, наш замполит в атаку ходил, и ранение получил…» Вот такой эпизод тоже был.

Еще Деген очень нелицеприятно отзывается об особистах. Но смогли бы мы победить без такой жесткой, даже жестокой дисциплины, которую они обеспечивали? Что скрывать, воевали с оглядкой. И лично я прихожу к мнению, что с нашим народом по-другому нельзя. Все-таки мы люди несколько расхлябанные. Не немцы. У немцев если приказали, то он будет выполнять до конца. Пусть это и до глупости иногда доходит. Вот я же, например, рассказывал, как они совершали налеты на Горький. Делали это в одно и то же время. Буквально минуту в минуту. Ну, измени же хоть немного, это же создаст нам трудности, так нет. И все наши начальники поняли, что нужно организоваться и ждать. Вот тут их хваленая немецкая пунктуальность пошла им в минус.

А мы в этом плане совсем другие. Видимо, от природы в нас русских такие качества, вот иногда и получается не совсем. Поэтому не случайно появился этот приказ № 227. И до этого было строго, но тут стало понятно, что решается судьба страны. И я считаю, что руководство страны решило правильно. А иначе, если бы мы через Волгу драпанули, неизвестно, что дальше. Так что нас надо в строгости держать. Одно плохо – нет золотой середины. Или гайки слишком закручивают, но если чуть отпустить, сразу расхлябанность.

Пример. Воюем, ходим в атаки, все четко. Только вывели на переформировку и чуть свободное время, сразу недисциплинированность появляется. Хотя распорядок есть, но он не выполняется. Все надо кругом перевернуть, но непременно найти спиртное.

Самый главный вопрос

Когда возникают разговоры о войне, то самые большие споры непременно вызывает вопрос наших потерь в войне. Что мы могли победить и с меньшими потерями, но людей у нас не берегли. Конечно, потери мы понесли огромные. Я спокойно не могу даже цифру эту называть… Но если с обывательской точки зрения судить, это одно дело. А если изучать глубоко ту тяжелейшую обстановку, которая сложилась перед самой войной, в ее начале, то для меня очевидно, что случались такие моменты, когда другого выхода, кроме как за счет жертв остановить немца, не было.

Но ясно, что людей погубили много. И погубили бесшабашно, по-русски, как обычно. Лес рубят, щепки летят. Но ведь можно так рубить, что щепок особенно много не будет. А можно и так, что многонько наберется. Факторов здесь очень много.

Можно, конечно, согласиться, что ошибок наделали предостаточно. Всякой безалаберщины тоже было много. И конечно, все командиры по-разному относились к этому вопросу. По нашей русской бесшабашности, по нашей не чересчур уж сильной осведомленности и пониманию. И только к 44-му году стали задумываться над этим вопросом. Потому что даже наверху почувствовали – много. Надо все-таки беречь людей.

Но я как военный скажу: сохранять людей на войне – это не каждому дано. Это должно быть что-то врожденное у того или иного командира. Одно дело приказать: «Наступаем, ребята! Вперед!» Ясно, к чему такой колхоз приведет. А если по-настоящему, по науке: «Ты здесь, ты здесь, третий там! Пехота здесь, танки здесь, обхват, захват, окружение. А в лоб ни в коем случае – это верная смерть!» Так что, конечно, многое зависело от командиров. Их личного отношения, убеждения и подготовки. Это задача командиров – с самых младших до командующего, и от каждого из них зависело многое. Но когда ты в здравом уме, когда знаешь, кто из подчиненных на что способен, таких ошибок всегда меньше.

Вот когда меня в конце войны назначили командовать ротой, я, например, так это болезненно воспринял. Почему-то считал, что вроде как еще не готов для этой должности. Хотя на фронте ничего так вроде соображаю, побыстрее и получше многих, но есть ребята и постарше меня. Семенов тот же. А я вроде как молод и жизни совсем не знаю. Ну, представьте, я войну закончил мне только двадцать первый год шел. Считай, пацан же совсем, а я уже ротой командовал. И в таких сомнениях я пребывал

примерно месяц. Каждый свой шаг или распоряжение взвешивал постоянно, по многу раз, пока то ли немного притерся, то ли почувствовал себя в своей тарелке. Но до последнего дня на войне мне казалось, что вроде я проскочил рано. Есть же люди, которые и побольше воевали, и побольше знают, чем я. Но эти сомнения подвигали меня на более ответственные решения. Я всегда старался поставить себя на место того человека, которому ставишь задачу.

Но мне очень повезло, что мне попадались отличные командиры, у которых я мог многому научиться. Вот, например, мой первый комбат – капитан Пинский. Это же был особый человек! Он года два или три провоевал в одной должности, столько всяких особых заданий выполнял, недаром в самом конце войны получил Героя. Поэтому, глядя на такого человека, наблюдая его особые качества, стараешься у него уловить что-то хорошее, чему-то научиться.

Но совесть моя чиста. Я и по времени мало командовал, да и обстановка уже как-то попроще, немцы бегут. В общем, бои такие шли, что особых трудностей не возникало, и потерь в моей роте почти не было. Но я всегда помнил – ты командир, и от тебя зависит многое. Постоянно работал над собой.

А того же Жукова сейчас только ленивый не облил грязью. Мол, был излишне жесток и порой людей совсем не жалел. То, что Георгий Константинович рубил сплеча, с ходу, не особо разбираясь, это был, конечно, его существенный недостаток. Ведь по-всякому могла сложиться ситуация. А вдруг часть оказалась на этом участке совсем случайно, а тебя сразу к стенке. Был и нет… Вот, казалось бы, я прожил большую и непростую жизнь, много чего повидал и пережил, но лично у меня ответа на этот вопрос нет. С одной стороны, я считаю, что даже большому командиру можно командовать, оставаясь человеком. А с другой – понимаю, наверное, в некоторых ситуациях только такой, как Жуков, и спасет.

Хотя Рокоссовский вел себя совершенно иначе, значит, можно командовать как-то по-другому. Ну, видно, как уж дано на роду. Тем более, когда такая власть дана, такая гигантская ответственность. Но это смотря у кого какой характер. А с другой стороны, то, как без такого характера Жуков мог бы возражать Сталину?

Про самого Сталина скажу коротко – великий человек был! Но, как и все люди, не без недостатков. И ошибок много наделал. Но я остаюсь при том же мнении – только при его воле и настойчивости мы смогли организоваться, переломить ход войны и победить.

Совсем недавно я был на встрече в гимназии с учениками 2-го класса. Накоротке представился, рассказал, кто такой, потом время вопросов. Все сразу подняли руки, и девочки, и мальчики. А прямо передо мной за партой две девочки, и между ними мальчик. И они держат руки как положено, а он мне прямо в грудь тянет. «Ладно, начнем с вас, молодой человек!» Встает, сделал смиренное, серьезное лицо и спрашивает: «Николай Николаевич, скажите, пожалуйста, а вы встречались с Иосифом Виссарионовичем Сталиным?» Ничего себе, думаю, начало… «Ну, Гриша, ты такой вопросик задал. Но тебе повезло. Пусть издалека, но я видел его несколько раз.

После войны я участвовал в параде и шел в правой колонне, самой ближней к мавзолею. Потому как был командиром роты и возглавлял одну из четырех шеренг. И когда мы подъезжали к мавзолею, я свой командирский прибор повернул направо и увидел на трибуне все наше правительство во главе со Сталиным. Но это какое-то мгновение, и мы поехали дальше.

И еще однажды, то ли в 50-м, то ли в 51-м году меня после парада пригласили на прием в Кремль. Но это сейчас все молодые ходят по залу, а тогда Сталин был только у своего стола, так что видел его лишь издалека».

А во время войны я не слышал, чтобы кто-то плохо о Сталине отзывался! Может, мне просто повезло служить среди таких людей, но подобных вещей я ни разу не слышал. Все это критиканство началось значительно позже. Как сейчас, тогда никто не рассуждал, потому что знали намного меньше. Мы, например, слышали, что репрессировали маршалов Блюхера, Тухачевского, других, но о размахе репрессий даже понятия не имели. Вся эта информация пошла только при Хрущеве.

Не понаслышке знаю, что многие ветераны винят в этих репрессиях не столько Сталина, сколько его ретивых сподвижников: Ежова, Берию. Но и с ними не все так просто. Вот взять меня, например. Я ведь жил не где-то там, в глухой деревне, на окраине страны, а служил под Москвой. Причем в «парадной» дивизии. По два раза в год мы участвовали в парадах на Красной площади, а подготовка к каждому по полтора месяца. Соответственно общался с массой самых разных людей, но никогда ничего плохого про Берию не слышал. Как сейчас в сериалах показывают, что о нем разные нехорошие слухи ходили, это все сейчас сильно преувеличено. Да, мы знали, что особисты в его подчинении, побаивались их и особо не дружили с этими товарищами. Но в моем понимании он был разумный человек, и ничего плохого про него я не слышал. Мне, кстати, довелось участвовать в операции, когда Берию арестовывали.

Как обычно, после обеда мы отправились обслуживать технику, но часов в пять вечера вдруг объявляют боевую тревогу. Получаем личное оружие и бегом к танкам. Что, чего, никто не уточняет. Готовить машины, и точка! Боевая готовность № 1. Загрузились на складах горючим и боеприпасами, и к часу ночи доложили о полной готовности.

Поступает приказ – и на предельной скорости по Киевскому шоссе вся дивизия следует в Москву. Наш полк расположился в районе примерно нынешнего университета. Еще стройка шла. Там овраги кругом, наш полк в них и расположился. Сутки проходят, никто ничего не говорит. И только после трех суток пребывания там последовала команда возвратиться в часть. А дальше ребята рассказывают и все проясняется.

12-й полк прибыл к штабу округа. Другой полк на другой окраине Москвы стоял. Но если мы чувствовали себя вольготно, кормили нас, то эти ребята, которые стояли на улицах, сидели в танках при закрытых люках. Связь только по радио.

Мотострелковый полк из Наро-Фоминска пошел в сторону Калуги, и в Малоярославце им пришлось разоружать дивизию НКВД, которая направлялась в Москву. Эшелоны остановили и все оружие отобрали. А уже дальше нам разъяснили, какую роль мы сыграли в этих событиях…

А до этого то ли еще молод был, то ли задумываться времени не оставалось, но лично я воспринимал эти дела «врачей», «космополитов» как должное. Верил, что все так и есть.

Обсуждали, конечно, потом и доклад Хрущева на XX съезде. Имелись определенные сомнения, так это было или нет. Но я считаю, что это было большой ошибкой, озвучивать все это на весь мир. Опять у нас все получилось как-то по-русски.

Но вначале я как-то поверил Хрущеву. Что чересчур у нас гайки закрутили и нужно их немножко ослабить. Но когда он пару лет порулил, как резанул сокращение армии, маханул сразу полтора миллиона и ребятам не дали дослужить по году до пенсии – вот тут, ясно, пошло недовольство. А когда до нас дошли слухи, что один из наших майоров стал в Курской области свинопасом, тут мы сразу повернули в другую сторону. А с той же кукурузой что вышло? Ну, какая, спрашивается, могла быть кукуруза в Московской области? Мы ведь общались с местными руководителями, и они рассказывали, что посадили ее, а она выросла всего на полметра.

Но однажды, когда уже уволился в 82-м, ребята пригласили меня на полигон по грибы. Набрали, вышли к дороге, смотрю, а кукуруза такая, что и рукой не достать до верхушки. Значит, все-таки можно ее выращивать и в наших условиях? Дело-то хорошее.

Просто не надо спешить, а нужно как следует подготовиться. Но мы все торопимся иногда, и только как окажемся в тупике, лишь тогда начинаем соображать… Это нас преследует.

Но я был и остаюсь убежденным коммунистом. В пионерах, правда, не был, а в комсомол вступил в училище 23 февраля 1943 года. Никто меня туда не тащил, не уговаривал, сам захотел.

И в партию сам решил вступить. 1 января 45-го меня приняли кандидатом, но тут разные события начались и забыли про это дело. А вспомнили только через месяц в Германии и уже там приняли окончательно. У меня и фотокарточка есть, это как раз день, когда меня приняли. Сфотографировали на партбилет, а потом я этого фотографа попросил: «Слушай, сфотографируй меня, хоть родителям пошлю!» И он меня сфотографировал и карточку потом передал.

Тогда приходилось заполнять разного рода анкеты, а в них был такой вопрос: есть ли репрессированные родственники, но я про Поздняковых нигде не упоминал, вроде как дальние родственники.

Другое дело на разные должности нужны допуска, и вот там полагалось писать и про дальних. Но пока я до комбата рос, там уже допуск не требовался. А вот когда меня перевели в штаб, там уже секретность совсем другая, вот там до пятнадцатого колена всех проверяли. Но и время настало уже другое.

А в парадной дивизии эти особнячки нами занимались здорово, постоянно и знали всех как облупленных. Помню, был у нас начальник разведки, боевой такой, награжденный, и вдруг нет его. И тихонько говорят, что он совсем не украинец, а еврей… Раз, и уже нет в полку, а отправили служить на Дальний Восток. И так частенько. Кто чего скрыл, чуть только маленькая червоточина, сразу переводили в другую часть.

Мама, помолись за меня

Когда я выступаю перед молодежью, меня часто спрашивают: благодаря чему вы остались живы? Чего больше: случайность, опыт, судьба, Бог? Все вкупе, наверное, но в основе, считаю, все зависит от человека. Как его воспитали, обучили, как он относится к своему делу, а там, конечно, и удача с везением. Но ведь и везение не на пустом месте возникает. На основе определенного опыта появляется какое-то предвидение, это же тоже не просто так. Но ребятишкам в школе я говорю – повезло мне. Они смеются. Ну, а если говорить серьезно, то в этом есть и моя немалая заслуга.

В бою ведь все зависит от слаженности экипажа, от быстроты исполнения приказа. Там даже секунды, бывало, решали успех боя. Поэтому я очень старался совершенствовать свои навыки. Например, любил стрельбу, тренировался при малейшей возможности и за первые два месяца на фронте здорово насобачился в этом деле. Даже снайпером считался у нас. Вот, кстати, вспомнилось. Один из бывших танкистов в интервью вспоминает, что его наводчик мог с первого выстрела попасть в телеграфный столб за 800 метров. Мне кажется, это брех! Помню такой эпизод.

Где-то на территории Польши у нас на пути оказался небольшой городишко, но мы что-то не смогли с ходу его взять. Может сил не хватало и ждали подкреплений. Ведь заскочить-то в него дело нехитрое, но можно в нем и захлебнуться. И там значит, труба стояла высокая. В километре или чуть дальше. И ради любопытства ротный предложил: «Даю по одному снаряду. Кто попадет в эту трубу?» Так по первому снаряду никто не попал. А со второго попало всего двое, в том числе и я. Не хвалясь скажу, я всегда хорошо стрелял. Я увольнялся из армии в 58 лет и до последнего дня стрелял. Мог показать молодым пример. Пусть знают, что старики, прошедшие войну, тоже чего-то стоят.

А молодым и мастером вождения был. На фронте мехвода спокойно мог заменить. Где-то на марше, где была возможность, сам садился за рычаги и давал ему передохнуть.

Но особенно я тренировал экипаж в посадке и высадке. Беспрерывно, жестко, безбожно, мне даже друзья иногда говорили: «Коля, да брось ты ерундой заниматься!» Но меня никто переубедить не мог. Я знал, что в такие моменты решают секунды – а это жизнь. И моя, и моих товарищей. Поэтому тренировал жестко, требовательно, хоть некоторые подчиненные

были старше меня на 10–15 лет. Но никогда не давил горлом. Сколько ни служил, никогда не был нахалом или грубияном. Ругался только в исключительных случаях. Всегда понимал – если покажу свою высокую подготовку, могу больше, чем они, то буду иметь авторитет у подчиненных и они будут подчиняться беспрекословно. Зато потом сколько раз мне ребята говорили: «Ну и везучий же ты!» А причем тут везучий? Дело не в везучести, просто нужно работать.

И сказать, что полностью освоился на фронте, – не могу. Потому как на войне надо было пройти все моменты, во всем многообразии. Одно дело на марше. Преимущественно марши совершали по ночам. У танкистов вообще много ночной специфики. Дальше оборона – тоже ведь вид боя. И самое главное – наступление. Конечно, опыт большое дело, но ведь процесс идет беспрерывно, меняются обстоятельства, обстановка, и такого чувства, вот, мол, все знаю и всем овладел, как говорится, Бога за бороду взял, такого со мной точно не было. У меня практически до конца войны шла эта учеба, шло совершенствование, познание всех этих вещей, и сказать, что я тут уже сам бог войны – ничего подобного. Это невозможно. Но месяца через два на передовой я, конечно, освоился и считался уже опытным воякой. Потому что танкисты долго не живут. Тем более в одном танке.

Не раз слышал, мол, по статистике, на передовой рядовые танкисты в среднем воевали всего неделю. Ротный, правда, уже три недели. Но, по-моему, эти расчеты весьма условные и относительные. Кто-то и в первом бою погибал, а кто-то долго воевал, и как тут считать?

И смертниками себя мы не считали. Это нас так со стороны кое-кто называл: «Горите беспрерывно… И как вы там только выскакивать успеваете?» Но у меня лично как-то не возникало такой мысли, что непременно погибну. Хотя оказывался в самых неприятных ситуациях. Взять то же самое «особое задание», когда мы действительно заглянули смерти в глаза. Как мы тогда вырвались, я до сих пор не понимаю. Но всю жизнь вспоминаю, как отец учил нас: «Запомните, в жизни никаких маленьких пустячков не бывает! Вся жизнь проходит не только в больших делах, но и в пустячках, связка получается. Поэтому надо ориентироваться не только на большие дела, но и на малые пустяки…» Так что от человека, конечно, многое зависит.

Вот мы всю ночь метались-метались в тылу у немцев, куда двигались и где поворачивали, понятное дело, восстановить невозможно. Но вот так случилось, что танк сгорел, и люди на тебя смотрят. Ты же командир! А еще в училище на занятиях по топографии преподаватель всегда выводил нас в поле. Идем туда-

сюда, с шутками-прибаутками, потом стоп – «сориентироваться!». А двойки же не хочется получать, поэтому сразу стараешься запомнить, где, чего и как. И ночные занятия проводил, и постоянно вдалбливал, хоть ребята и ныли: «Да зачем нам эта топография.» Нет, извини меня. Топография и ориентировка – это бывает и похлеще тактики. Ведь очень важно сориентироваться вовремя.

А вот дурных предчувствий у меня ни разу не было, хотя пять раз подбивали. Думал всегда об одном – как выполнить поставленную задачу и как сохранить подчиненных. Все-таки на командире лежит такая ответственность, такое бремя. Но если ты с полной отдачей живешь и воюешь и знаешь, что все зависит от нас, от нашей дружбы, товарищества, сплоченности, взаимопонимания, то задача выполняется лучше. Помню, среди солдат и сержантов иногда попадались суеверные ребята. Кто-то верил в вещие сны, некоторые верили в приметы. Верил ли я?

Мое отношение к религии было, как и у всех ребят того времени. Крещеный, но крестика не носил, молитв не знал. В комсомол вступил в 43-м в училище, а членом партии состоял с 1945 гола до самой ее ликвидации. Но к верующим в жизни всегда относился лояльно. В том числе и на фронте.

В день вступления в партию (февраль 1945 г.)

А когда после ранения я побывал в отпуске, то уже в поезде из Москвы на Киев, когда на полку бочком ложился, чувствую, что у меня в кармане жмет. Открываю – иконка… Оказывается, мама тайком подложила мне маленькую иконочку Николая Угодника. После войны, когда домой в отпуск приехал, мама спросила, сохранил ли я ее, пришлось показать. И она так мне сказала: «Коля, ты жив только потому остался, что я за тебя Богу молилась!»

Оказывается, в годы войны мама неоднократно ходила пешком за 30 километров в действующую церковь поселка Холуй. А когда в начале 45-го в Мстере на территории Богоявленского собора открыли Владимирскую церковь, то до конца своей долгой жизни мама посещала там почти все богослужения. А после войны ездила в Подмосковье в самый-самый наш храм. Рассказывала, что искупалась там в речке.

После смерти родителей мы устроили им отпевание. Хоть все, и сестра, и брат, и я, убежденные коммунисты, но это даже не обсуждалось. До самого конца жизни родителей в доме сохранились все иконы. Мама оставила завещание, в котором распределила их всем родственникам. Мне досталась икона Владимирской Божьей Матери, которая и в будущем послужит нашим потомкам. Я убежден, что к вере наших предков нужно относиться бережно и уважительно. И пусть я по большому счету прожил жизнь атеистом, но все равно считаю себя православным человеком. Как сейчас принято говорить – православный атеист.

Сергей Храмцов (март 1945 г.)

Где же вы теперь, друзья-однополчане?

Я общительный человек, всегда легко сходился с людьми и чего-чего, а друзьями везде обзаводился. С друзьями как-то и повеселее, тут и взаимопомощь, и взаимопонимание, даже простые пустяковые советы и то значение большое имеют. Как относиться к делу, к службе. Ну, а учитывая, что я сам по себе человек добросовестный, старательный, то и друзья у меня подбирались не какие-то шалопаистые, а надежные и порядочные. А на фронте, как и в жизни, с кем больше общаешься, среди тех и друзья появляются.

Первым среди друзей я назвал бы Сергея Васильевича Храмцова. За время, пока я воевал под его руководством, мы с ним очень сдружились, и мне довелось его увидеть в самых разных ситуациях. В жизни это был общительный и остроумный человек. Мне запомнилось, как во время занятий на переформировке он вступал в споры, отстаивая свою позицию и взгляды на ведение боя в различных ситуациях. В бою же он всегда находился в боевых порядках, смело и решительно принимал решения. Знал хорошо подчиненных, ценил их и по возможности оберегал. Ко мне же относился особенно внимательно и в сложной обстановке оберегал. Признаюсь, в отдельных случаях я даже ощущал, что вроде бы и меня нужно послать, а Храмцов почему-то назначает другого. Иногда в наступлении даже пересаживался в мой танк. Потом, правда, бесед на эту тему мы не вели. А надо было бы, конечно, спросить… Бывали случаи, когда для снятия стресса он выпивал водочки. Я же всячески сдерживал его, и мы находили взаимопонимание. В общем, дружили крепко, но в марте 45-го его назначили заместителем командира батальона, и мы стали видеться реже.

По прибытии в Наро-Фоминск наш 4-й гвардейский танковый корпус переформировали в 4-ю гвардейскую танковую дивизию, но машин у нас еще не было, и для участия в военном параде 7 ноября от дивизии сформировали сводную знаменную роту. А так как командиром этой роты назначили именно Сергея Васильевича, то я подозреваю, что не без его участия включили в нее и меня.

Всего на моем счету 12 парадов на Красной площади, но этот первый, конечно, особый. Это был единственный раз, когда мы все стояли по пояс в башне. На остальных же парадах у всех люки

закрыты, только комполка стоит у знамени.

В нашей сводной роте было 10 танков. На первом шел командир корпуса, на втором – знамя, а за ними две шеренги по четыре машины в каждой. Сейчас ходят три только, а тогда четыре. Я шел третьим в первой шеренге. На первой машине – знамя 12-й бригады, на второй – 13-й, я со знаменем нашей 14-й, а на четвертой – знамя мотострелковой бригады. И на всех машинах одни Герои, только я один у знамени оказался не Герой. Так что наверняка мой друг приложил здесь руку.

А после парада Сергей Васильевич убыл на учебу в Военную академию тыла и транспорта. Проводили его достойно. Однако после окончания 1-го курса он тяжело заболел и по заключению комиссии был уволен в запас. Сам он родом из Кировской области, поэтому обосновался в Кирове, где женился и трудился до выхода на пенсию. В 1978 году Сергею Васильевичу присвоили звание «почетный гражданин города Киров». Но все эти годы мы поддерживали связь.

Трижды встречались: в Наро-Фоминске, Горьком, Москве. В общем, наша дружба продолжалась больше сорока лет, пока в сентябре 1986 года он не ушел…

Дружил и со своими двумя взводными. В гости к ним ездил, а они ко мне. Они оба с Украины. Володя Заварыка жил в Луганске, но мы часто виделись, потому что его жена Аня из Наро-Фоминска, и когда они приезжали, мы непременно встречались.

А Костя Болтромюк жил в Пятихатке. Костя вначале воевал в нашей бригаде на САУ-85. Будучи отличным стрелком, уничтожил в боях до десятка немецких танков, за что был награжден четырьмя орденами. Впервые мы с ним встретились в районе Бреслау в феврале 45-го. Завязалась дружба, которая особенно окрепла после войны. До июня 1947 года служили в одном батальоне. Будучи взводными, постоянно соревновались. То мой, то его взвод попеременно удерживали 1-е и 2-е места. Костя был рослый, спортивный парень, хороший строевик. Вот только по характеру вспыльчивый и иногда был несдержан. Но мы жили в одной комнате и крепко дружили. К сожалению, после расставания в 1947 году связь мы потеряли. И только в 1980 году через сослуживца мне удалось найти друга юности. Он дважды приезжал в Наро-Фоминск и был нашим дорогим гостем. Вместе мы побывали в полку и встречались с личным составом. Скончался Константин Миронович 5 апреля 1993 года и похоронен в Пятихатке Днепропетровской области.

Дружил и с Павлом Мариным. С ним я познакомился в октябре 44-го во время боев в Карпатах. Но чаще всего встречались на отдыхе, потому что воевали в разных ротах, и

больше сдружились уже после окончания войны. Став кадровыми военными в одно время командовали взводами и ротами в полку. В 1951 году Павел поступил в Военную академию бронетанковых войск, наши пути разошлись, и встретились мы с ним только в 1975 году на 1-й встрече ветеранов дивизии. Но после того как я уволился и переехал на жительство в Наро-Фоминск, наши встречи опять стали регулярными, так как он проживал недалеко от нас, в Одинцове. Дружили семьями. Но в 2001 году Павел Антонович скончался.

Вообще, у меня очень много друзей по Наро-Фоминску, но там в основном я дружил с ребятами, с которыми познакомился уже после войны. С Колей Сухановым, Левой Устиновым, Сашей Павловичем и другими. Все мы впоследствии стали полковниками, и с ними я дружил до последнего.

Дружил с Героем Советского Союза Гришей Крамаренко[14], который последние свои годы жил в Ставрополе.

Крепко сдружились в Наро-Фоминске и с Масловым Иваном Владимировичем. Мы с ним познакомились, когда в октябре 44-го я прибыл в 14-ю бригаду и получил танк, на котором Иван был механиком-водителем. Вместе коротали дни и ночи под постоянным проливным дождем в Карпатах, впроголодь питались, одним словом, вместе разделяли житейские невзгоды, мужали и крепли. Но вскоре наш танк сгорел, и дальше мы уже воевали в разных подразделениях. Зато после войны служили в одном батальоне аж до 1957 года. Встречались на встречах ветеранов дивизии, а затем в течение 25 лет вместе проживали в Наро-Фоминске. Часто встречались в полку и дружили семьями.

И особо я бы хотел упомянуть еще одного человека. Уверен, если бы не его болезнь, то мы бы с ним обязательно крепко сдружились.

Уже под конец войны, когда мы стояли на отдыхе, ко мне в роту на пополнение командиром взвода прибыл лейтенант Николай Хлопонин. Представился, а я смотрю, у него среди вещей гитара имеется. Подумал – ну, не хватало еще нам музыканта. Спросил: «Воевал уже?» А оказывается, он еще побольше моего воевал. В армии с 1942 года и поначалу воевал автоматчиком, но потом окончил Орловское танковое училище. Как танкист проявил себя хорошо, имел на своем счету несколько немецких танков. А в феврале 45-го он в одном бою здорово отличился. Находясь в дозоре, выскочил на немцев, и пока мы подходили, он за эти минуты шандарахнул сразу шесть штук. Был представлен на Героя, но получил звание уже только в июне[15].

Пинский Матвей Савельевич

Поговорили, пошутили, и как потом оказалось, что он настоящий весельчак. Если выдавалась свободная минутка, он непременно веселил нас. Мог хорошо и сыграть на гитаре, и спеть. И спортивный был парень. Представьте, он мог стоять на одной ноге, а другую забросить себе за голову. Причем проделывал этот трюк, стоя на танке. Иногда перед атакой покажет всем такое или чечеточку исполнит, и только потом уже в танки садимся. И я считаю, что своими азартными номерами он здорово нас вдохновлял. Но концовка у него получилась неважная…

Уже после того как он получил Героя, у него что-то случилось с головой. Какие-то отклонения начались, что-то стал забывать. Я, конечно, сообщил начальству, что нужно срочно его отправлять в

госпиталь. Отправили его на лечение, и все на этом. Пропал наш Коля…

А в 1948 году я поехал в отпуск, и на Курском вокзале мне навстречу идет с женой и маленьким мальчиком наш Коля. Тоже капитан. Конечно, мы сразу узнали друг друга. Обнялись, коротко поговорили. Особых отклонений у него я не заметил, вроде нормальный, но оказалось, что он комиссован из армии по состоянию здоровья: «Еду домой в Армавир!»

А когда я ушел в запас, то решил найти его. В 83-м году пишу письмо райвоенкому в Армавир. Получаю ответ: «Да, такой-то человек жив», – и сообщил мне его адрес. Но сколько я Коле ни писал, на праздники постоянно слал ему открытки с поздравлениями, ни одного ответа так и не получил. Вероятно, болезнь у него так и осталась. А уже потом я делал запрос в Подольск, и мне прислали ответ, что он всю жизнь проработал на какой-то там плодоовощной базе. Я потом все же еще раз решил написать военкому, но он мне ответил, что Николай Петрович умер 10 ноября 1995 года. Жена его тоже умерла, ближайших родственников в городе нет. Вот такая невеселая история про веселого танкиста с гитарой.

А теперь можно и о командирах вспомнить.

Для начала хотел бы вспомнить своего первого комбата – капитана Пинского[16]. С первой нашей встречи комбат своей открытостью и простотой сразу внушил доверие как командир и человек.

Сразу чувствовалось, что он от природы порядочный человек. Отсюда и командир хороший. Потому что взаимоотношения между людьми – это самое главное.

Чем он особенно мне нравился, что никогда не порол горячку. Никогда не стремился сразу наказать. Не нагрубит, не оскорбит, не обругает на ходу, как другие. Наоборот, всегда очень разумно разбирался даже в пустяках. Впервые я его увидел в том неудачном бою на ручье, в непростой обстановке. Но его поведение, решения, оценки сразу произвели на меня большое впечатление. Я сразу понял: вот образец, на который нужно равняться.

Понятно, что в той ситуации была и его вина. Без разведки нельзя кидаться, но он же ориентировался по этой карте, а по ней этой ручей совсем пустяковый… Но и в такой непростой обстановке он четко и ясно ставил задачи. После войны я Матвея Савельевича не встречал ни разу, но читал, что он служил до 1960 года, а потом жил и работал в Уфе.

Во-вторых, хотел бы упомянуть моего комбата в 14-й бригаде Логинова Геннадия Степановича[17]. Познакомились мы с ним в

польской деревне Богухвале, куда нас вывели на переформировку. Невысокого роста, моложавый и худощавый, но с хорошо поставленным командирским голосом. Немногословный, серьезный и требовательный, он по праву пользовался у старших командиров высоким авторитетом. Его батальон всегда отличался организованностью и дисциплиной, поэтому нам часто поручали наиболее ответственные боевые задачи. Несмотря на молодость, он не допускал вольностей среди личного состава. Ротные даже немного побаивались его за высокую требовательность и дисциплину. Особенно часто перепадало старшему лейтенанту Петрову. Мне же в ходе боев встретиться с ним пришлось дважды. Выполняя индивидуальные боевые задачи, я заслужил от комбата крепкое рукопожатие и доброе «спасибо». А вот расстаться с ним пришлось при необычных обстоятельствах.

В апреле 45-го во время какого-то небольшого затишья среди боев, он решил изучить немецкий фаустпатрон, но тот выстрелил у него в руках. Тяжелораненого и контуженого его пришлось срочно отправить на танке в медсанбат…

И вот примерно через 30 лет, проходя службу в Горьком, я случайно встретил на улице мужчину, похожего на боевого комбата. Остановил его, и в беседе выяснилось, что это действительно Геннадий Степанович. Он рассказал, что службу закончил в должности начальника разведки армии в ЗабВО в 1970 году. Как оказалось, мы жили недалеко друг от друга и до момента моего переезда из Горького в Наро-Фоминск я поддерживал с ним отношения. Но потом связь оборвалась, и дальнейшая судьба Геннадия Степановича осталась мне неизвестной.

А до Логинова и после нашим 1-м батальоном командовал капитан Писаренко. Я считаю, это был настоящий самородок в командирском деле. С Александром Петровичем я познакомился, когда прибыл в бригаду. Вот уже несколько дней наша рота не может овладеть деревушкой Цехане. Обстановка сложная, трудная, местность малопроходимая. Стоим в колонне в ущелье, выход из которой немцы отлично пристреляли.

На второй день с возмущением и руганью появился временно исполняющий обязанности командира батальона капитан Писаренко. Собрал офицеров и на смеси русских и украинских слов рассказал порядок действий по штурму деревни. После артиллерийского налета и при сопровождении нескольких самолетов наша колонна пришла в движение, и при достижении поворота в ущелье выскочившие первые два танка в одно мгновение загорелись факелом. Пришлось отойти назад и остановиться вне зоны видимости противника. Последующих атак

не последовало. Комбат убыл к начальству…

Но после того как через пару дней мой танк был подбит и сгорел, я с экипажем убыл в тыловой резерв батальона и с Писаренко больше не встречался до апреля 45-го, когда он заменил капитана Логинова.

С ним мы встретили Победу, и нашим батальоном он командовал до декабря 45-го, когда уволился по болезни и убыл в Полтавскую область к семье. За это время мы значительно ближе познакомились с этим необычным и одаренным человеком.

Внешне неказистый: низкого роста, худощавый, одет в солдатское обмундирование. Со стороны даже казался простачком, но на самом деле обладал острым природным умом и сообразительностью. В общении очень простой, общительный, доброжелательный и жизнерадостный.

Боевые приказы отдавал в свободном, но ясном толковании. Его разговорная речь состояла из смеси русских и украинских слов. В обращении с подчиненными частенько применял украинское слово «хлопчики». Поначалу мне даже показалось, что он грешит панибратством, и лишь потом я понял, что ради достижения успеха Александр Петрович умело использует психологию.

Комбат пользовался безусловным авторитетом среди личного состава. В трудной и сложной боевой обстановке не терялся, всегда находил верное решение и вселял уверенность у подчиненных. Смелый и храбрый, за годы войны он был трижды ранен и награжден шестью боевыми орденами[18].

В послевоенное время я дважды встречался с Александром Петровичем на праздновании Дня Победы в дивизии. На этих встречах он был бодрым, желанным и уважаемым гостем среди бывших подчиненных. В свою очередь, он очень гордился нами. До конца его жизни я поддерживал с ним связь. Умер Александр Петрович в возрасте 86 лет.

И хотел бы пару слов еще сказать про начштаба нашего 1-го батальона. Геннадий Михайлович Шапко отличался от других старших начальников спокойным и уравновешенным характером, высокой уставной культурой в обращении с подчиненными. Был чутким и внимательным, особенно к молодым офицерам. Это был настоящий трудяга и наставник молодежи, надежный помощник командира. В ответственный момент боя он всегда находился рядом с ним. Если дело касалось боевых задач, приказы и донесения оформлялись качественно и в срок. Вне боевой обстановки службой занимался ежедневно и осуществлял строгий контроль. Будучи на отдыхе в польском Богуславе, мне часто доводилось бывать дежурным по батальону, так чтобы сдать

Геннадию Михайловичу зачеты по знанию боевого устава, их приходилось изучать досконально.

После войны он продолжил службу и уволился в запас полковником. Проживал в Москве. Несколько раз мы встречались на встречах ветеранов дивизии. Умер Геннадий Михайлович в декабре 1993 года.

Вообще лично мне по жизни на командиров везло. По большей части это были достойные и культурные люди, а сволочей или хамов мне почти не попадалось. В войну я такого не видел и про поведение того же Катукова, например, уже только потом узнал.

Вот про Рыбалко я знал, что этому лучше не попадаться. Этот и с палкой ходил и мутузил по полной… Сам я, правда, этого не видел, но знакомые, которые служили под его командованием, рассказывали.

Но в 46-м после очередного парада состоялось торжественное собрание, и, как он там производил разбор, я до сих пор помню. Такие эпитеты находил, такие слова нехорошие говорил, а ведь там и женщины присутствовали, и гражданские. Другое дело, если бы он отдельно собрал танковых командиров и все бы им высказал. Но говорить такое на торжественном собрании, да еще в присутствии посторонних, считаю, было совершенно недопустимо.

В своем интервью Иона Деген крайне нелицеприятно отзывается о командующем бронетанковыми войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковнике Родине. Я про Родина ничего сказать не могу, потому как видел его лишь однажды. Уже в начале 50-х наша дивизия устраивала показательные занятия для слушателей академии, и вот тогда я видел его мельком. Но тут я бы вот что хотел сказать.

Деген пишет, что Родин ругал его самыми распоследними словами в присутствии командира бригады Духовного. Но после войны я служил под командованием Ефима Евсеевича и не поверю, чтобы Родин стал при нем так ругаться. Духовный был авторитетный командир, а старшие начальники тоже знают, когда и как надо ругаться. Конечно, состояние у командиров разное случалось, но все-таки мне не особо верится. Да и сам факт, чтобы командир такого уровня запомнил обычного лейтенанта, да еще чего-то ему там наговорил, верится, честно говоря, с трудом.

Я, например, сколько был на фронте, но командующих фронтов не видывал ни одного. Командующего 1-й гвардейской танковой армии Катукова видел один раз. Как-то он в машине мимо нас проскочил. Командиров корпусов издалека только

видел.

Как-то уже в 45-м нас, офицеров, вдруг собрали на совещание к командиру корпуса Полубоярову, где он подводил итоги минувшей операции и нацеливал на выполнение предстоящих задач. И там Павел Павлович показал себя как очень разумный, спокойный и выдержанный человек, что-то вроде Рокоссовского. Это был такой командир, у которого было чему поучиться. Недаром после войны он в течение 15 лет командовал бронетанковыми войсками Советской армии. Понятно, что на фронте чего только не случалось, но в то, что простой лейтенант на фронте встречался и разговаривал с Василевским и Черняховским, извините, верится с трудом. Как говорится, пока сам не увижу – не поверю. Я, например, знал, что нашим фронтом командует Ватутин. Гордился им и очень сожалел, когда он был ранен и умер. Но ведь на самом деле почти ничего о нем не знал. Мы же никакой информации не имели. Думаю, и не узнал бы его при встрече. Хотя, еще раз повторю, каких только чудес на фронте не случалось. И, кстати, о Ватутине.

В прошлом году к нам в совет ветеранов зашла женщина. А там у нас портреты командующих висят, и я смотрю, она смотрит на них и полушепотом по имени-отчеству называет многих. Я сразу понял – необычный человек появился. Подошел к ней: «Вы что, знали их?» – «Да, лично знала!» Разговорились, и оказалось, что она служила официанткой у Ватутина. Часа три мне всякую всячину рассказывала. Как ездила хоронить его, как после похорон с его детишками месяц нянчилась. Она о Ватутине очень хорошо отзывалась. И Жукова неоднократно видела, когда он его заменил. А потом их с поваром отправили в штаб фронта, и через месяц или два ее назначили к начальнику особого отдела 1-го Украинского фронта, с ним она до конца войны и прослужила. К счастью, Мария Ивановна до сих пор жива, хотя ей уже 102-й год идет…

Через три страны…

Когда я еще в школе учился, то мне казалось, что на Украине живут гораздо лучше, чем у нас. Но когда попал на Украину, то убедился, что ничего особенного. Ведь думал, что у них там этих фруктов завались, но ничего подобного. У нас по 5—10 яблонь тоже у всех в саду росли. Где-то получше села и деревни, где-то похуже, но ясно, что немцы их хорошенько прочистили. Так что на Украине мне бедненько показалось.

Вот на Западной Украине и по обустройству и по людям, конечно, были заметны отличия. Более благоустроенные поселения, города, глубоко верующие люди, это уже совершенно другие украинцы. Не такие доброжелательные и не особо разговорчивые.

Сельская Польша – это самая настоящая беднота. Как мне показалось, еще беднее, чем на Украине. Вот в городах, конечно, несколько побогаче. Бывал я там и на дачах в пригородах больших городов. Такие же участочки, как у нас сейчас. А в квартирах и домах чувствовался достаток. Но я на это спокойно смотрел, без зависти, а некоторые так прямо со злостью какой-то. Помню, один, как увидел в доме шифоньер во всю стену, открыл его, а там полно всякой всячины. А кругом же зеркала, так он выхватил пистолет и давай стрелять по ним… Спрашиваю: «Что ты делаешь?» – «Вот, такие-сякие.» А сейчас и у нас такие виллы с набитыми шифоньерами, а кто-то рубли считает.

Ну а Германия – это уже совсем другое дело. Чувствовалось, что там все делается с перспективой. Не на один день и не на неделю. К любому населенному пункту проложена хорошая дорога, связь. Каждый участочек, каждый домик пристойно выглядит, и за всем этим просматривается уровень жизни людей. А в подвал заходишь, у них там и фрукты консервированные, и мясо. Те же куры, гуси. И это не то что в каком-то богатом доме, а почти во всех домах.

В Чехословакии я пробыл всего ничего, но только хорошее могу вспомнить. Люди совсем с другим настроем – сама доброжелательность. За ту неделю мы видели только радость, смех и желание что-то преподнести, как-то отблагодарить.

Но я еще оцениваю по детям. Дети ведь всегда остаются детьми. Вот, например, как чехословацкие дети? Сразу спрашивают разрешения, можно ли забраться на танк? Мы, конечно, разрешали. Они лезут, все рассматривают, улыбаются…

А немецкие дети? Помню, где-то наша колонна остановилась, а как раз черешня поспела. Деревья справа-слева от дороги, и,

конечно, солдаты стали ее набирать. Прямо подгоняют под деревья грузовики, и начинается. Некоторые ломают про запас ветки, в общем, по-русски все. Поехали дальше и остановились в каком-то населенном пункте. Сморю, из-за ближайшего сарая выглядывают два мальчика и девочка. Примерно 10–12 лет. Выглянут и спрячутся. Ну, думаю, пойду к ним. Пошел, поздоровался по-немецки. Они тоже. Что-то начал с ними немного разговаривать, у них даже улыбки появились. После этого говорю им: «Пойдемте со мной, я вас угощу!» Они дошли до угла, но дальше не пошли: «Найн! Найн!»

Ладно. Пошел, взял кое-какие галеты, печенье и чашку черешни, которую мне солдаты собрали. Ясно же, дети голодные. Подхожу, угощаю, а они отказываются: «Найн! Найн!» – и задом, задом от меня. Ну чего? Поставил я это все и ушел. Они не показываются. Потом смотрю, опять появились, и с ними уже другие дети. А наши бы как? Если бы им только предложили, они бы эту чашку маханули тут же на глазах.

После перестройки стало принято всю Красную армию выставлять дикарями, мол, почти все поголовно насиловали, грабили и убивали. Понятное дело, были у нас и хулиганы и безобразники. Но за такое и звания лишали и судили по полной. Суды были, знаем. Если какой-то случай где-то произошел, нам политработники сразу рассказывали: «Там-то один такое натворил, и вот чем это закончилось…» И помню, если до Германии еще туда-сюда, мол, отомстим за все наши слезы и страдания, то, как вошли, наш замполит не уставал повторять: «Помните, мы – победители! Надо держать свое лицо!»

Сейчас можно услышать цифру, что наши солдаты в Германии едва ли не миллион женщин изнасиловали. Но там никого насиловать и не требовалось. Многие немки сами за нашими солдатами бегали и за буханку хлеба себя предлагали. Ну оно и понятно. Свои запасы быстро кончились, а власти-то никакой нет, работы нет, мужчин нет, а они с детьми, которых нужно кормить. Так что там никакого насилия не требовалось. Все делалось на добровольных началах.

И в Польше то же самое. Я и сам видел, и ребята рассказывали, что полячки, и девчонка и замужняя, за что хочешь, продастся. А я даже и не помню, чтобы где-то с женщинами общался. Потому что мы редко где останавливались больше чем на день. Все время в этой кутерьме.

Также могу развеять и слухи, мол, после войны по частям прямо-таки эпидемия триппера и сифилиса прокатилась. У нас я помню только единичные случаи. Как-то один из батальона автоматчиков подхватил, а у нас и вовсе такого не припомню. В

нашем батальоне дисциплина всегда была на уровне и ни в чем таком мы не испачкались. Был только один случай. Один из офицеров оказался мародером. Да, интересный эпизод. Необычный.

После освобождения Катовиц получили мы новую задачу. Выскочили на какую-то дорогу, а нам навстречу идет немецкая колонна. Мы ее немножко пощекотали, помяли, а водители разбежались. Вот тут командир определил небольшой привал. Когда он закончился, а мы все чего-то стоим. Начали перекликаться: «Чего не идем-то? Пора бы уже!» Потом доходит новая команда: «Отбой! Всем офицерам прибыть к командиру батальона!» Собрались, и комбат объявляет: «Пропал зампотех 1-й роты!»

Кругом все осмотрели, стоят эти помятые немецкие машины, а по обе стороны дороги старый лес. Сосны могучие. И комбат приказал прочесать вдоль дороги на 25 метров, проверить, нет ли его где. Начали искать, через какое-то время команда: «Отбой!» Оказывается, нашли его мертвого… Все заняли свои места, его тело на трансмиссию, и колонна тронулась.

Где-то там впереди остановились, и мы своими делами занимались, а хоронил его личный состав 1-й роты. Потом собирают офицерский состав, и комбат очень негромко говорит: «Товарищи офицеры, оказывается, мы все дружные, активные, очень хорошо друг друга знаем, да вот только и в наших рядах сволочь завелась.» Все ждут, что он назовет, кто сволочь-то. Смотрим друг на друга, кто же это? А он держит паузу. Наконец поясняет: «А сволочь тот, кого только что захоронили! Он-то, оказывается, мародер.» Ну, мародер и мародер, мало ли что. И только через какое-то время ротный нас собирает и рассказывает.

Когда собрались этого капитана хоронить, то на нем обнаружили пояс, а в его отделениях золотишко в разных видах. Оказывается, где и что он тут промышлял, один бог знает. «Вот такие, оказывается, среди нас люди.» Тут некоторые ребята начали: «То-то мне эта еврейская морда сразу не понравилась!», и т. д. и т. п.

А он не просто еврей, а бывший политработник. Но когда в 43-м их должности сократили, то он прошел переподготовку на технаря и стал зампотехом соседней роты, хотя по званию капитан. Немолодой уже, точно за 30. Фамилию его даже помню, но, наверное, не стоит ее сейчас называть. И когда это все рассказали, мне многое стало понятно. Я ведь тоже видел, что он на остановках вместо того, чтобы вокруг танков суетиться, где-то там носится. Шубутится вечно, ни с того ни с сего в немецкие дома заходит. А он вот, оказывается, чем занимался… Вот такой

букетик тоже был.

Раз уж я затронул эту тему, то выскажусь и по ней. Среди солдат и сержантов, насколько я помню, у нас евреев не было. Офицеров помню. Командир ремонтного взвода по ремонту спецтехники – старший лейтенант Горный Давид Иосифович, про которого я уже немного рассказывал. Вот этот мародер. В 40-й бригаде у нас начальником штаба батальона был старший лейтенант Теневицкий, по внешнему виду тоже еврей.

И тогда же, до ранения, когда меня отправили в другую бригаду, то там у них комбригом оказался полковник Гусаковский. Но его я лишь несколько раз видел издалека, а другие офицеры отзывались о нем отлично: «У нас командир бригады – во!» Недаром он потом стал довольно известным человеком в армии[19].

И очень приятно, что Деген упоминает в своем интервью своего комбрига Духовного. Правда, я служил в дивизии Ефима Евсеевича уже после войны, с 1958 года. Но он же комдив, а я комбат, и на расстоянии, но несколько раз мы общались лично. А вот когда через полгода меня назначили в штаб, тут я уже с ним более плотно общался. И могу дать ему только самую высокую оценку. Многому научился у него, особенно старался перенять его умение выстраивать отношения с людьми – это же самый важный вопрос. Как строить службу, работу с подчиненными. Потом наши пути с ним разошлись, но я поддерживал с ним связь практически до конца его жизни. И писал ему, и звонил. Когда мы с другом узнали, что Ельцин наградил его орденом Жукова, то решили Ефима Евсеевича поздравить. Позвонили, поздравили, он растрогался и сказал нам примерно такие слова: «Вот перед вами мне звонил бывший министр обороны маршал Соколов, – а я знаю, что они дружили еще с войны, – но ваше поздравление это выше его». И столько всего теплого наговорил в наш адрес: «Вы уже полковники, а я только по набережной хожу…» Вот это была наша последняя беседа.

Сейчас уже не секрет, что в войну ходили нехорошие разговоры про евреев, всякие антисемитские шуточки. Ну, бывали какие-то отдельные моменты, но я бы сказал, что среди офицеров такие разговоры не велись. Люди-то образованные, достойные. Но вы поймите, у нас народ такой, что, только повод дай, сразу кости перемоют. Вот, например, когда меня только перевели в штаб дивизии к Духовному, то там на разных должностях служили сразу 12 евреев. Ну, понятно же, что-то тут есть, соответственно и разговоры всякие ходили. Но они сразу прекратились, как только их быстренько разбросали кого куда. Вспомню один эпизод.

Как-то я делал доклад Духовному и во время беседы не

совсем лестно отозвался о работе одного офицера. И когда закончили беседу, Ефим Евсеевич как бы невзначай спрашивает: «Николай Николаевич, вот вы упомянули, что у того не слишком клеится». Но фамилию не называет, хотя помнит всех поименно. «Слушай, он, наверное, не на своем месте находится. Может, его порекомендовать на какое-то другое? По возможности мы это сделаем!» И при первой же возможности его перевели на хозяйственную должность, и там у него все отлично получалось. А вот на строевой – никак…

А так у нас в основном служили славяне: русские, белорусы, много украинцев. Среднеазиатов не помню, а вот кавказцы были. В конце войны у меня зампотехом роты был абхазец – Шалва Филиппович Кокая. Очень порядочный, надежный и знающий свое дело человек. В соседнем батальоне помню двух грузин. Один взводный и командир танка. Причем один типичный грузин, чернявый, а другой рыжий. Но между собой они почему-то не дружили. Сохраняли видимость нормальных отношений, но было заметно, что у них не все в порядке. То ли чего-то издавна, не знаю.

Иногда среди солдат и сержантов проскакивали не очень хорошие разговоры и про среднеазиатов, но мы старались сразу пресекать подобные вещи. Чтобы на фронте возникали какие-то проблемы на национальной почве, я даже не слышал о таком.

«Чамадан»

Любой настоящий фронтовик имел что-то из трофеев. Кое-что имел и я. Самый первый из них – «вальтер», который мне ребята подарили, но я его в 44-м дома оставил. Отличный пистолет, очень удобно в руке лежал, отдача почти не ощущалась.

Часы имел, но это штамповка – не то. Но в конце войны случился памятный эпизод. Когда в Чехословакии уже все было кончено и немцы стали массово сдаваться в плен, то к нам немецкий офицер привел свою роту. Уже без оружия пришли. Он команды подавал, а они все четко исполняли. А я уже ротным был и стоял рядом с группой офицеров. Он подошел и на немецком доложил мне, что привел своих солдат. Я вызвал одного офицера, чтобы он доложил в штаб батальона. Немец встал на свое место на правый фланг строя, и мы ждем, пока от комбата кто-то придет. Вдруг этот немец выходит из строя и подходит к нам. Берет под козырек, что-то говорит и лезет в карман. Достает часы, окинул взглядом нашу группу и почему-то вручает их мне. Я взял, он развернулся и снова встал в строй. Я посмотрел, часы совершенно новые. Швейцарские. И служили они у меня лет 20. Вот такой эпизодик.

Потом еще достал большие часы на цепочке и, когда поехал в первый отпуск, сделал подарок отцу. И он всем хвастался: «Сын подарил!» Многие вспоминают про бритвы, но я тогда еще не брился, поэтому бритвы даже не искал. Но когда в 46-м готовились в Москве к параду, с другом поехали на Перовский рынок и купили там по опасной бритве, и трофейные помазочки к ним. Долго-долго служила мне эта бритва.

Теперь по поводу посылок. Когда вошли на территорию Германии, пришел приказ, что в течение месяца можно отправить домой по одной посылке. Солдатам до пяти килограммов, а офицерам до десяти. И три штуки я домой отправил.

Первую я сам собирал. Как раз танк сгорел, какое-то время появилось, и тут мне старшина напомнил, что на это дело всего два дня осталось. Так я по деревне где-то прошел и на скорую руку какое-то барахло насобирал. Точно не вспомню, какие-то тряпки. Ничего особенного, я же там не первый ходил. Но после этого я уже на перспективу стал думать. Стал уже смотреть, где, что.

В каком-то магазинчике рулончик шерсти взял. Замотали, завязали. Потом рулончик какого-то цветного материала тоже прихватил. А времени-то на отправку нет. Попросил старшину: «Отправь за меня!» А он же возрастной мужичок, ушлый, и я его

предупредил: «Ты учти, война кончится скоро, так что без мухлевства…»

Третью посылку собирал и отправлял таким же методом. И когда приехал в отпуск, то кое-чего в доме видел. А мама мне рассказала, что одно этим отдали, другим, третьим.

Вот с мертвых ничего не снимал. Для меня это было недопустимо. И своим подчиненным постоянно говорил, чтобы не смели ничего снимать с убитых: «С мертвого ни в коем случае!» Другое дело там, в брошенном магазине или доме. Кстати, вспомнился еще такой эпизод.

После войны мы стояли в деревне Амсдорф, что ли. Небольшая, домов 30. Во всех жители оставались, а три самых богатых стояли пустыми – хозяева сбежали. В одном, как нам сказали, жил полковник, и я признаюсь, грешным делом посещал этот дом. Но полковник этот оказался не войсковой, а полицейский, потому как мундир, который я там нашел, был желтого цвета. И весь комплект: китель, брюки, ремень, несколько крестов я прихватил и привез это все в Союз.

Жили мы на втором этаже, а на первом хозяйка и две дочери. И однажды, очень рано, вдруг слышим внизу мужской голос и что идет разговор на повышенных тонах. Глянули, у входа повозка стоит. Спускаемся, там мужчина лет пятидесяти, поздоровался с нами. С ним какой-то иностранец, потому что у него флажок какой-то на груди.

А этот немец подскакивает с кулаком к хозяйке. Как мы поняли, это ее муж, но до войны, еще чуть ли не в 37-м году, жена донесла на него, что он тайком подслушивает радио, и его в концлагерь… И вот он вернулся и выгоняет ее из дома: «Дочери пусть остаются, а ты тут жить не будешь! Иди куда хочешь!» А второй оказался то ли голландец, то ли датчанин, они вместе в лагере сидели. Мы через три дня из деревни уехали, но потом кто-то рассказывал, что этого мужика на сходе избрали старостой этой деревни. А с мундиром получилось так.

Я его старался никому не показывать, только ближние знали, потому как понимал, что у товарищей из КГБ могут возникнуть вопросы. Но уже в 1950 году у нас в драмкружке при доме офицеров ставили какую-то пьеску, а там у немцев не было наград. И я по простоте своей предложил им: «У меня там где-то валяются кресты, вы хоть их на мундиры повесьте, совсем другое впечатление будет». И дал им несколько.

А потом вдруг приходит посыльный: «Вас вызывает начальник политотдела!» Я начал вспоминать – вроде нигде не проштрафился, везде в передовиках. Началась беседа вроде с отвлеченных тем, а потом он задает вопросик: «А у нас есть

информация, что у вас имеется немецкий мундирчик…» Ну чего мне оставалось делать? «Да, есть». – «И зачем вы его храните?» Ну, думаю, надо выкручиваться: «Да я его думал отдать в драмкружок». – «О, вот это мысль хорошая! А я вас как раз и пригласил по этому вопросу. Хотел попросить, чтобы вы его подарили в наш драмкружок. А у вас же вроде еще и кресты есть?» – «Я их тоже подарю!» – «Вот и хорошо. Спасибо за взаимопонимание!» Сдал все под опись, официально, вот только ремень все-таки пожалел и не отдал. Такой желтый, толстый, с палец толщиной. Долго он еще у меня хранился, но потом куда-то подевался.

А то что многие генералы и старшие офицеры в трофейном вопросе откровенно злоупотребляли, уже давно не секрет. Тот же Жуков, говорят, был знатный барахольщик. Хотя, думаю, он, может, и сам какие-то вещи не знал, но его ближайшие услужливые подчиненные стремились ему угодить. Но ясно, что там было. И не только Жуков этим грешил. Знаю даже, что были такие командиры, которые еще до конца войны отправляли барахло домой целыми машинами. Мне попадался человек, который рассказывал, как он сопровождал груз своего генерала. Куда-то в Подмосковье сопровождал эту машину, а в ней чего только не было. И это когда война еще шла. Но я даже представить не могу, какие же это сопроводительные документы нужно сделать?! Но я и сам кое-что видел.

У моего комбата была «полуторка», так будку с нее он приказал снять, а по всей длине кузова сколотили из досок ящик, и он это называл «чамадан». Но я этот «чамадан» увидел, только когда нас вывели во Львовскую область, а до этого даже не знал про него.

Бывало, слышу рано утром, как он командует командиру 1-й роты Семенову: «Семенив, зараз строй роту, чамадан будем грузить!» А роты же неполные, в его человек 15 осталось, у меня 19, и вот в хорошую погоду солдаты с матом разгружают этот ящик, а приближенные адъютанты просушивают вещи…

И лишь когда приехали в Наро-Фоминск, вот тут уже прояснилось содержимое «чамадана». Ему выделили комнату на третьем этаже, а это же все надо выгрузить и поднять. Так у него там, оказывается, и стол с мягкими стульями, и ковры, и пианино, и даже мотоцикл. Но коридорчик узкий, так он зампотеху говорит: «Давай устанавливай полиспас, через окно будем барахло поднимать!» В итоге мотоцикл на площадку поставил и по утрам его там прогревал. В общем, целая потеха.

А я видел эту картину, но меня он почему-то к этому занятию никогда не подключал. Вероятно, побаивался, что я ему что-то не

то скажу. А солдатам эти погрузки-разгрузки страсть как надоели. Уже всякую механизацию стали придумывать, чтобы легче это дело проходило. Бревна подкладывали и катили этот ящик.

Конечно, я его обожал как смелого, решительного командира, но между собой офицеры называли его «барахольщик». Я, правда, тоже немного подсуетился.

Если ребята водку пьют, то я же не пью, денег подкопил и подумал: «Вот где мы там устроимся, как, но спать же на чем-то нужно?» Поэтому привез с собой хорошую кровать и постельное белье. Простыни, два одеяла, хорошую подушку. И когда приехали в Наро-Фоминск, у меня два чемодана и кровать, а у всех молодых ничего, у кого-то даже чемодана нет. Вот, Храмцов, например, считай и замкомбата и Герой, так у него ничего не было. Что называется, голышом приехал.

Зато когда в 48-м году я женился и привел Веру в мою комнату, она чуть дар речи не потеряла: «Это что, твоя кровать?! Где ж ты такую взял?» – «Из Германии привез». Просто их семья в войну сильно пострадала. Их со старшей сестрой чуть в Германию не угнали. Два месяца они провели в лагерях и вернулись, считай, голышом. Ничегошеньки не имели, начинали с нуля, поэтому она так и удивилась.

Проигравшие

В Германию мы вошли в районе городка Олау на Одерском плацдарме, но первые 100 километров гражданского населения совсем не видели. Все немцы побросали свои дома и ушли на запад. Даже такой эпизодик могу вспомнить.

Идем через деревни и городки, и везде одна и та же жуткая картина – пустые дома, ни души, словно вымерло все… И только выпущенные на свободу коровы и свиньи бродят повсюду в поисках корма. А закрытые во дворах от голода беспрерывно мычат, ржут, хрюкают, это что-то страшное. Я даже посылал кого-то выпустить их.

И вот мы заезжаем в большую деревню, а там у костела собралось целое стадо из таких брошенных свиней. Ну, поначалу нам, конечно, не до них. Пока разбирались в обстановке, деревня обстреливалась немцами. Но как только заняли оборону, обстрел прекратился. И, обходя с ротным огневые позиции, натыкаемся на это стадо. Идем в его направлении и еще на подходе замечаем, что разъяренные свиньи что-то таскают и дерутся с визгом и хрюканьем. Когда же приблизились вплотную, то от увиденной картины даже нам стало не по себе…

Видимо, поспешно отступая, немцы похоронили своих погибших в братской могиле, слегка присыпав землей. Но голодные и одичавшие свиньи тут же раскопали свежую могилу и стали пожирать эти трупы. Но чтобы разогнать озверевшее стадо, потребовались определенные усилия. Стрельба из автоматов и ракетниц не помогла. Только после взрывов дымовых гранат и шашек свиньи разбежались по всей деревне. Так что, пока шла война, мы почти нигде надолго не останавливались, соответственно и гражданских немцев почти не видели и не общались. Больше всего запомнился один эпизод.

В марте 45-го в наступлении мы оторвались от пехоты и с ходу овладели городком Мюнстерберг. Рота вышла на противоположную окраину, заняли оборону и решили осмотреться.

Ротный, я и командир взвода автоматчиков лейтенант Афиндиев решили заглянуть в ближайший большой дом. Там, кстати, на всех жилых домах висели приспущенные белые флаги, чего мы раньше не видели. В доме никого не оказалось, но при выходе заметили в подвале тусклый огонек и решили заглянуть туда. Вдруг навстречу нам с громкими возгласами «Тельман гут! Гитлер капут!» и с красным флагом в руках вышел возрастной горбатый мужчина. Быстро представился, назвав имя и фамилию.

Повторил несколько раз: «Их – антифашист!» Молча выслушали его. Потом говорит: «Битте шен!» – и повел нас в подвал. Там находились пожилые немцы, женщины и дети, все с испуганными взглядами. Стояла гробовая тишина. После осмотра помещения вышли на улицу, а немец все время что-то говорил на родном языке. Мы как смогли, пояснили ему, чтобы все возвращались домой и не боялись русских солдат. На этом он и удалился обратно.

И сразу после войны мы в Германии совсем недолго простояли, так что мне запомнились только отдельные встречи.

Пока нас не вывели в Союз, мы стояли в каком-то красивом городишке и жили там вполне мирной жизнью. В магазины ходили, в фотоателье. Запомнилось, что фотограф брал оплату только продуктами. У него уже бумажка на столе лежала, где на русском языке было расписано, сколько чего за какую фотографию. Прейскурант…

На озеро купаться ходили, хотя сами немцы не купались. Им не до купания было. Помню, идем с озера, а нам навстречу уже пожилой немец с рюкзачком за плечами. Мы удивились, что он в шортах, причем они такие поношенные, видно по наследству ему достались. Засаленные до того, что блестят. Поздоровались и спрашиваем: «Что несешь?» Он снимает, раскрывает, а там сосновые иголки. А мы и до этого через эту рощу проходили и шутили: «Какая же это роща? Это же настоящий парк!» Потому что там такая чистота, не то что сучьев, даже шишек и иголок на земле нет. Даже на деревьях сухих сучков не видно. И оказывается, этот дед набрал иголок, чтобы топить печь. Другого ничего не нашлось… Так что в какой-то промежуток времени им совсем несладко пришлось. Власти никакой нет, продуктов нет, и они на время оказались в какой-то растерянности.

Зато в 60-х годах я семь лет служил в Германии, и вот тут я больше к немцам присмотрелся. Конечно, к военным в основном. Рядом с нашей дивизией стояла немецкая танковая дивизия ННА. И мы к ним ездили, и они к нам приезжали. Под конец моей службы там стали уже совместно участвовать в учениях.

В этой дивизии я бывал неоднократно и, конечно же, любопытствовал, как у них все устроено. Сравнить, как у них, как у нас. И мне показалось, что многие вопросы у них были устроены более разумно и обстоятельно. Например, дисциплина. Сказать, что она у них слабее, ничего подобного. Тем не менее для солдат были определенные послабления. Например, в личное время у них солдат мог форму снять, кто хочет, читает, кто хочет на постели поперек валяется. Я же заходил в казармы, видел, лежат.

И мне очень понравилось, как у них разумно были

поставлены обучение и подготовка резервистов. У нас собирают кучу, и начинается обучение. А у них, если танки сменились, сразу собирают резервистов, чтобы познакомить их с новыми машинами. В роте из десяти машин девять – кадровые экипажи, а 10-й – резервисты. Проходят вместе со всеми обучение, а в конце сдают зачет на допуск. А живут в отдельной комнате и на выходные уезжают домой. У нас сейчас только вводится шведский стол, а у них эта система уже тогда работала.

Но при всех этих вольностях немцы оставались очень старательными, исполнительными, и их на разборах всегда отмечали положительно. Ясно, дело во внутренней дисциплине. И вот, приглядевшись тогда к ним, мне стало понятно, почему у нас соотношение сгоревших танков один к трем не в нашу пользу… Это не только техника, но и люди, их внутренние взаимоотношения, командир – подчиненный, все здесь.

Николай Борисов (7 ноября 1945 г.)

И должен признаться, что в войну я прямо уж такой лютой ненависти к немцам не испытывал. Ну, ясно, идешь в бой, если не ты его – так он тебя. А так, чтобы просто изничтожить, такого у меня никогда не было. И они повода не давали. Отношения с немцами и немецкими военными всегда были хорошими и ни про какие инциденты я никогда не слышал. Относились к ним без всякой опаски.

Поразительное дело. В Германии нам в спину почти совсем

не стреляли, а вот в Польше такое частенько случалось. Правда, у нас погибших в Польше не было, но всех постоянно инструктировали, чтобы не ходили по одному. Вот помню, стояли мы в деревне Подбухвало в районе Жешува, так там и патрулировали, и посты выставляли, потому что постоянно поступала информация об инцидентах. Бывали случаи, что угощали самогонкой, а в нее подмешивали и известь, и еще всякую дрянь, и люди получали отравления.

Так что, когда мы через Польшу проходили, я понял, что нация специфическая. Немцы старательные, им сказал, они сделают. А поляки, сказали и забыли. Что-то внутреннее у них есть, что они по родству непорядочные. Да еще издавна не любят русских.

А вот от бандеровцев у нас аж семь человек погибли. 14 июня 1945 года на лесной поляне состоялось торжественное построение, и корпусу был вручен орден Ленина. Это было первое и последнее общее построение 4-го гвардейского танкового Кантемировского корпуса согласно штату военного времени.

Спустя неделю передали всю свою боевую технику и тяжелое вооружение в другой корпус. Стало понятно, что мы покинем Германию. А через несколько дней получили приказ о совершении марша на территорию Советского Союза в район городка Судовая Вишня, что во Львовской области. Но мне и тут повезло.

Вызывает меня начальник тыла майор Плеханов. В конце 70-х я встречал его на наших встречах. Он уже профессором стал, доктор наук. И дает мне задание: «У нас в бригаде 78 лошадок, и вы должны их доставить на территорию Советского Союза». Видимо, вспомнили, что раз я деревенский, то должен уметь обращаться с лошадьми. Хотя каких-то особых навыков я в этом деле не имел. Вот отец мой был настоящий лошадник. Он у нас не рыбак был, не охотник, крестьянин до мозга костей и лошадей любил страшное дело. Разбирался в них, как доктор с человеком. Если кому нужно лошадь купить, обязательно его приглашали, и он по зубам, по ногам, по гриве, по объему живота определял, чего стоит лошадь. Талант!

Ну, чего, надо так надо. Дают мне письменный приказ, развернули карту, а на ней все досконально расписано – маршрут, где привалы устроить, где поить лошадей, где ночевка и т. д. и т. п. И дают мне в подчинение целую команду: 35 ездовых, плюс старшина, фельдшер, да еще повар с кухней и продуктами на всю команду из расчета на неделю. И мы этот марш своим ходом неделю совершали.

Вначале по территории Германии, потом Польша, а затем

вышли в Львовскую область. Пока ехали по Германии, все спокойно, только пара маленьких инцидентиков случилась. Однажды въезжаем на площадь какого-то городка, и вдруг оркестр начинает играть встречный марш. Смотрю, какие-то начальники бегают. Думаю, чего такое? Но сразу понял, что какая-то ошибка. Встречали своих, а появились мы. Бегут два офицера, и капитан меня ни с того ни с сего отчистил матом: «Кто вы такие и откуда здесь появились?» – «Как откуда? У меня приказ – веду колонну!» Оказывается, они ждут свою часть. «Так мы никого по дороге не видели!» – «Быстрее отсюда уезжайте!»

Но как заехали в Польшу, тут уж мы стали настороже. Я и до этого выставлял охрану, все как положено, ночью проверял. Если кто-то заснул, старшине выволочку устраиваешь, и он уже их сам воспитывает. А старшина мне боевой попался, кулачище, как кувалда, так что он быстро приводил в чувство. Вижу у одного глаз уже закрылся, значит, уже воспитывали его хорошо… Но все поняли, что я требовательность проявляю, поэтому все как положено, и в Польше уже выставляли усиленную охрану. Не один человек, а парные, между ними патрули. Повозки как можно поплотнее сдвигали, привязывали, старшина даже советовал связывать передние ноги лошадям. Потому что, где только остановимся, сразу появляются разведчики из местных: «Не продадите ли лошадку?» Некоторые большие деньги предлагали: «Целый мешок принесу!» В итоге ничего серьезного не случилось, но факт тот, что в Польше мы всегда были настороже.

И еще такой момент. Тогда же вся территория до Одера отошла полякам, и там в одном селе мы видели такую картину. В основном немцы уже ушли, но уже появились первые поляки-переселенцы, так они стали выгонять немецкие семьи, которые еще задержались. У кого из немцев лошадки оставались, их сразу отобрали, и весь свой скарб они везли на себе. На тележках, на велосипедах, в детских колясках… И прямо у нас на глазах поляки остановили две повозки с немцами, лошадей сразу отобрали, барахло сбросили, укатили, а немцы стояли и смотрели. Зато сейчас они лучшие друзья, и немцы уже забыли, как вели себя их «друзья»-поляки…

В общем, успешно прибыли в конечный пункт назначения – городок Судовая Вишня, что в 15 километрах от границы. Наши уже все там, на машинах приехали. И в конце мне объявили благодарность. Ребята смеются: «Везет тебе, Коля.»

А в Судовой Вишне перед нами были поставлены две задачи. Во-первых – усиление местной милиции и поддержание порядка в округе. Для этого у нас сформировали несколько оперативных групп. У нас в батальоне, например, три такие группы были

сформированы. Одну из них возглавлял я. Если что, мы вместе с энкавэдэшниками выезжали в районы и ловили этих бандеровцев. Никого нашей группой, правда, не взяли, но и стрелять приходилось, и гранаты бросали, всякое случалось. Эти же облавы в основном по ночам. Только чего-то где-то шорох, сразу палили.

Ну, а вторая задача – мы занимались разгрузкой и отправкой различных грузов, прибывающих из Германии. Там вроде до 1 сентября разрешалось вывозить все без всякого, и эшелоны шли один за другим. В Германию порожняком, а оттуда вывозили все, что возможно. Но чтобы держать станцию свободной, пришлось построить два тупичка. Мы помогали строить эту километровую дорогу, потом появились восовцы, специалисты-железнодорожники, все проверили и загнали нам туда эшелон из Германии с оборудованием. Мы должны были его выгрузить, направо и налево от полотна, накрыть толем, чтобы не промокало. Но разгружать пришлось долго, ведь там многотонные станки, а у нас никаких кранов, все вручную. Ну, и свою привычную службу несли, так что скучать не приходилось. И вот за два месяца, пока мы там находились, у нас в бригаде погибли семь человек. Ладно, трое погибли непосредственно в стычках. А остальные? Как-то парочка солдат подалась в деревню и пропала. Потом как-то повар вдруг решил достать зеленого лука. Взял с собой одного помощника, на повозке уехали, и все, ни слуху ни духу… Не нашли и ничего не узнали. Так что стоит только расслабиться, как сразу проявляется наша русская расхлябанность. И почти каждый день нам докладывали о всяких эксцессах. Там, там, там. А я там немножко встречался с заведующей почты, приятная такая девушка. Но ее туда прислали с Восточной Украины, а таким пришлось особенно нелегко. И я ее спрашивал: «И как вам тут, не страшно?» – «Конечно, страшно. То там кого-то застрелят, там, там.» Или еще такой эпизод.

В доме, где находился штаб бригады, вдруг обнаружили тайник с оружием. Уже потом я узнал, что о нем сообщила какая-то молодая девушка. Стену сломали, а там и пулеметы, и автоматы, и боеприпасов сколько хочешь.

А уже в Наро-Фоминске на полковой кухне я вдруг увидел молодую девушку. Поинтересовался, откуда она взялась. Солдаты же должны там работать. И мне рассказали, что она кое-какие гнездышки бандеровцев раскрыла и, когда мы собрались уезжать, попросилась: «Возьмите меня с собой!» Ее, конечно, взяли, устроили в городе на работу, пристроили в общежитие, а потом она вышла замуж и так и осталась в Наро-Фоминске. Так что обстановка была напряженная, сложная, беспокойная, и нам

постоянно напоминали про бдительность. Всегда и везде ходили только с оружием. Правда, когда приехали в Наро-Фоминск, оказалось, что там развелось много разных банд. Какая-то «Черная кошка». Так что и там до конца 45-го с оружием ходили.

Фронтовой быт

Кормили нас нормально, особенно в конце войны. Но мы ведь и не избалованные были в плане питания. Вот я, например, дома как привык? На завтрак всегда жареная картошка. В обед суп, может, что-то еще. А на ужин только стакан молока и кусок хлеба. И всего раза два в неделю мясо. Так что в этом плане для меня сложностей не возникало.

Знаю, что многие от однообразного армейского питания чего-то всю жизнь терпеть не могут. У меня ничего такого нет. Как любил кашу с детства, так и ем ее с тех пор. Разную, но каждый день на завтрак обязательно применяю.

Запомнились вкусные американские консервы. Когда в училище учились, помню, задавал себе задачу – найти хоть кусочек колбасы в порции. Ищешь, ищешь и иногда найдешь малюсенький кусочек…

Зато когда банку открываешь, это совсем другое дело. Если на черный хлеб кусочек положишь, вот красота…

Немецкие продукты тоже пробовал, очень понравились. Даже мед понравился. Он у них был в упаковочках по 100–200 граммов, как сейчас сметана. Чувствуется искусственный, но все равно вкусно. Но особенно нравились рыбные консервы. Правда, как прочитаешь на этикетках «произведено в Дании, Голландии», так сразу ругаемся на них нехорошими словами: «Вот сволочи, кормят немцев.»

Иногда мне хочется картошки в мундире, и когда беру ее в руки, то аромат и вкус напоминают мне детство и один эпизод с войны.

Когда мы только прибыли в 40-ю бригаду, то марш на передовую выдался продолжительным и напряженным. Особенно для механиков-водителей. И вот на рассвете мы остановились в украинском селе. Объявили большой привал. Дозаправились, ожидаем батальонную кухню. И тут наш богатырь, механик-водитель Савин вдруг неожиданно вспомнил про картошку: «Я бы целый чугун, наверное, съел.» Другие члены экипажа его поддержали.

Втроем заходим в ближайшую хату, а там за пустым столом ребятишки мал мала меньше. У печи хозяйка. С разрешения присели на лавку. Но что это, не сон ли? Хозяйка вынимает из печи чугунок с картошкой в мундире. Мы аж переглянулись. Хозяйка стала настойчиво угощать. Берем по две картофелины, она приятно обжигает ладонь, и ее тепло проникает внутрь. На столе появляется вместительный чайник с кипятком. Я шепнул

радисту-пулеметчику, и он принес из танка две суточные упаковки НЗ. Положил их на стол. Хозяйка отказывается, а детишки выразительными глазенками смотрят на эти необычные предметы. Но тут поступает команда: «Вперед!» Выхожу последним из хаты, а вся семья, выстроившись у порога, провожает нас. На глазах хозяйки слезы, она вытирает их концом длинной юбки. Казалось бы, ничего особенного не случилось, но вот всю жизнь вспоминаю этот эпизод…

Еще запомнилось, как в Кракове мы впервые попробовали знаменитой краковской колбасы. Для нас это целое событие. У нас же все деревенские, так что о существовании колбасы мы только слышали, но далеко не все ее пробовали. А тем более настоящей краковской. Я, например, перед войной всего два раза пробовал самой дешевой чайной колбасы. Один раз где-то с отцом на ярмарке, и один раз друг угостил.

Вот, значит, брали мы Краков. Здорово там повоевали, много всяких событий приключилось. Но несколько суток не спали, и, когда выдалось затишье, все, конечно, сразу повалились спать. И вдруг меня будит наводчик Гаврилюк. Бывалый мужичок, лет под 40. Хозяйственный такой, с ним я забот не знал с пропитанием. Резерв он нам всегда обеспечивал. Но где, чего доставал, понятия не имею. И тут он меня будит и говорит: «Командир, тут колбасу где-то делают. По запаху чую!» – «Действуй!»

А надо сказать, что в Кракове было мало разрушений. Мы тут и сами не очень уж старались палить направо и налево. Вот потом в Германии хотелось навредить по полной. Что было, то было. А в Польше нет. Тем более такой красивый город, солидные костелы кругом.

В общем, смотрю, он в соседний дом зашел. Ничего. Во второй зашел, выходит, руки вытянул вперед, а на них висят круги колбасы. Подходит: «Командир, колбасы поедим!» Всех поднимаю, и, конечно, сразу на нее навалились. Кто чистил, кто нет, но пошла хорошо. По кругу как мотанули, сразу все животы стали гладить… Очень понравилась.

Потом он рассказывает: «В подъезд захожу, стучу, двери открывают, а запаха нет. Но на втором этаже, как открыли, сразу такой запах шибанул. Захожу, а там пожилой поляк с женой. Поздоровались, и он без всяких подает команду жене. Та принесла колбасы, но я все-таки пошел посмотреть. Оказывается, в одной комнатке у них полуфабрикаты, а в другой уже готовые висят».

Теперь насчет обмундирования. Одевались мы просто. Шлем, телогрейка, ватные брюки, сапоги, а зимой валенки. Командирский ремень на брюках, на нем справа мой ТТ. На груди

за пазухой трофейный пистолет. В телогрейке два кармана, в каждом по «лимонке». И всегда имел при себе два индивидуальных пакета. Один с документами в левом кармане, второй в заднем кармане штанов. На руке всегда часы и компас – вот моя обычная экипировка. Даже если выскочу из танка, то просто так меня не возьмешь. Потому что главное чего я боялся – попасть в плен. Об остальном даже не думал, а вот насчет плена мыслишка иногда проскакивала. А уж на крайний случай держал одну гранату.

Вши, конечно, были. А как на войне без этих обойтись?! Мылись-то редко. Но у нас эта проблема проще решалась. Соляркой швы промажешь, и они там больше не живут. По спине могут бегать, а там их нет. А вот кальсоны почаще приходилось чистить и промазывать. Но тут возникала другая напасть. В местах изгибов сильно натирало.

И фурункулы вскакивали, но это от простуды. Помню, в январе 44-го один вскочил под мышкой, и я остался фактически с одной рукой. Но идти с фурункулом в санчасть я считал позорным, а кто-то и с перевязанным пальцем ходил… Пришлось вспомнить о дедовском методе лечения этой заразы. Пережевал мякоть черного хлеба, добавил туда прилично соли, приложил на фурункул и перевязал бинтом. Повторил эту процедуру несколько раз, и закончилось тем, что Савин удалил мне гной из раны.

Но понятно, что зимой стремились изыскивать различные возможности дополнительно экипироваться. У меня это дело поставлено было строго. Кто-то отвечал за питание, кто-то за отдых. Если что-то трофейное подвернулось, почему бы не прихватить? Ведь не на себе тащить.

Помню, как-то удалось обнаружить и приобщить на взвод двадцать пар немецких зимних перчаток. Несколько позже где-то приобрели два шерстяных одеяла. Но вскоре машина сгорела, и мы в одно мгновение лишились всех наших «сокровищ». А однажды вместо сгоревшей в танке шинели выдали бушлат. Он вроде теплее, но им никак не укрыться.

Но на самом деле это все ерунда. Единственно, что меня по-настоящему донимало на фронте – постоянный недосып. Иногда на марше думаешь, вот сейчас засну и с крыла под гусеницы свалюсь.

Летом танкисты обычно спали под танками – рыли окопчики под ними. Но мне перепало две осени, две зимы и две ранние весны. К тому же их копают, будучи в обороне. Но поскольку наше соединение в обороне стояло очень и очень редко, то такие окопчики мы копали считаное количество раз. А так в основном в движении. То ли марш, то ли атака, то ли еще что-то. И только

когда становится понятно, что простоим в обороне несколько дней, вот тут под машинами выкапывали такие окопчики. Но он всего на два человека, и кто-то в танке обязательно дежурит. Один из них стреляющий – либо наводчик, либо командир. Вот в январе 45-го перед самым наступлением с Сандомирского плацдарма мы в таком окопчике целую неделю прожили. Но мы как раз перед этим новые машины получили, и в комплекте к ним шли и небольшие печурки и брезент. Брезентом накрывались, печку устанавливали, растопили, и прекрасно.

Но все-таки самое лучшее место – на моторном отделении. Двигатель прогрели, брезентом накрылись, лучшего и не надо. Но у нас же мудрые начальники за имущество беспокоятся: «Вы же брезент наверняка спалите. Лучше сдайте-ка его…» Так что иногда брезентик имелся, а иногда и нет.

Поэтому на марше все спали, бодрствовали только мы с мехводом, и он ребятам завидовал. Но когда совершали длительные марши вне боя, то я его подменял. Сам садился за рычаги и давал ему часик-полтора отдохнуть.

У многих ветеранов есть какая-нибудь история, связанная с девушками на фронте. Есть такая история и у меня. В принципе я с девушками почти не пересекался. Знал, что у нас в батальоне есть сколько-то девчонок, две-три-пять самое большее. Санинструктор, химинструктор, писарь в штабе батальона, какой-то делопроизводитель в хозчасти, что ли. Но я их изредка видел, они же далеко от нас.

И вот еще до ранения, когда у меня сгорел танк и я оказался в батальонном резерве, начштаба старший лейтенант Теневицкий взял меня к себе: «Будешь немного помогать!» Хотя помощники у них обычно ребята возрастные, а молодых удел – на танке. И как-то они с комбатом куда-то уехали, но он меня предупредил: «За комбата останется ротный, а ты вместо меня! А если начальство станет нас искать, скажите, что мы отлучились куда-то неподалеку! А мы через день-два вернемся». Обо всем меня предупредил, проинструктировал, даже на бумаге инструкцию оставил, а в конце устно предупредил: «У нас тут девчонки есть, так ты присматривай за ними. И если начхим бригады позвонит и вызовет химинструктора к себе, ты не отпускай ее!»

Только они смотались, звонок:

– Я начхим бригады Коротых, а ты кто такой?

– Я ВИО начштаба!

– Там у вас инструктор есть такая-то, чем занимается?

– Выполняет свои обязанности!

– Пришлите ее ко мне, нужно документы оформить!

– Товарищ майор, она прибыть не сможет!

– Почему это?

– Потому что я получил приказ ее не отпускать!

– Да кто ты такой?! – и начал меня воспитывать…

А Теневицкий меня проинструктировал: «Перед отбоем лично проверь, чтобы на месте были!» И в первый вечер я пошел проверить как они. Постучался в хату, представился, мне кричат:

– Заходите, товарищ начальничек!

Одна из них, самая дерзкая, на меня пристально смотрит:

– Мы тут себя решили в порядок привести, – и начинает раздеваться.

– Остановитесь, – говорю, – без меня это проделаете!

Вторая подскакивает:

– Садитесь за стол, чайку попьем!

– Спасибо, но я уже и поужинал, и чай попил.

Все-таки усадили и начинают надсмехаться надомной:

– Чего, проверять пришел?

– А чего вас проверять? Вы люди, такие же, как и я. Также соблюдаете наставления устава…

– Ты чего нам лекции читаешь?! Ты откуда сам рождения? Ты когда в армию пошел, девчонок хоть видел-то?

– Конечно, видел!

– Ну и как ты их видел-то?

– Вместе в классе учились.

– Вот только это ты и видел.

– Знаете что, девочки, пошутить, конечно, можно. Но я командир танка, считай смертник, так что я вам не с руки. Да и вы мне вроде тоже. Но я при исполнении обязанностей и должен доложить комбату, что вы на месте.

– Так и докладывай!

И смотался от них. Думаю, ведь изнасилуют же. А наутро начхим приехал на машине, пообещал меня наказать и увез эту Шурку с собой.

Сейчас принято считать, что чуть подальше в тыл, так там чуть ли не каждый командир имел свою походно-полевую жену. Но мы же постоянно впереди, что мы могли знать? Ну да, кто-то там сказал, что ППЖ у него есть. Но мое мнение – ну есть и есть. Я их и не видел этих начальников, так чего мне до их ППЖ? Не до них же совсем. Из тех, кого я знал, никто ППЖ не имел. Только при нашем фельдшере Василии Васильевиче Вязовецким, санинструктором была девушка, так все знали, что она официально замужем за зампотехом батальона.

Послевоенная жизнь

Переход к мирной жизни дался мне легко. Но легче не стало, это уж точно. Ведь что такое ротный командир после войны? Считай, самая беспокойная должность – беспрерывно идут учеба, учения да еще по два парада в год. Я потом жену как-то спросил: «Когда тебе тяжелее всего со мной пришлось?» – «Когда мы только поженились и ты был ротным командиром. С утра до вечера пропадал на службе». А на то, чтобы вспоминать, чего-то там переживать, задумываться, времени просто не оставалось.

Знаю, что многие фронтовики после войны плохо спали. Какие-то кошмары их преследовали. Лично я спал спокойно, потому что служба выдалась настолько беспокойная, что времени на сон не хватало. Так что и на войне постоянный недосып был, и после. Что удивительно, поначалу война еще снилась, а потом перестала. И сейчас не снится. Вот служба иногда снится, а война нет. Но иногда такое приснится, что прямо диву даешься…

Когда война закончилась, все, конечно, расслабились и захотели домой. Многие решили уволиться. Стали обмениваться мнениями, кто, куда и как. И я тоже решил вернуться домой. Прикинул, что вначале придется 10-й класс окончить, а потом можно и в сельхозинститут поступать. Жила еще во мне детская мечта заняться виноградарством. И не просто собирался, а однажды с другом даже специально покинули часть.

С родителями, сестрой, братом и племянницей (с. Барское-Татарово, июль 1947 г.)

В 46-м летом расширяли свой полигон, прорезали просеки, выкорчевывали лес, и сложилась такая обстановка, что начальник убыл на три дня. И я другу предложил: «Костя, давай маханем ко мне на родину. Навестим родителей, немножко развеемся. Нас зачислят в нарушители и дадут ход нашим рапортам».

Но только приехали к родителям, как через полдня пришла телеграмма «Срочно прибыть в часть!». Приезжаем, и нас сразу к комполка повели. Провел он беседу с нами: «Думаете, я не знаю, на что вы рассчитываете? Думаете, что тем самым ускорите свое увольнение? Ничего не выйдет! Мы вас еще немного поучим. Наказывать я пока вас не буду, но посмотрю, как на вас парторганизация повлияет».

Ну, ясно, завели партийное дело. Сначала на партячейке объяснялись, потом на партсобрании батальона, а это около 30 коммунистов. Ясно, взыскание навешивают… Потом выше – партбюро, полковое собрание, а это уже за сотню коммунистов. В итоге всыпали нам по выговору, правда, без занесения в личное дело.

Но все-таки и до нашей совести люди добрались. Я до сих пор не могу забыть заключительную беседу с командиром полка Кожановым. Константин Григорьевич воевал мощно. Больше десяти орденов имел. Одних Красного Знамени чуть ли не восемь штук. Два ордена Ленина, Кутузова, Отечественной войны, Красной Звезды. А при Ельцине еще и орден Жукова получил. Так что командир он был настоящий. До генерал-полковника потом дослужился[20].

Вижу, перед ним лежит мой рапорт. «Ну и куда ты поедешь? Чем там будешь заниматься?» Рассказал ему свои планы в двух словах. Он и говорит: «Ясно, бригадиром тебя назначат. По всему ты подходишь. Ну а потом наверняка и председателем станешь. Но деревня ведь развалена, все надо создавать заново. Машин нет, а мужики одни калеки. Тебе молодому там делать нечего! У тебя же здесь все получается. Ты генералом станешь!» Я смеюсь: «Да ну, каким генералом.» В конце концов, он так сказал: «Я тебе в отцы не подхожу, но старший брат я надежный. Вижу, что из тебя отличный командир получится. Кончай дурить, берись за дело, и вперед! Согласен или нет?» – «Согласен!» – «Тогда забирай свой рапорт!» – и передвигает его по столу ко мне. Вот даже такую деталь учел. Мог бы сам бросить его в урну, так нет, вернул мне. Мол, оставь на память. Может еще, когда и понадобится…

И я потом никогда не жалел. Потому как всегда чувствовал, что я на своем месте. И когда меня провожали в запас, прощаясь с коллективом, со слезами на глазах сказал так: «Если бы мне довелось, я бы прожил так же!»

В родном полку прослужил 14 лет и считаю, что мне очень повезло служить в таком соединении. Хотя ни днем, ни ночью покоя не было. Постоянные показательные занятия, постоянно большое начальство приезжает с проверками. Командовал танковой ротой, был начальником штаба танкового батальона, три года командовал танковым батальоном. Принял непосредственное участие в 12 военных парадах на Красной площади. А потом еще на пяти парадах в качестве регулировщика выводил танковые колонны на Красную площадь. Окончил курсы усовершенствования офицерского состава, Высшую бронетанковую школу, вечерний университет марксизма-ленинизма и Всесоюзный юридический заочный институт. Занимал различные должности в штабах танковой дивизии, армейского корпуса и танковой армии. И уволился в запас в 1982 году, прослужив в кадрах армии 40 календарных лет.

Вот только генерал, правда, из меня так и не получился. Но что-то я все-таки сделал, что-то оставил, кого-то научил. Горжусь тем, что 12 моих воспитанников стали генералами. Один до сих пор служит на Дальнем Востоке. Генерал-лейтенант.

В наши дни

И в личной жизни мне очень повезло. Женился я 27 ноября 1948 года. Моя Вера Александровна была комсомолка, спортсменка и просто красавица. Достойнейший человек. Мы с ней прожили 62 года. У нас прекрасные дочь, три внука и четыре правнучки. К сожалению, супруги уже нет рядом, но благодаря ей я прожил счастливую семейную жизнь. И в целом, полагаю, жизнь прошла не зря. Я сделал все, что мог, отдал все, что имел, и достиг того, чего желал…

Тягостные думы

Когда я размышляю о войне, то четко понимаю, что она стала мне настоящей школой, которая помогла мне в последующей службе и жизни. Мы же совсем молодые были. А когда ты младший командир, то основной метод обучения подчиненных – это личный пример. Отсюда формировался характер, ответственность. И она у меня сохранилась до сих пор. Я просто так на разгильдяйство смотреть спокойно не могу и мимо не прохожу.

Недавно я услышал такое мнение, что в войну погибли самые смелые и порядочные люди, а без них на первый план вышло много хитрованов, и с этих пор наш народ пошел на спад. Лично у меня после войны такого ощущения не было. Но. Когда я, например, поступал в академию, там конкурс был семь человек на место. И когда мы в этой каше собрались, то что увидели? Ребята, прибывшие из Германии, некоторые от природы ушлые, ясно, что они чего-то там привезли. Я же по своей простоте полагал, что заслужил, то и поставят. Но при таком конкурсе, конечно же, начались разные махинации. И к чему это в итоге привело?

Вот я, допустим, долго командовал ротой, и когда пришло время назначить комбата, а на меня уже было готово представление, вдруг возникла кандидатура другого офицера из соседнего батальона. Я посчитал его назначение несправедливым, и попросил комполка объяснить.

И вот он мне разъясняет: «Во-первых, он окончил академию, – но почему-то занимал такую низкую должность. – Во-вторых, он постарше тебя на два года». Но я сказал, что с такими выводами не согласен. И что дальше?

Прибыло к нам несколько новых офицеров. Один, считай, даже не танкист – был адъютантом у командира дивизии. Потом его назначили на роту. Всего полгода им побыл, и его назначают комбатом. Хотя ему еще учиться и учиться танковому делу. Опыта же совсем нет, фактически случайный человек.

Помню, один такой же прибыл из академии и заступил на дежурство по гарнизону. А в инструкции есть такой пункт «проверять пожарную команду». Но ее же по-разному проверять можно. Так он ничего мудрее не придумал, как решил ее проверить практически. В три часа ночи поднял их по тревоге и дал вводную: «Горит гарнизонный Дом офицеров!» Он думал, выйдет и встретит их, а машина примчалась, и вокруг дома. Он за ними, а они вокруг объехали, гидрант установили и начали поливать здание… А его только-только покрасили. На фасаде эту

краску маханули, как и не было ее. Пока он оббежал, тут уже все, ребята сработали. Ну, понятно, какой итог…

Комдиву все доложили, тот, как этого дежурного увидел, только рукой махнул – иди с глаз долой… И все – через месяц его уже нет в дивизии. Отправили преподавателем в автомобильное, что ли, училище. Так что в академии нужно принимать не только потому, как кто знает физику. Много разных факторов нужно учитывать. Но получилось так, что многие знающие с потугой продвигались по службе, а всякие сынки проскакивали с ходу.

Ведь только закончилась война, уже на второй год нас, фронтовиков, осталось всего пять человек. Кого на повышение, кого уволили. И пошли ребята: начальником штаба полка стал сын прославленного маршала. Командиром батальона прибыл из академии сын бывшего начальника Главпура. А чижиков этих, лейтенантов, кто из Генштаба, кто еще где-то командующий, прямо заполонили. Правда, и они ребята разные. Кто-то толковые, а кто и чистейшие.

Вот, например, к нам прибыл служить сын погибшего в войну командующего танковой армией. В войну училище окончил, потом в академии учился, а после нее прибыл к нам и сразу на роту. Он академию окончил, но мы же его зашьем в любом вопросе. Потому что он только теорию знает, а остального ничего не знает. А тут же ни дня, ни ночи покоя нет – идут беспрерывные занятия. На полтора года его хватило, а дальше куда-то ушел. Потом я слышал, что он два раза увольнялся, два раза возвращался, но дальше роты так и не продвинулся.

Я много думал, с какого же момента началось разложение армии, и вообще, в результате чего наша страна покатилась, и рухнул Советский Союз. Можно, конечно, рассуждать по-разному, но я не любитель делать глобальные выводы. Полагаю, каждый на своем месте должен показывать результат.

Но ведь что такое армия? Это слепок с общества, поэтому как страна шла, так и армия. И упадок в армии пошел, когда он обозначился и в обществе.

С какого-то момента и у нас в армии тоже стали возникать противоречия и стали видны недостатки. То сокращение шарахнуло, то немножко стабилизация идет, то какие-то переформирования придумают… То 45 лет исполнилось – вылетай из армии! А это же самое-самое обучающее звено – вплоть до командира батальона. Люди с военным опытом, самые работящие лошадки, а их вдруг стали увольнять. Даже такой момент помню.

Служил у нас комполка Дмитрий Куликов, и вдруг как-то вскрылось, что он в войну училище не окончил и непонятно как

стал офицером. Чуть ли не сам себе присвоил звание. Но поскольку он на хорошем счету был, то дело кончилось тем, что объявили ему служебное несоответствие и наложили партийное взыскание. Но хоть это дело быстро сняли, особо далеко он уже не продвинулся. Стал начштаба дивизии, а потом и вовсе перевели в военкомат. Вот спрашивается, почему с ним формально поступили? Ведь времени уже столько прошло, тем более такой толковый был. Пять орденов в войну заслужил, тут и не такие вещи прощают. Или еще другой момент.

Всю войну у нас взводным-технарем был один офицер. Должность нужная, но роста там никакого. А как война закончилась, он стал выступать на всех партсобраниях с различными деловыми предложениями. Всегда деловой, в заботах, чего-то доставал для части в Москве. И вскоре его назначили ротным, а через пару лет он уже начальник автомобильной службы полка. А мы все вроде и боевые, но все на тех же должностях. Тут не то что о выдвижении, боялись как бы не вылететь за штат, а то уволят без пенсии, и все… И вот так он выскочил и раньше меня стал майором. А когда я стал майором – он уже был начальником автошколы. Такую бурную деятельность там развернул. Всякие показные занятия, на которые съезжается разное начальство. Вот и получилось, что вместо боевых офицеров всякие подхалимы и угодники пришли. Как в обществе это появилось, так и в армии пошло. Зато многих настоящих боевых офицеров уволили. Новых выдвинули, но со многими мука одна. Не знают, куда их девать, потому что совсем случайные люди, хотя и академии кончали.

И в конечном счете руководство страны застарело, по-русски говоря, нюх потеряло, и бдительность, и ответственность. Когда начались эти бесконечные награждения друг друга, вот оно к чему и привело в итоге.

Вот пустяковый вроде вопрос. Старшие лейтенанты молодые ребята, а он уже пьянчуга. Спрашивается, ну чего его в армии держать? Так нет же. Сверху следует строгое указание: «Молодых не увольнять!» А он разлагает других. И мы с этими пьяницами прямо замучились. Ну, спрашивается, чего там пьяницу воспитывать? Он же тебе обещаний каких хочешь надает. А дальше и солдат пошел уже не тот. А тем более, когда русских в армии стало меньше. Особенно среди азиатов неграмотных много и по-русски почти не говорят, вот и пошло увядание.

Как-то строевой смотр проводим, генерал мне говорит: «Николай Николаевич, пойдем к самым дальним!» Ясно, что на правом фланге самые бравые ребята стоят, а там и по росту самые маленькие, и самые зачуханные, грязные. Стоит один – сто

пятьдесят с шапкой… Смотрит внимательно, научили же его. «Ну, – спрашиваем, – товарищ, как служба идет?» – «Атлично, тавариш генерал, как сказал старшина!» Вот и все тебе, пожалуйста. Дальше можно вопросы не задавать. Так что, по моим ощущениям, спад пошел с конца 70-х, а еще в 60-х наша армия была настоящий кулак. Только покажи, и этого достаточно. Так и должно быть!

Во время венгерских событий я находился на уборке урожая на целине. Но вот совсем недавно встречался с другом в Москве, который поучаствовал там. Он с 27-го года, и в Отечественной не воевал, учился в училище. Зато в Венгрию попал. Получил там и ранение, и медаль «За боевые заслуги». Так он постоянно вспоминает, что бои там шли ой-ой-ой… Недаром их приравняли к участникам войны.

А в 1968-м я служил на севере Германии, а мой послевоенный командир полка Кожанов Константин Григорьевич тогда уже командовал 1-й гвардейской танковой армией в Дрездене. Так ее еще солидно усилили и ввели в Чехословакию. Уже потом он мне рассказывал, как там было дело. После этих событий он там еще шесть лет являлся представителем Главного командования Объединенных вооруженных сил при министре национальной безопасности Чехословакии, за что в итоге был награжден высшей наградой республики – орденом Белого льва.

А в нашу дивизию пришел приказ – подобрать на должности комендантов городов десять лучших офицеров в звании майора. Вот в подборе этих офицеров я участвовал. Знаю, какой инструктаж проводился. А дальше их отправили, но уже месяца через два они вернулись. Двое из них потом получили награды. В личных беседах я кое-кого расспрашивал, но они отмечали, что никакой опасности для них там не было.

Давать оценку тем событиям я не буду, все по своим местам рассудит время. Конечно, можно давать оценки с позиции сегодняшнего дня, но все-таки в таких международных событиях многие вещи надо более глубоко прорабатывать, с перспективой. Так, военные свою задачу вроде выполнили, хорошее дело вроде сделали, а если смотреть в политическом аспекте, то тут масса всякой всячины всплывает, и через какое-то время аукнулось… Поэтому надо осмысливать любой вопрос, маленький или большой он, государственного или районного масштаба, но в конце концов, все решают люди. Поэтому надо очень серьезно заниматься подготовкой кадров. Система подготовки кадров в Советском Союзе была настоящая, толковая, а сейчас ее запустили. Мол, народ решает на выборах. А что там народ решает?! Решают деньги! А как вмешались деньги, считай, про

нужды народа можно забыть.

Эпилог

Что для меня 9 Мая? Много чего, конечно, пришлось повидать и пережить на фронте, но всю жизнь в День Победы мне невольно вспоминается победная весна 1945 года. Вернее, одна картиночка…

В первых числах мая 45-го наша бригада находилась в резерве корпуса, и нас постоянно привлекали для ликвидации отдельных вражеских группировок. На юге Германии таких много осталось. Несмотря на очевидное приближение краха, эсэсовские части и штурмовые отряды упорно сопротивлялись.

И вот в один из дней остатки нашего батальона, семь танков, отправили оказать помощь стрелковой части в освобождении небольшого городка от фашистов. Совершили 30-километровый марш, и на подходе к городу, возле хутора в ровном поле, показалась многолетняя цветущая груша. А в нескольких метрах от нее чернел обгорелый корпус самоходки СУ-76. Мне не раз приходилось видеть горящие самоходки – картина шокирующая. Работающие на бензине, они горели просто ужасно, и мы все жалели их многострадальные экипажи.

Бой в городе длился почти целый день. Пехоте пришлось выкуривать немцев из подвалов жилых домов с помощью дымовых шашек и гранат. Мы же уничтожали огневые точки и отдельных солдат, вооруженных фаустпатронами. Особые трудности возникли при штурме здания ратуши и костела, защищавшихся эсэсовцами. Здесь пришлось вести снайперский огонь из пушки по окнам и дверям, так как метровые кирпичные стены разрушению не поддавались. В итоге городок был освобожден, и удалось взять в плен несколько десятков фолькштурмистов – 15—17-летних подростков. В наших рядах потерь не оказалось, а вот матушка пехота недосчиталась десятка два убитых и раненых. Так закончился еще один день этой страшной войны. Но вот всю жизнь, при виде цветущих яблонь и груш мне невольно вспоминается картинка из победной весны – сгоревшая самоходка на фоне цветущей груши…

notes

Примечания

1

Попель Николай Кириллович (1901–1980) – генерал-лейтенант танковых войск. С 30 января 1943 года до конца войны член военного совета 1-й танковой (впоследствии Гвардейской) армии. – *Прим. лит. ред.*

2

Рубинчик Хаим Эммануилович (1903–1991) – советский партийный и хозяйственный деятель, генерал-майор инженернотехнической службы (1945). С мая 1942 по 1949 г. – директор завода «Красное Сормово» в Горьком. В 1942–1945 гг. под его руководством на заводе во много раз было увеличено производство танков Т-34. Первые сверхплановые танки вышли в июле 1942 года. В августе число выпущенных танков вновь было увеличено. Всего же за годы войны под руководством Е. Э. Рубинчика сормовичи выпустили свыше 12 тысяч танков Т-34, а также несколько миллионов снарядов для артиллерии и «Катюш».

3

На сайте www.podvignaroda.ru есть наградной лист, по которому командир танка 67-го гвардейского танкового полка 19-й гвардейской мехбригады гв. мл. лейтенант Черепенин Алексей Иванович, 1924 г. р., был награжден орденом Красной Звезды: *«… участвуя в боях на Лодзенском и Познаньском направлениях в танковом прорыве 16.1.45, одним из первых форсировал р. Пилица и закрепился на западном берегу. За период боевых действий 15–23.01.45 его экипаж уничтожил больше 40 немецких солдат и офицеров. Действуя в передовом отряде, действовал смело и отважно. Экипаж прошел более 400 километров, не имея ни одной аварии».*

4

На сайте www.podvignaroda.ru есть наградной лист, по которому подполковник Томпофольский Вячеслав Саввович, 1889 г. р., был награжден орденом Красной Звезды. – *Прим. лит. ред.*

5

По данным ОБД-Мемориал Зайчухин Борис Александрович, 1925 г. р., погиб в Польше 31 июля 1944 г. Похоронен в братской могиле в дер. Кшивулька Подлясского воеводства. А за девять дней до гибели, командир пулеметного взвода 3-го батальона 1104-го стрелкового полка 331-й стрелковой дивизии младший лейтенант Зайчухин Б.А. был награжден орденом Красной Звезды: *«24.6.44 в бою за деревню Батраковцы Витебской области, командуя пулеметным взводом, показал образцы умелого и эффективного использования пулеметов. В этом бою смело заходил во фланги противнику и успешно отразил несколько его контратак, обеспечив продвижение пехоты вперед. 30.6.44 при форсировании р. Березина он со своим взводом одним из первых переправился через реку и, закрепившись на западном берегу, открыл губительный огонь по противнику, чем серьезно способствовал успешной переправе пехоты через реку и дальнейшему преследованию противника»* – www.podvignaroda.ru

6

По данным ОБД-Мемориал, старшина Горячков Василий Александрович, 1914 г. р., числится пропавшим без вести с августа 1941 года.

7

На сайте www.podvignaroda.ru есть наградной лист, по которому механик-водитель 1-го танкового батальона 14-й гвардейской танковой бригады гв. старший сержант Поздняков Николай Федорович, 1913 г. р., был награжден орденом Славы 3-й степени: *«…Во время прорыва обороны немцев в районе высоты «616» – Ропянка, смело и решительно вел свой танк в атаку. Своевременно заметил противотанковую пушку и доложил командиру – орудие было уничтожено. Гусеницами раздавил два окопа с пулеметными расчетами.*

2.10.44 в боях за н. п. Поляны гусеницами раздавил 1 пушку, 2 пулемета и 6 гитлеровцев.

4.10.44 в боях за н. п. Гута-Поляньска в трудных условиях гористо-лесистой местности умело вел свой танк в атаку, одним из первых ворвался в Гута-Поляньска. Корректируя огонь из танка, способствовал уничтожению 2-х пушек и до 14 человек немецкой пехоты.

6.10.44 в боях за н. п. Цехане смело повел свой танк на немецкие укрепления и гусеницами раздавил 2 пулемета, 2 ружья «фаустпатрон», разогнал до 30 гитлеровцев.

13.10.44 в боях за д. Свидничко первым ворвался на ее окраину, и гусеницами раздавил 1 орудие, 4 пулемета и до 15 человек немецкой пехоты».

8

На сайте www.podvignaroda.ru есть наградной лист, по которому командир 2-й танковой роты 1-го батальона 14-й гвардейской танковой бригады Храмцов С. В. был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени: *«При прорыве Висленского плацдарма с 13.01.45, действуя из Квасува на Вислица, гв. ст. лейтенант Храмцов находился в головной походной заставе батальона.*

В ночь с 13-го на 14.01.45 при захвате Вислица умело организовал танковую разведку, в результате чего ротой были обнаружены и уничтожены немецкие обозы с амуницией и пушками.

15.01.45 в боях в районе Роцлавица совершил умелый обходной маневр и решительным броском вышел на Орлув, уничтожив при этом 6 фаустпатронов, 3 автомашины, 1 самоходку «артштурм» и до 20 человек немецкой пехоты.

17.01.45, несмотря на упорное сопротивление противника, рота гв. ст. лейтенанта Храмцова на больших скоростях ворвалась в центр м. Белы Костел. Уничтожив и рассеяв до роты немецкой пехоты, 20 фаустпатронов и 2 бронетранспортера, рота вышла на северную окраину м. Забежув. Заметив движение колонны противника, рота огнем из пушек остановила движение по дороге и, захватив до 40 автомашин, ворвалась на восточную окраину м. Забежув.

22.01.44, действуя из засад в районе Милошув, рота уничтожила 2 средних немецких танка, 6 станковых пулеметов и до 20 человек пехоты.

В этих боях экипаж гв. ст. лейтенанта Храмцова уничтожил 2 средних танка, 4 орудия разных калибров, 4 фаустружей, 3 автомашины и до взвода пехоты».

9

На сайте www.podvignaroda.ru есть два наградных листа, по которым Калинин Иван Георгиевич, 1925 г. р., был награжден двумя орденами Красной Звезды. – *Прим. лит. ред.*

10

Бармин Илья Елизарович (1916–1943) – советский танковый ас. В двух боях под Москвой 16 и 25 ноября 1941 года его экипаж уничтожил 19 танков противника и 7 противотанковых орудий, за что младший политрук Бармин был удостоен звания Героя Советского Союза. 10 декабря 1943 года в ходе боев южнее городка Малин Житомирской области гвардии капитан Бармин пропал без вести, и долгое время судьба его оставалась неизвестной. И уже только в 2001 году его останки были обнаружены на месте последнего боя, и с воинскими почестями герой был похоронен на Военном кладбище Воронежа – ru.wikipedia.org

11

Лавриненко Дмитрий Федорович (1914–1941) – самый результативный танкист Красной Армии за весь период Великой Отечественной войны. По неподтвержденным данным, в 28 боях его экипаж уничтожил 52 немецких танка. – *Прим. лит. ред.*

12

Выписка из наградного листа, по которому командиру 2-й танковой роты 1-го батальона 14-й гвардейской танковой бригады Храмцову С.В. было присвоено звание Героя Советского Союза: *«29.01.45, двигаясь в авангарде бригады, гв. ст. лейтенант Храмцов получил приказ своей ротой овладеть н. п. Гишевальд и завязать бой на юго-восточной окраине г. Катовице.*

Выполняя поставленную задачу, гв. ст. лейтенант Храмцов отправил 3 танка во фронтальную атаку на Эшануэль-Заган, чем отвлек внимание немцев от обходного маневра батальона. В этом бою рота уничтожила: 6 артбатарей тяжелой артиллерии противника, 3 бронетранспортера, 2 самоходных орудия, 5 минометов, 10 фаустружей и до 200 человек немецкой пехоты.

Пользуясь паникой немцев, рота, развивая успех, вышла на юго-восточную окраину г. Катовице. Противник спешно начал подтягивать артиллерию и бросил в бой полицейские части. Но стремительной атакой рота смяла противника, а немецкие орудия успели сделать всего один выстрел и были смяты и разбиты танками роты. Таким образом г. Катовице – важнейший центр угольной промышленности был взят.

В этом бою рота уничтожила 14 орудий разного калибра, 24 пулемета, 8 минометов, 30 автомашин. Были захвачены воинские эшелоны и склады продовольствия и боеприпасов в городе. Уничтожено и рассеяно до полка частей СС» – www. podvignaroda.ru

13

Выписка из наградного листа, по которому танковый техник 1-го танкового батальона 14-й гвардейской танковой бригады гв. мл. лейтенант Тараскин Анатолий Яковлевич, 1908 г. р., был награжден орденом Красной Звезды: *«Танк, которым командовал тов. Тараскин, был назначен в разведку с задачей достичь северо-восточной окраины г. Катовицы. У ж/д моста танк обстреляла противотанковая пушка противника, но ответным выстрелом была уничтожена. Оставляя противотанковые мины и обстреливая танк из крупнокалиберных пулеметов, немцы пытались остановить танк гв. мл. лейтенанта Тараскина, но, уничтожая немецкую пехоту и технику, он упорно продвигался вперед. Будучи раненым, не прекращал вести бой до тех пор, пока не был заменен.*

В боях за г. Катовицы тов. Тараскин огнем из пушки и пулемета уничтожил 5 автомашин с горючим и боеприпасами, 1 бронетранспортер и 12 человек немецкой пехоты» – www.podvignaroda.ru

14

Крамаренко Григорий Иванович скончался 5 декабря 2012 года. – *Прим. лит. ред.*

15

Выдержка из наградного листа, по которому командир взвода 2-го танкового батальона 14-й гвардейской танковой бригады гвардии лейтенант Хлопонин Николай Петрович, 1923 г. р., был удостоен звания Героя Советского Союза: *«…15.01.45 в районе Скольмеж его взвод действовал в разведке. Встретив сопротивление противника, приказал взводу открыть огонь из всех видов оружия и стремительно ворваться в населенный пункт. Наведя панику среди противника, танки тов. Хлопонина ворвались в населенный пункт и овладели им. При этом им лично было уничтожено: 2 пушки, 3 автомашины и до 30 солдат и офицеров противника.*

7.02.45 при расширении плацдарма за р. Одер взвод тов. Хлопонина был в разведке. Обнаружив батарею противника, открыл по ней огонь, в результате чего было уничтожено 5 пушек и наши танки успешно продвинулись дальше на Мерцдорф. По пути им было уничтожено: 6 автомашин, 15 повозок с военным грузом и до 40 гитлеровцев. Танки противника пытались остановить прорыв. Гв. лейтенант Хлопонин тремя снарядами поджег 3 танка, а операция противника была сорвана, н. п. Мерцдорф был занят. – www.podvignaroda.ru

16

В годы войны Пинский М.С. (1916–1987) был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Красной Звезды. А за бои в январе 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

17

На сайте www.podvignaroda.ru есть наградные листы, по которым Логинов Геннадий Степанович, 1921 г. р., был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды.

18

На сайте www.podvignaroda.ru есть наградные листы, по которым гвардии капитан Писаренко Александр Петрович, 1915 г. р., был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны и медалью «За боевые заслуги».

19

Гусаковский Иосиф Ираклиевич (1904–1995) – советский военачальник, генерал-армии. Во время войны с сентября 1943 года командовал 44-й гвардейской танковой бригадой, и в этом качестве стал дважды Героем Советского Союза. В 1959–1963 годах командовал войсками Прибалтийского военного округа. В 1963–1970 годах – начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР. – *Прим. лит. ред.*

20

Кожанов Константин Григорьевич (1912–2000) – генерал-полковник танковых войск. Участник боев в Испании, Финской и Великой Отечественной войн. В боях дважды горел в танке. Кавалер семи орденов Красного Знамени. Награжден также двумя орденами Ленина, двумя орденами Кутузова, орденом Отечественной войны и двумя Красной Звезды – ru.wikipedia.org